

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСТВА, СЕМЬИ И ВОСПИТАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ»

АБРАМЕНКОВА В.В.

ЦЕННОСТЬ ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ОБРАЗОВАНИИ

МОСКВА - 2019

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСТВА, СЕМЬИ И ВОСПИТАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ»

АБРАМЕНКОВА В.В.

**ЦЕННОСТЬ ДЕТСТВА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ОБРАЗОВАНИИ**

Монография

Москва
2019

УДК 159.9

ББК 88

А 16

А 16 **Абраменкова В.В. Ценность детства в современном мире и образовании: Монография.** – М.: ФГБНУ «ИИДСВ РАО», 2019. – 232 с.

Автор: **Абраменкова Вера Васильевна** – доктор психологических наук, главный научный сотрудник ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования»

Рецензенты:

В.Т. Кудрявцев – доктор психологических наук, профессор

Т.А. Подольская – доктор психологических наук, профессор

ISBN 978-5-91955-158-4

В монографии представлена часть проведенных автором многочисленных исследований феномена детства конца XX – начала XXI вв. Детство как ценность открывается через все богатство традиции: детский фольклор и быт, детская игра и игрушка, детские представления о будущем, о добре и зле и др. Детская субкультура вносит неоценимый вклад в нашу культуру сегодня, задавая зону ближайшего развития (по Л.С.Выготскому): новых направлений, форм и стратегий воспитания. Проблематизируя и переосмысливая историческое наследие взрослых, детская субкультура высвечивает точки роста общечеловеческой культуры. Книга адресована психологам, педагогам, специалистам в гуманитарной сфере, родителям и всем, кому интересно современное детство.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-91955-158-4

© ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», 2019
© Абраменкова В.В., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: Детство как ценность в современном мире и в образовании.....	4
ГЛАВА 1. Субкультура детства и молодежи как прозрение новых направлений развития.....	14
ГЛАВА 2. Современная детская субкультура в наследии Г.С. Виноградова.....	65
ГЛАВА 3. Представления ребенка о времени и о себе в детской картине мира: конец XX – начале XXI веков.....	77
ГЛАВА 4. Детское сообщество – поиск новых путей в истории и современности.....	98
ГЛАВА 5. Значение игровой среды в обеспечении безопасного развития детства.....	114
ГЛАВА 6. Социально-правовые аспекты детской игрушки и детской игровой продукции в России.....	144
ГЛАВА 7. Представление современного ребенка о добре и зле.....	155
ГЛАВА 8. Ценностные основания духовно-нравственного развития современного ребенка как стратегия воспитания.....	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Социальная психология детства в пространстве детской субкультуры	223
ЛИТЕРАТУРА.....	232

ВВЕДЕНИЕ:
ДЕТСТВО КАК ЦЕННОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И В ОБРАЗОВАНИИ

Анализ детства в системе его многообразных связей с миром характеризуется, во-первых, изменением к концу XX столетия социального статуса ребенка (от полной зависимости от воли взрослых – к отношениям паритетности и правам ребенка), а, во-вторых, все увеличивающимся разрывом между богатством эмпирических фактов о ребенке в рамках естественно-научных и гуманитарных дисциплин и отсутствием общего методологического подхода к пониманию детства как развивающегося феномена в культуре и обществе.

Потребность в таком осмыслении назрела как внутри самих дисциплин (биологии, генетики, медицины, демографии, этнологии, истории, педагогики и др.), так и на их междисциплинарных границах.

Необходимость междисциплинарного синтеза проблемы детства как особой психосоциокультурной категории, с помощью которого возможно создание целостной панорамы представлений о закономерностях становления личности ребенка в обществе, высказана уже многими видными учеными: Р. Заззо, С. Московичи, А.В. Петровским, Д.И. Фельдштейном, Р. Харре, Д.Б. Элькониным, Э. Эриксоном и другими. Такое понимание детства, не вмещающееся в узкие рамки лабораторной экспериментатики, приводит к увеличению потока исследований по экологической психологии развития ребенка (У. Бронфенбреннер), по этнографии детства (М. Мид), по социологии детства (В.С. Собкин), экологии детства (В.И. Панов), антропологии детства (В.И. Слободчиков).

Подобно коперниканской логике в XVI в., вступившей в противоречие с системой Птолемея, наука и общество в XX в. столкнулись с реальностью смены *парадигмы* в исследовательской практике – с «взрослоцентризма» на «детоцентризм». Детоцентризм в современных представлениях являет собой отношение к детству как ценности, что требует перестройки стратегии вос-

питания в сторону признания особых прав ребенка. Детоцентризм все более настойчиво вторгается в систему детско-родительских отношений и в научный обиход педагогики, детской и семейной психотерапии, истории эволюции взглядов на мир.

Известно, что необходимость разработки нового поворота в системе знания и нового предмета обусловлена, как правило, возникновением *парадоксов*, связанных либо с накоплением новых фактов, не укладывающихся в рамках теории, либо с возникновением кардинальных внутренних противоречий. Такими парадоксами – противоречиями в изучении ребенка являются, на наш взгляд, следующие.

– *Демократизация детской жизни*, юридические свободы, зафиксированные в международных, государственных и др. документах и *ограничение* (особенно в больших городах) пространства детской жизнедеятельности, фактическое лишение неотъемлемого права ребенка на игру, прежде всего, традиционную для всех культур – игру со сверстниками.

– *Ценность детей* и брака, формирование родительских установок и особой эмоциональной связи с ребенком, жизнь семьи «ради детей» и резкое *снижение рождаемости*, осознанное безбрачие или намеренная бездетность (чайлдфри – свобода от детей). Этот парадокс сформулирован таким образом: *«ценность детей становится самостоятельным фактором, мотивирующим ограничение рождаемости – таков парадокс нашего времени»* [Вишневский, с. 93].

– Повышение в последние десятилетия *уровня жизни* ребенка и семьи (рост потребления товаров и услуг, в том числе и детских, повышение жизненного комфорта, механизация быта, количество и качество детской индустрии развлечений – книг, фильмов, игрушек и пр.) и снижение *качества жизни* (субъективной удовлетворенности ребенка условиями жизни, его психоэмоциональное благополучие, оптимизм). В России последние обстоятельства выражены особенно резко – в виде тревоги, апатии, пессимизма, прежде всего как проявления нравственно-духовного неблагополучия в детской и

молодежной среде.

– *Инфантицид* как детоотвержение, детоубийство в формах отказа от здоровых детей, миллионов аборт, социального сиротства, детской беспризорности и растущая *адопция* (усыновление/ удочерение) чужих детей, включая детей-инвалидов.

Эти и другие парадоксы в сфере детства, включая экономические, юридические, политические и социальные причины, имеют очень существенный *психолого-педагогический* компонент, являются сигналами к переосмыслению самого *предмета научного изучения* ребенка, как в психологии, так и в смежных с ней науках и требуют внесения корректив в образовательную практику.

Эволюция образа детства в истории культуры как **светлообраза**, по выражению А. Солженицына, и самого ребенка как особой личности показывают, что задолго до современного состояния проблемы свидетельства о грядущих изменениях получили свое воплощение в литературе и искусстве.

В истории общества с конца XVII века в Западной Европе постепенно менялись ценностные ориентации и взгляды на ребенка и детство в целом, а также сам модус воспитания, в сторону – субъектно-эмоциональную. Эпоха Просвещения, особенно в искусстве, литературе, ознаменовалась появлением образа идеального человека – ребенка (Ж.Руссо). Ребенок как: добрый дикарь Эмиль (XVIII в.), чистый ангел или безвинный страдалец – Гаврош и Оливер Твист (XIX в.), а также маленькие герои русских писателей С.Т. Аксакова, В.М. Гаршина, Н.Г. Помяловского, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова XIX века. Наконец, XX в. – это Том Сойер и Гекельберри Финн – *«первые симптомы того, что произошло открытие ребенка как такового, ребенка как человека, пытающегося приобщиться к жизни посредством своего собственного опыта»* (Дольто Ф. На стороне ребенка. Екатеринбург: У-Фактория, 2003, с.45). Это касалось не только литературы, но и изобразительного искусства, скульптуры, а затем и кинематографа. Появляются образы детства, резко отличающиеся от изображений Средневековья и Нового

времени, ребенка воспевают, им любуются, его наблюдают в обычной жизни и в экспериментальных условиях, собирают творческие продукты его деятельности: игры, фольклор, язык, детские рисунки, изучают психические свойства. В XX веке провозглашается культ ребенка, XX век объявляется веком ребенка.

В то же время, в России имеется своя специфика в воззрениях на ребенка и его место в социальной системе. С одной стороны, юридическое бесправие детей, в особенности девочек, их полная зависимость от воли родителей были присущи всем сословиям в России до середины XIX в., однако *фактическая ценность детства* была иной. Если по трудовому законодательству Англии в конце XIX века ребенок 11 лет, работающий на фабрике, нес всю меру ответственности и за провинность мог быть казнен наравне со взрослым, то Россия не знала подобных жестоких законов. Другим важнейшим свидетельством глубокого уважения к детству явилось существование особого типа *детской святости* в традиционной русской культуре – благоговейного почитания святых детей в религиозной жизни народа, таких как Димитрий Углический, Иоанн Устюжский, Артемий Веркольский, Боголеп Черноярский, Гавриил Белостокский и др. Тайна святости и непостижимая тайна детства соединились как уникальное явление русской духовности, сохранившееся по сей день.

В современном образовании выстроена система непрерывного духовно-нравственного развития и воспитания учащихся, обеспечивающая последовательное расширение ценностно-смысловой сферы личности, формирование способности человека оценивать и сознательно выстраивать на основе традиционных моральных норм и нравственных идеалов отношения к себе, другим людям, обществу, государству, Отечеству, миру в целом.

Со второй половины XX столетия в мире наступает качественно новый этап прежде всего *юридического* признания ценности детства взрослым обществом: 1959 г. – Декларация прав ребенка, 1979 г. – ЮНЕСКО объявлен Годом Ребенка, 1989 г. – произошло принятие Международной конвенции о

правах ребенка, 2007 год был объявлен Годом Ребенка в России. Появление детских Международных конгрессов, «детской дипломатии», детских творческих форумов и союзов и пр.

Социальная специфика бытия ребенка заключается в том, что он изначально выступает как представитель одновременно двух больших социальных общностей – *мира взрослых* и *мира детей*. Как пишет Л.С. Выготский (российский психолог, основоположник культурно-исторической теории): *«ребенок живет в двойной действительности. Один мир для него составляется на основе его собственного, свойственного его природе мышления, другой – на основе навязанного ему окружающими его людьми логического мышления взрослых»* [Выготский Л.С., 1984 т.4, с 69].

Ребенок в обществе это – член малой социальной группы (семьи, детсадовской группы), сообщества (детского игрового или творческого объединения), возрастного класса (дошкольников, младших школьников, подростков), детской субкультуры (русской, армянской, белорусской и пр.), он – житель своего поселка, города, страны, Земли. Осознание ребенком собственной принадлежности к той или иной группе, большой или малой, обусловлено различными факторами – его возрастом, социальным окружением, воспитанием и пр.

Естественно, что возрастные границы детства были всегда социокультурно обусловлены, подвижны и потому весьма нечетки в различные эпохи. Каждое время осмысливало себя как более зрелое, более «взрослое»; детскость, ребячливость признавались недостойной чертой. Ценность «быть взрослым» осознавалась ребенком достаточно рано, а инфантильные черты – наивность, нерациональность, безответственность, непредусмотрительность, непосредственность и др. взрослым сообществом долгое время воспринимались как негативные характеристики. Лишь в XX в. ребячливость стала восприниматься снисходительно, особенно применительно к взрослому человеку, мужчине и могла появиться часто упоминаемая фраза П.А. Флоренского: *«Гений – человек, сохранивший на всю жизнь детство»*. Постепенно взрос-

лость перестает быть ценностью, а инфантильность входит в моду – не только для взрослого, но в значительной степени и для ребенка, поскольку именно установка «быть ребенком» сулит ему массу привилегий.

Таким образом, изменение статуса детства в обществе потребовало нового подхода к изучению ребенка в предметном и социальном мире, задающего исторический вектор развития в сочетании с этнологической линией влияющих на ребенка культур и с онтогенетической осью его индивидуальной жизни, т.е. разработки *предмета* исследования детства в мире.

Особую актуальность для теории и практики воспитания приобретает изучение феноменов детской субкультуры, позволяющих понять традиционные формы и способы регуляции отношений в детских группах, а так же содержательные их трансформации в детской среде в последние десятилетия. Современные детские сообщества, стихийно возникающие детские и молодежные группировки, имеющие как традиционные формы самовыражения, так и неизвестные ранее формы и сферы совместной деятельности (например, так называемые «толкинисты», «хакеры», «скинхеды» и др.), все чаще принимают контркультурную и асоциальную направленность; кроме того, тревожащий рост подростковой преступности и детской жестокости, криминализация детского сознания, языка и быта требуют обращения к анализу генезиса отношений ребенка и закономерностей их формирования в социальных группах

Современная социальная ситуация развития детства, возникшая впервые в истории цивилизации, требует научных разработок в широких сферах: педагогики, детской и возрастной психологии, педиатрии, истории, этнографии, демографии, детской психиатрии и др. наук, так или иначе затрагивающих сферу детства.

Непреходящая актуальность данного исследования определена той исключительно драматичной картиной в различных сферах детства сегодня и все усложняющимися задачами воспитания, стоящими перед современным обществом. Эти задачи встают как гуманитарная проблема *повышения пси-*

хологического и духовно-нравственного здоровья подрастающего поколения, гармонизации внутрисемейных связей, гуманизации жизнедеятельности детских сообществ и т.п., т.е. мы не можем не заявлять **проблему безопасного развития детства в современном мире и образовании.**

Для теории и практики воспитания приобретает изучение феноменов *детской субкультуры*, позволяющих понять традиционные формы и способы регуляции отношений в детских группах, а так же содержательные их трансформации в детской среде в последние десятилетия. Современные детские сообщества, стихийно возникающие детские и молодежные группировки, имеющие как традиционные формы самовыражения, так и неизвестные ранее формы и сферы совместной деятельности (например, так называемые «толкинисты», «хакеры», «скинхеды» и др.), все чаще принимают контркультурную и асоциальную направленность; кроме того, тревожащий рост подростковой преступности и детской жестокости, криминализация детского сознания, языка и быта требуют обращения к анализу генезиса отношений ребенка и закономерностей их формирования в социальных группах [Башкатов И.П., 1993; Кондратьев М.Ю., 2006, Пирожков В.Ф., 1994; Розин М.В., Мазурова А.И., 2005; и др.]. Отсюда осуществляемая в работе постановка и экспериментальное решение проблемы происхождения и развития гуманных отношений в детстве, которая содержит направленность на раскрытие ценностных связей ребенка с миром и характеристики его самого как существа социально-генетического, нуждается в особом освещении.

В контексте социальной психологии детства социальная ситуация развития ребенка в третьем тысячелетии нуждается в научном осознании и прогнозировании перспектив развития детства, что требует концентрации усилий всех, кто ответственен за ее нормализацию: профессиональных воспитателей и родителей, исследователей ребенка и практиков различных ориентаций, особенно детских психологов, педагогов, психотерапевтов, социальных работников.

Каковы основные положения и теоретические выводы многочисленных и многолетних исследований социальной психологии детства?

Во-первых, социальная психология детства представляет собой предметную область – междисциплинарное направление исследований детства как развивающегося психо-социо-культурного феномена. Ее предметом являются отношения ребенка, опосредствованные совместной деятельностью с другими (взрослыми и сверстниками), и закономерности их проявления в конкретно-исторической социальной ситуации развития.

Во-вторых, новые технологии исследования и методический инструментарий, адекватный задачам социальной психологии детства, позволяет преодолеть традиционную «робинзонаду» изучения отношений ребенка с миром.

В-третьих, детское сообщество является носителем *детской субкультуры* – смыслового пространства ценностей, способов деятельности, форм общения и пр., осуществляемых в детских группах относительно независимо от взрослых на протяжении всего социогенеза и проявляемых в социокультурных инвариантах, таких, как детский фольклор, традиционная игра, табуирование личных имен (прозвища) и др., а также в визуальных архетипических формах, сохраняющих свою стабильность на протяжении длительного исторического периода и передающихся из поколения в поколение детей. Детская субкультура выполняет следующие *функции*: социализирующую (основным агентом социализации выступает группа сверстников); психотерапевтическую, (здесь важное значение принадлежит детскому фольклору); культуuroохранительную (в недрах детской субкультуры сохраняются жанры, устные тексты, обряды и ритуалы пр., утраченные современной цивилизацией) и прогностическую, ориентированную на будущее. **В этом ценность детства в цивилизации.**

В пространстве детской субкультуры ребенок вступает в *зону вариативного развития* (ЗВР) в режиме диалога с различными стратегиями поведения, логиками мышления, моральными представлениями, языками. Смысл

ЗВР состоит в открытости ребенка к восприятию других культурных традиций, в установлении им связи со всеобщностью культуры через собственное творчество, фольклор, мифологию, традиционную игру. Если семья и вообще взрослый осуществляет зону ближайшего развития (ЗБР) как культурно-предпочитаемую стратегию поведения, то детская группа через ЗВР обеспечивает, с одной стороны, ориентацию на утраченные, забытые формы культуры, а с другой, – прогнозирует новые пути ее развития. Проблематизируя и переосмысляя историческое наследие взрослых, детская субкультура высвечивает точки роста общечеловеческой культуры.

В-четвертых, система многообразных отношений ребенка порождает *детскую картину мира* как совокупность знаний, представлений, смыслов, реализуемых в образно-визуальных моделях, т.е. социально-психологических пространствах, раскрывающихся через горизонтальную плоскость – отношений со сверстником; наклонную плоскость – с взрослым; панорамную плоскость – отношений с окружающей средой; вертикальную плоскость – отношений с Творцом, задающую нравственные представления о добре и зле; «экранную» плоскость – отношений с информационной средой.

В современной историко-культурной ситуации неопределенности, при которой расшатываются традиционные механизмы передачи знаний и нравственных ценностей, дети все в большей степени начинают ориентироваться на продвинутых сверстников.

Вертикальная плоскость в детской картине мира – отношение детей различных возрастов к первичным *нравственным категориям добра и зла* – имеет выраженные графические компоненты и индивидуальные различия в выборе детьми позитивного/негативного/смешанного моральных эталонов. В последнее десятилетие намечается обратно пропорциональная возрасту детей тенденция к размыванию границ представлений о «добре и зле» и к сдвигу, особенно у мальчиков, графических пристрастий в негативную сторону.

В-пятых, за последние тридцать-сорок лет произошло снижение многих показателей качества жизни современного детства в сфере психического

и нравственно-духовного здоровья в силу: разрушения естественных институтов социализации – семьи и детского сообщества, изменения общей ориентации воспитания с коллективистской на индивидуалистскую модель, ослабления игровых интерактивных форм совместной деятельности ребенка, влияния агрессивной информационной среды и др.

В современной детской субкультуре, к сожалению, утрачиваются или деградируют многие культурные формы и тексты детского фольклора, а возникновение новых форм, например, жестоких розыгрышей или, так называемых «садистских стишков», свидетельствует об изменениях детского сознания в сторону его *танатизации* (поэтизации смерти, разрушения, деструкции).

Наметился и прогрессирует, *кризис игровой культуры*: примитивизация, особенно ролевой игры, из которой уходит ее правилосообразность и соотносимость с образом идеального взрослого, а также вестернизация содержания и меркантилизация мотивов. На примере игры как атрибутивной характеристики ребенка очевидны нивелировка, *размывание понятия взрослости*, а значит, и детства.

В-шестых, генезис отношений в социальной психологии детства представляет собой многомерную иерархическую систему связей ребенка с миром. Отношения развиваются во времени и пространстве и имеют собственную модальность выражения – эмоционально-ценностный аспект как стремление к *гуманизации* связей ребенка с миром, выступающей, с одной стороны, *условием* его полноценного взросления, а с другой стороны, *критерием* его личностного развития.

ГЛАВА 1

СУБКУЛЬТУРА ДЕТСТВА И МОЛОДЕЖИ

КАК ПРОЗРЕНИЕ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ

Сегодня социальная ситуация развития детской субкультуры претерпевает следующие изменения.

Во-первых, происходит сокращение физического пространства для детских игр и общения молодежи в городах и сельской местности. Если еще в 80-х-90-х годах сохранялись городские дворы и сельские околицы, которые традиционно использовались детскими и подростковыми группами для реализации их совместной деятельности, где сохранялись и передавались от одного детского поколения к другим особые ритуалы и традиции, где преобладал, по словам известного барда Булата Окуджавы, «воздух свободы», то при расширении строительства, изменений сельской инфраструктуры такого «пространства жизни» становилось все меньше, оно исчезает.

Во-вторых, оказывается все более явной психологическая разобщенность детей и подростков, индивидуализация интересов, существенный разрыв между детскими поколениями.

В третьих, налицо деформация самого содержания детской субкультуры: обеднение репертуара игр и форм общения, утрата устных текстов и пр.

В-четвертых, обнаруживается нарастающая примитивизация социально-психологической динамики детских и подростковых сообществ, а порой и исчезновение, целых пластов детского движения, самих детских организаций и групп, прежде всего просоциальной направленности.

В-пятых, продолжается активная криминализация подростковой субкультуры: языка, форм общения, направленности совместной деятельности.

Вместе с тем, происходят и другие процессы:

– возрождение традиционных форм детского быта и фольклора с новой функциональностью;

- возникновение новых форм проявления детской и молодежной субкультуры;
- образование множества подростковых и молодежных сообществ и групп, прежде всего асоциального и контркультурного направлений;
- изменение структуры, направленности и особенностей групповой динамики детских сообществ.

Эти разнонаправленные явления представляют собой для детских сообществ и для каждого ребенка в социальном, психологическом и культурно-историческом планах проблему выбора, а также сложную возрастную задачу постижения и преобразования мира в новых неизведанных условиях.

Язык и общение в группах: поименования и тайные языки

Поименование – имя, отчество, фамилия, псевдоним, кличка. Феномен поименования во всех его культурных формах есть социальное средство формирования образа Я и воплощение всей многогранности личности. Поименование – это процесс означивания субъекта в социальной группе через наделение его тем или иным именем.

Культурно-историческими формами поименования являются: прежде всего собственное *имя* человека, его *отчество* (характерное для русской культуры и некоторых других), *фамилия*, затем *прозвище*, сходная с ним *кличка* (характерный атрибут криминальной субкультуры), также и *псевдоним как*, а в последние годы – *никнейм* (от англ. nickname – короткое имя), два последних как самоназывание. Центральным и важнейшим из всех форм поименований является собственное имя человека (первоимя) как символ его «духовной сущности».

В древнейший период исторического развития Руси человек воспринимал свое имя как «второе Я», оно тщательно скрывалось от чужих и чуждых во избежание вредоносных воздействий через имя на здоровье и жизнь ребенка. При этом вовне человек именовался другим именем, фактически обиходным прозвищем, часто намеренно уничижительным, с отрицательной семантикой, чтобы не вызывать зависти у «недобрых людей»: имена Горшок,

Вырод, Некрас, Безобраз и т.п. были весьма распространены, вместе с тем использовались и общеславянские имена: Всеволод, Ярослав, Добрыня. После принятия христианства Древняя Русь столкнулась с принципиально иными именами – агионимами, именами святых, которые давались младенцу при крещении в соответствии с днем его рождения и означали имя его небесного покровителя и заступника, отсюда скрывать свое подлинное имя не имело теперь никакого смысла. Таким образом, с принятием христианства на Руси произошли революционные изменения в отношении к собственному имени и имянаречению детей, подчеркивается божественная сущность имени, которое сообщается Самим Богом через священника.

Отчество как отдельное поименование сложилось к концу XVII в., его введение осуществилось Петром Первым, и при переписях населения требовалось записывать человека «по имени с отцы и прозвищем», графа «отчество» становится обязательной во всех документах.

Стремление детей табуировать для других свое детское имя отмечал и Ю. Лотман. Дети считают, что лишенный имени человек обречен на исчезновение, перестает существовать; этот «номинативный реализм» (Ж.Пиаже), характерный и для архаичного человека, свидетельствует о стремлении к защите ребенка тайн своего внутреннего мира. Собственное имя ребенка – первая личностная категория, усваиваемая им уже на первом году жизни, вторая – это его половая принадлежность.

В отличие от взрослого, маленький ребенок свободно экспериментирует с языковым материалом, чувствует скрытую энергию слова, которая осела в нормативном словаре; подобно поэтам, дети снимают с родного языка застывшие напластования и ищут первоначальные его смыслы, делая слово живым и предметным, пластичным и вбирающим все возможные оттенки значения.

Детское словотворчество, подобное: «копатки, красняк, кустыня» сродни народной этимологии – «полуклиника, гульвар, мимоюбка, дурникет»; но особенно эти параллели напрашиваются при знакомстве с народны-

ми перевёртышами: «Ехала деревня мимо мужика, а из-под собаки лают ворота» – столь любимыми детьми. Перевертыши – особые словесные микроформы, в которых наизнанку выворачивается норма, явление; очевидное становится невероятным, проблематизируются общепринятые представления. Своими корнями эти «лепые нелепицы» (К.Чуковский) уходят в народную смеховую культуру как средство *расширения сознания, переосмысления мира, словесного творчества*. Игра в перевертыши позволяет ребенку осмыслить относительность самой нормы, но не в целях ее отрицания, а в целях творческого применения к конкретным жизненным ситуациям – всегда уникальным и неповторимым. В своих словотворческих опытах *ребенок фиксирует резервный потенциал родного языка*, возможности его развития, не ведая об этом, вот почему поэт К.И. Чуковский и лингвист Роман Jakobson называли детей гениальными лингвистами.

Еще одна важная черта детской субкультуры – *табуирование личных имен* в детских сообществах и наделение сверстников **прозвищами и кличками**. Эта сторона проявления автономизации детской группы, особенно характерная для подростковой и юношеской среды, к сожалению, до сих пор не стала предметом пристального внимания исследователей. Между тем, именно прозвища представляют собой своеобразное проявление самого содержания детской субкультуры и богатый материал для уяснения механизмов функционирования детских сообществ в онто- и социогенезе.

На примере анализа прозвищ семиклассников одной из школ проиллюстрируем закономерности проявления этих маркированных знаков в группе и психологические основания наделения ими сверстников.

Некоторые прозвища появляются как отражение тех или иных внешних характеристик ребенка: «Рыжуха» (рыжий), «Сяда» (белобрысый мальчик из Белоруссии, где «якают»), «Очко» (мальчик носит очки); в других случаях имеют значение отличительные признаки наружности и особенности характера: полнота и добродушие – «Колобок», болтливость – «Вертолет», плутовство и лживость – «Бендер». Прозвища даются как своеобразная трансформация

(замена!) фамилии или имени: «Ворона» (Воронков), «Гришак» (Григорий), «Серый» (Сергей), или как отражение рода деятельности человека: «Домашка» (учительница по домоводству), «Фут» (мальчик – любитель футбола).

Некоторые прозвища имеют характер скрыто оскорбительный: «Чебурашка» – долговязая и агрессивная девочка, грозящая расправой с обидчиками с помощью отца – милиционера, «Чип» – сильный мальчик, но очень маленького роста, «Кашей» – худенький и слабый мальчик, «Овца» – кудрявая и глуповатая девочка.

Наряду с этими, достаточно угадываемыми соотношениями с конкретной персоной, существуют прозвища, которые имеют весьма сложную интерпретацию (или этимологию). Например, сильного и драчливого мальчика почему-то называют «Дрэзэ», а красивую и стройную девочку – «Куня»; объяснения такого рода прозвищ иногда находятся в сфере чистых звуковых форм, которые несут определенную эмоциональную информацию детям (как и поэтам). Вместе с тем, в этом классе, как почти в каждом детском сообществе, имеют место определенные метакультурные прозвища – характеристики, *прозвища – печати* (такие, как например, «Толстяк – Колобок – Хрюша», «Очкарик – Очко – Знайка», «Тупица – Овца – Незнайка», «Плут – Труфальдино – Бендер » и пр.), представляющие собой *ролевого программу поведения*, задаваемую ребенку детским сообществом и важную составную часть социальной структуры детской группы, которой необходимы свой рыцарь и свой оруженосец, свой «дурак», свой шут и свой Знайка. Подходящий ребенок как бы загоняется в особую социальную нишу с четким поведенческим набором и жесткими требованиями. Такие прозвища – часть фиксированных свойств детской субкультуры, и подобно жанрам детского фольклора (считалкам, дразнилкам и т.п.), выступают как *социокультурные инварианты*, повторяющиеся в каждом поколении детей.

Некоторые прозвища-программы выступают как транскультурное явление, известное в различных странах, в разные эпохи (например, «Хрюша» или «Грязнуля» – он как бы один грязен «за всех»). Прозвище способно вы-

зывать определенный стиль поведения, оно обнаруживает тенденцию выражать себя таким образом, чтобы его носитель соответствовал содержанию, был его «достоин». Например, замечено, что девушки, имеющие «кошачьи» прозвища («Мурка», «Кэт» и пр.), акцентируют мягкие «кошачьи» повадки, а мальчик с прозвищем «Джексон» неосознанно копирует поведение и привычки известного рок-певца.

Прозвище в отличие от собственного имени ребенка всегда эмоционально насыщено, оно несет в себе момент оценки (позитивной / негативной, либо амбивалентной). Однако смысловые акценты могут быть различимы, лишь исходя из внутреннего социокультурного контекста детского сообщества. Если в младшем школьном возрасте прозвище – это, как правило, печать яркой индивидуальности, а отсутствие его обидно, то у подростков оскорбительные прозвища – признак аутсайдера, но в любом случае: иметь прозвище значит *быть замеченным* сверстниками. Или если, например, прозвище Петух (часто как производное от фамилии) несет нейтрально-позитивный смысл в школьном классе и может лишь намекать на задиристость и драчливость мальчика, то в криминальной среде малолетних правонарушителей кличка Петух означает ярко выраженное презрительное отношение к «опущенному».

Надо сказать, что в отличие от прозвищ в детской среде, клички в криминальной субкультуре несовершеннолетних полностью заменяют им имя и фамилию, жестко и однозначно закрепляют статус личности в групповой иерархии (лидера – «бугра» или морально опустившегося человека – «чушки»). Для *подростковой криминальной субкультуры* клички («кликухи, погоняла») – поименования, выполняющие функцию паспорта. Само прозвище – «погремуха, погремушка» в современной детско-молодежной субкультуре приобретает сходное с кличками значение. Как правило, клички – довольно меткие поименования юных правонарушителей, отражающие не только индивидуально-психологические особенности их носителей, но и социально-психологические характеристики данной группы, поскольку в них рельефно

проявляются: структура, идеология и направленность межличностных отношений. Отсюда могут быть выделены функции клички: 1) информационная (замена имени и фамилии), 2) коммуникативная, 3) стигмационная (подобная клеймению), 4) функция закрепления статуса субъекта в групповой иерархии. Кличка, подобно документу, кочует с его носителем по свету, непостижимым образом «приклеиваясь» к человеку как второе Я, возникает в СИЗО, колониях, на этапах; изменить ее исключительно трудно, особенно в случае попыток изменения групповой иерархии в сторону повышения личного статуса. Очень многие элементы функционирования кличек в околोकриминальных подростковых группах перекачевывают, к сожалению, сегодня в школьные классы и спортивные команды юниоров и пр., на что необходимо обращать внимание взрослых.

Таким образом, в зависимости от ценностных ориентаций членов социальной группы и уровня ее развития кличка/прозвище может выступать и в качестве специфического вербального средства деперсонализации личности подростка, как достаточно устойчивое образование, способное изменяться только с изменением статуса его носителя.

С точки зрения социально-психологической, наделение прозвищами, создание своего языка, сленга внутри сообщества служит обособлению и автономизации социальной группы, ее структуризации и оценочными характеристиками ее членов.

Новые формы поименования: никнеймы. У современного подростка может быть как прозвище, которое ему дает группа, так и прозвище, которое он выбирает себе сам (никнейм для общения в сетях). Это самостоятельное наделение себя именем-прозвищем (самоназывание) находится в определенной связи с традиционным поименованием как социальное, внешнее маркирование с самоидентичным, индивидуальным. Это позволяет подростку посредством поименования – самоназывания компенсировать разницу между восприятием себя группой и самовосприятием и фиксировать свои позитивные качества с целью повышения собственного статуса в группе. Никнейм (ник;

англ. *nickname* /'nɪkneɪm/ – первоначально «кличка, прозвище», от средне-английского «*an eke name*» – «другое имя», перешедшее в одинаково звучащее «*a nick name*»), также сетевое имя – псевдоним, используемый пользователем в Интернете, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах).

Ром Харре предложил своеобразную периодизацию развития прозвища от образования путем трансформации и рифмовки фамилии/имени в дошкольном возрасте – к выделению личностных качеств у подростков. Однако автор подчеркивает, что есть различия не только в возрастном аспекте, но и социальном, отмечая тем самым влияние на характер прозвища особенностей социальной среды. Так же автор, пишет о том, что прозвище, возникшее изначально на основании каких-либо внешних характеристик, затем начинает требовать от своего «носителя» определенных поведенческих реакций и стилей поведения, согласующихся с этим прозвищем.

Наделение прозвищами/кличками представляет собой атрибутивную принадлежность любой субкультуры, возникшую, вероятно, в глубокой древности и обладающую кросскультурными характеристиками и служит, как для автономизации, обособления группы от социума, так и для её структуризации. Кроме того, прозвище (кличка, никнейм и пр.) могут являться ярким показателем характера взаимоотношений в детском сообществе и уровня развития самой группы.

Никнеймы позволяют подростку посредством поименования – самоназывания компенсировать разницу между восприятием себя группой и самовосприятием, фиксируя свои позитивные качества с целью повышения собственного статуса в сообществе. Если необходимости в компенсации нет, то никнеймы могут иметь внешне самоуничижительную характеристику: Ворм (червь), Куки (печенье), Аха (ничто) и пр., не оказывающую негативно-го влияния на Я-образ. У одного подростка в клане игроков в компьютерные игры-соревнования был никнейм «Пельмень», который, на первый взгляд, отражал его невысокий статус и заниженную самооценку, особенно в сравнении с никнеймами других игроков: Вольф (волк), Гендальф-Ген (мудрец-

волшебник из «Властелина колец» Р. Толкиена). Такая самоуничижительная характеристика была адекватной, поскольку игроком подросток был посредственным и иногда подводил команду. Однако в данном случае никаким «комплексом неполноценности» подросток не страдал. «Клан» был сплоченным сообществом и представлял собой группу достаточно высокого уровня развития взаимоотношений с позитивной направленностью. Будущее показало, что «Пельмень» оказался очень адаптивным к жизни субъектом и первым из членов группы обеспечил себе материальный достаток и высокий статус бизнесмена.

Можно предположить, что *никнейм представляет собой поименование, устанавливающее баланс между принятием группой того или иного ее члена и степенью адекватности его самооценки: при негативном отношении группы самоназвание повышает собственный статус, при общем позитивном уровне отношений никнейм безболезненно способен внешне быть самоуничижительным*. Т.е. социальная группа способна определять знак никнейма. Если нет негативного прозвища и низкой оценки группой, подросток может позволить себе момент самокритики и уничижения в никнейме, ради «прикола».

Негативное по самовосприятию подростка прозвище определяет появление никнейма, выступающего в роли защитного механизма, который позволяет компенсировать нелицеприятную оценку группы за счет высокой самооценки. При этом знаком этой компенсации выступает никнейм как самостоятельное поименование, например:

Прозвище	Никнейм
«Наркоманка»	«Red&white» (ярая болельщица)
«Слизняк»	«Shaman» (волшебник);
«Очкарик»	«Revenge» (мститель)

Создавая себе никнейм, подросток как бы, в символической форме, стирает свой прошлый, часто негативный опыт и старый образ, который его не устраивает, и создает новый, чтобы начать «новую жизнь».

Детские тайные языки

Как два века назад в субкультурных сообществах детей и молодежи, как в прошлом веке в пионерских лагерях, так и сегодня, несмотря на расширившиеся возможности общения с помощью электронных средств, дети используют так называемые «тайные языки» общения между собой. С 6-7-ми и до 14-15-ти они используются в межличностной коммуникации в повседневности, это особые формы «тарабарского наречия», понимание которого предназначено только для узкого круга сверстников и должно быть скрыто от взрослых и других непосвященных.

«Тайные языки» используются, прежде всего, в закрытых учебных заведениях: кадетских корпусах, суворовских училищах и пр., где дети редко остаются без контроля взрослых и вынуждены передавать информацию, не предназначенную для посторонних ушей. В этих искусственно придуманных словесных формах используются разные приемы перестановки или добавления звуков, которые внешне понять сложно, если не знаешь их закономерности. Секретные языки имеют свои собственные названия, данные детьми: «Соленый», «Кирпичный», «Немой» и др.; в каждом названии раскрывается свой секрет.

Например, в «соленом» основной прием – звук «С», который добавляется после каждой гласной по формуле: С + Г, где Г – любая гласная в данном слове. По этому же принципу изменяется и «Кирпичный», только здесь вместо С звук К. «Немой» язык построен на невербальной коммуникации, при которой каждый звук слова обозначается жестом, к примеру, В – указывается на волосы, О – округляется рот, У – ухо, К – кулак и т.д. Этот прием используется в тех случаях, когда нельзя шуметь, говорить.

Приведем диалог двух детей 14-ти и 12-ти лет на «Соленом».

Суть – скрыть информацию от непосвященных сверстников и учителей.

– *Посошлиси с усурсококов в кисиносо? (пошли с уроков в кино?)*

– Тосолькосо посослесе асалгесебрысы. Чтособысы Тысыкваса несе усузнасаласа (Только после алгебры. Чтобы Тыква не узнала). (Тыква – прозвище классного руководителя).

Фразы надо говорить быстро, без запинки сквозь зубы и с невозмутимым выражением лица.

На существование подобных детских языков первой обратила внимание М. Мид. Она же указала и на то, что причина их возникновения лишь отчасти заключена в подражании взрослым, необходимо учитывать и стремление подростков к самостоятельности. Исследовательница выявила основную функцию детских языков – скрыть от посторонних определенную информацию. Вместе с тем М. Мид считает, что обладание тайным языком еще не означает существования какой-либо организационной группы. Мнение М. Мид подтверждают работы позднейших исследователей. Параллельно и независимо от нее замечательный русский исследователь Г.С. Виноградов еще в конце XIX века обнаружил и написал о тайных языках детей Сибири. Г.С. Виноградов прежде всего показал живое бытование детских языков в детских сообществах, считая, что главное – зафиксировать материал, а научное его изучение – дело будущего.

О детских языках, распространенных в России, писала О.И. Капица в программах для собирания детского фольклора. Вместе с тем Виноградов писал О.И. Капице в 1929 году: «Следовало бы пустить в ход подробно составленную историю изучения детского языка, из нее умный читатель поймет, что и как можно и должно делать для наблюдения над детской речью. Однако работа Г.С. Виноградова «Детские тайные языки. Краткий очерк» до сих пор является практически единственным исследованием по детским языкам. Только М.В. Осорина частично затронула эту проблему в своем исследовании.

Считается, что тайные языки бытуют среди детей в возрасте от семи до тринадцати лет, однако в кадетских корпусах, суворовских училищах и пр. современные подростки до 15-ти лет используют их. Как писал Г.С. Виноградов, тайный язык характеризуется «развитием у детей хорового начала,

общественной жизни, уходом их в жизнь своей среды, обособлением от жизни и быта взрослых». Стремление подражать взрослым в сочетании с маргинальным положением, которое занимают дети, является причиной того, что источниками детских языков часто становятся «языки» различных маргинальных сообществ. Сравнение детских тайных языков с языками тайных и преступных сообществ показывает, что они создаются с разными целями, хотя некоторые элементы (атрибутика, лексика) и могут быть заимствованы детьми.

Художественная и мемуарная литература изобилуют примерами детских тайных языков, используемых для игры и общения. Так, появляющиеся в долине Мумми-троллей путники Тофсла и Вифсла используют удивительный язык, известный только тофслам и вифслам: «Онсла заманивает наела», «Самсла ты крысла!», «Морра идетсла!» (Т. Янсон «Шляпа волшебника»). Обычно тайные языки образуются путем прибавления к обычным словам специальных аффиксов (окончаний, приставок и суффиксов). Таков «язык цу»: читать – читацу, мама – мамцу и т.д. Приведенный выше пример из книги Т. Янсон также характеризует подобный тайный язык, тип образования которого можно считать самым распространенным.

Иногда привычные слова членятся на приблизительно равные части, между ними размещаются вводные или надставные слоги в установленной последовательности. Встречаются и другие разновидности детских языков. Известна группа оборотных (обратных) языков, где происходит более сложная перестановка (по равному количеству слогов или путем перестановки звуков). Обычно такой процесс происходит в профессиональной среде, затем дети усваивают придуманный взрослыми язык, но чаще всего в форме игры. В качестве примера Г.С. Виноградов приводит Тарабарский язык. В его основе лежит замена десяти первых согласных десятью последними согласными алфавита. Его появление Г.С. Виноградов связывает с обучением в бурсе.

В особую группу выделяются книжные языки, возникающие под воздействием литературных произведений – книги Э. Сетона-Томпсона «Малень-

кие дикари», поэмы «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло, романов Ф. Купера, П.И. Мельникова-Печерского. Однако основным способом сохранения детских языков Г.С. Виноградов считает «передачу по наследству от одного поколения к другому», приводя примеры подобной передачи в первой половине XIX века, считая, что для этого детский язык должен удовлетворять следующим требованиям: быть непонятным для непосвященных и «в меру трудным», чтобы им могли овладеть новые члены группы. Кроме того, язык должен быть удобным для быстрого произношения, звучным и ритмичным.

Тайный язык «Немой» – наиболее употребляемый в XX в. и в наши дни в среде старших дошкольников и младших школьников. Это азбука.

А – кулак с выставленным большим пальцем, как знак «супер»

Б – указательным пальцем показываем бровь

В – берем себя за волосы

Г – прямой угол между большим и указательным пальцами; конструкция повернута вниз указательным пальцем, или угол между улыбкой и указательным пальцем

Д – при помощи указательных пальцев и рта образуем треугольник, или провести ладошками ото лба по щекам, а потом движение, словно вытираешь губы ладонь, или под нос горизонтально прикладываем указательный палец

Е – два пальца сложить замочком

Ё – два пальца замочком сложить и потом плюнуть над ними

Ж – три пальца вверх, четвертый посредине – перекладина

З – зубы

И – «Виктори» (растопыренные указательный и средний пальцы)

Й – «Виктори» и плюнуть (подуть)

К – кулак

Л – перевернутая «виктори»

М – две соединенные буквы «Л»

Н – натягиваем улыбочку и пальчики к уголкам прикладываем

О – кругляш из большого и указательного пальцев или складываем губами

П – указательные пальцы – ножки, улыбка – «крыша»

Р – делаем «О» ртом и прикладываем указательный палец

С – полукруг из большого и остальных пальцев

Т – улыбочка и указательный палец снизу по центру

У – ухо

Ф – делаем ртом букву «О» и разделяем указательным пальцами, или прямая ладошка между глаз

Х – крестик из указательного и среднего пальцев, или крестик из указательных пальцев обеих рук

Ц – два пальца вверх, третий перпендикулярно (внизу) вместо «хвостика»

Ч – «показать время» постучать пальчиком на сгиб запястья, где обычно часы носят, или почесать руку

Ш – три пальца (указательных, средний, безымянный) вверх

Щ – три пальца и приложить четвертый

Ъ – одна ладошка прямо; по ней надо ударить кулаком второй руки и потом ладошку перпендикулярно приложить к той, которая прямо

Ы – одним кулаком бьем по другой ладони и ставим параллельно ей пальцами вверх

Ь – одна ладошка прямо; по ней надо ударить кулаком второй руки

Э – полукруг из большого и указательного пальцев, средний хвостик из сложенного среднего пальца

Ю – к указательному пальцу одной руки прикладываем кругляш из указательного и большого пальцев другой руки

Я – показываем на себя.

В летних лагерях дети обучаются тайным языкам и другим формам детской субкультуры.

Этот способ секретной коммуникации является смесью классической немой азбуки (в которой используются только пальцы) с некоторыми дополнительными жестами. Именно эти жесты обычно и варьируются в разных «диалектах». Например, букву «В» иногда показывают как два кулака, один над другим – а не с помощью волос.

Для детей такая игра особенно полезна: развивает креативность и образное мышление. Но как научить ребенка показывать слова без слов? Хорошим наглядным пособием могут стать сказки на жестовом языке, известные или придуманные самими детьми.

Визуальное преобразование собственного тела (тату, пирсинг) и среды обитания (граффити)

В направлении визуальных преобразований в освоении мира растущим человеком могут быть рассмотрены следующие формы, связанные с современными эстетическими представлениями. Традиционные *эстетические представления* в детско-подростковой субкультуре сегодня получают иные воплощения, к которым можно отнести: «уличную живопись» и различные способы украшений лица и тела – от детской косметики, до *татуировок, от пирсинга до настенных росписей граффити*.

Татуировки и пирсинг как новая эстетика тела (боди-арт)

Прежде всего, подростки слабо осведомлены о социокультурном смысле татуирования и самих изображений, которые они наносят на собственное тело, игнорируя принятую для нашей культуры символику. Традиционные свойства татуировки как ритуала инициации использовались еще в глубокой древности и используются сегодня в современных маргинальных сообществах, сектах, среди заключенных, в фэн-клубах и пр., когда точечный рисунок является определенным документом, паспортом его носителя, как бы подменяющим саму личность.

Мотивация нанесения татуировок связана с ценностными ориентациями сообществ и представителей той или иной субкультуры, а также обусловлена половой принадлежностью.

Нетрадиционные даже для европейской культуры эти формы в российской культуре появились совсем недавно и обладают новой функциональностью, выступая: не как обереги, подобно тому, как в первобытных культурах, не как религиозные символы и не как социальные метки (клейма), а:

- как знаки потребности подростка в самовыражении,
- как свидетельство («графический паспорт») принадлежности к той или иной субкультуре (рокеры, хиппи, др.),
- как косметическое экспериментирование с собственным телом (весьма небезопасное).

Сами образы-рисунки – это своеобразные «высказывания на коже», носящие преимущественно агрессивно-устрашающий или псевдо-демонизированный характер. Именно поэтому татуированные подростки взрослыми и нетатуированными сверстниками воспринимаются как субъекты, от которых исходит угроза.

Каков же психологический смысл татуирования для тех, кто переступает порог тату-салонов?

Это может быть примитивная *дань моде или эпатаж* как противопоставление себя родителям, взрослому сообществу вообще.

Это может быть *знаком посвящения* (подобие инициации) для перехода на более высокую статусную и др. ступени в групповой иерархии.

Татуированные образы могут выступать в функции передачи *зашифрованной информации* (знаков) для посвященных, своих (например, о степени сексуальной доступности девушки или молодого человека).

Важно, что тату, пирсинг и особенно шрамирование являются для подростка в некотором роде *средством познания себя, границ собственных возможностей*, путем своеобразной «подростковой аскезы» (Анна Фрейд) – достойно претерпеть боль и дискомфорт самой процедуры боди-арт. Опасные эксперименты с собственным телом могут вызвать не только локальные воспаления, но и общее заражение крови и даже смерть.

Шрамирование и татуирование, с духовно-нравственной точки зрения, для подростка – не красота в традиционном смысле слова, а часто осознано богоборческий образ, отличный от данного в естестве, своеобразная неудовлетворенность тем, что имеется. Мотив – маскировка внутреннего мира молодого человека, когда внешне угрожающий вид – тот внутренний страх и тревога перед действительностью (по принципу детской страшилки – напугать окружающих, чтобы не бояться самому).

Опрос показал, что уровень децентрации и рефлексии у татуированных молодых людей ниже по сравнению с нетатуированными.

Татуировка и прокалывание как современная образная форма подростковой и молодежной субкультуры имеет иную функциональность. Современная мода на тату, а также пирсинг и подрезы среди подростков и молодежи связана (осознанно или нет) с опасным и рискованным желанием быть дизайнером своей собственной истории, Творцом своей личной анатомии, т.е. вмешаться в самую прерогативу Творца¹. Безусловно, пирсинг в этом ряду имеет наименьшие возможности, его можно связать скорее с эпатажем и своеобразной юношеской аскезой – претерпеть боль и дискомфорт, но быть выделенным из социума, «крутым».

Таким образом, современная татуировка и пирсинг выступают в современных условиях не как архаичный ритуал инициации подростка, а своеобразный аналог модернистского штрих-кода, позволяющий молодому человеку чувствовать себя уникальным в мире деперсонализации – с одной стороны, и протестовать против насильственной идентификации, с другой.

Граффити. Что общего у тату с граффити? При очевидных различиях, они обнаруживают определенное сходство, если рассматривать их психологическую составляющую. Нетрадиционные даже для европейской культуры эти формы появились совсем недавно с новой функциональностью: не как обереги и не как социальные метки (клейма), а как знаки потребности ребен-

¹ Ваганов А.Г. Мягкие знаки: татуировка – ритуал длиной в жизнь // Мир психологии, 2003, № 1 (33). – с.119-128.

ка в самовыражении, выражении своего отношения к предметам, историческим фактам и личностям.

Граффити по сравнению с тату и пирсингом имеет более высокую степень политического и социального содержания, отношения к конкретным общественным идеям. Мотивом нанесения изображений на плоскость может быть не только влияние моды, подражание, желание выделиться, но и личностный мотив познания мира и себя через собственное творчество, а также передача зашифрованной информации для своих.

Рисунки в стиле граффити часто отличаются своими яркими цветами и агрессивной сенсорностью. Содержание образов включает в себя отношение авторов к действительности (протест против существующих порядков, назойливой рекламы; свое понимание мира), способ самовыражения, передачу информации; также эти образы есть символическая книга психологических особенностей самих граффитчиков.

Было выявлено, что сами авторы «уличной живописи» имеют повышенный уровень тревожности, высокий уровень сензитивности, незащищенности по сравнению с другими субъектами данной возрастной категории, а сами граффити является особым способом выражения агрессии. Привлекательность граффити для подростков заключается в том, что насущные потребности самовыражения реализуются в свободе рисования без ограничительных рамок бумаги, холста и пр., кроме того, это занятие позволяет решить проблему поиска союзников и единомышленников. Сообщества граффитчиков (райтеров) разработало свой собственный «моральный кодекс».

Кодекс чести граффитчика

- Никогда не рисуй на жилых домах, зданиях представляющих какую-либо культурную ценность, школах, детских садах, больницах и т.п.
- Никогда не рисуй на памятниках, мемориальных плитах, надгробиях.
- Никогда не рисуй на работах других writer'ов, это позорно и бесчестно, этим ты сделаешь хуже только себе.

– Граффити существует для того, чтобы сделать серый и унылый городской мир ярче и красивее.

Анализ большого количества «уличного искусства» показал, что с психологической точки зрения, композиционные приемы, формы, цвета, которые в основном используются граффитчиками, как правило, оказывают негативное влияние на впечатление невольных зрителей, у многих остается неприятное впечатление от увиденного; часто все это воспринимается как примитивный вандализм и хулиганство (что не лишено оснований). Поскольку граффити, которое мы видим на стенах жилых домов, на детских площадках, подземных переходах, вагонах метро, на любых других доступных и малодоступных поверхностях, как правило, создает впечатление загрязненного пространства.

Индивидуально-психологический смысл граффити. Образы граффити это – не только способы самореализации, возможность самовыражения, но и символические показатели психологических особенностей самих граффитчиков, свидетельствующие о следующем:

Авторы «уличной живописи» имеют повышенный уровень тревожности, высокий уровень незащищенности и обостренную сензитивность по сравнению с другими субъектами данной возрастной категории, в том числе и юными художниками.

Однако существуют граффити, выполненные в «мирных целях», которые все чаще можно увидеть на улице. Это происходит, когда взрослые организуют конкурсы мастерства и отводят площади для творчества подростков. Например, в Рязани, школьники, с большим воодушевлением закрасив неприличные надписи в подъездах домов, – тоже своего рода граффити – разрисовали стены своими работами на конкурсной основе. Все, в конечном счете оказались довольны: и взрослые и дети.

Психо-социо-культурный смысл граффити

– Это визуальное заявление о себе и выделение (метка) своей территории.

– Подобно «тайным языкам» в детской субкультуре, – это послание для посвященных.

– Содержание образов включает в себя отношение авторов к действительности: социальной, культурной, политической.

– Граффити выделяются своей кричащей, либо ахроматической (депрессивной) цветностью, агрессивной сенсорностью.

Стихийное нанесение рисунков граффити на улицах происходит, как правило, под покровом ночи, в малодоступных и даже опасных пространствах города, сопряжено с немалым риском оказаться в руках полиции за незаконным делом, либо быть пойманным конкурентами за работу на их территории. Все эти обстоятельства, плюс дороговизна специальных красок тем не менее не делают это занятие менее привлекательным для подростков и молодежи, что роднит его с *экстремальными видами развлечений*.

Совместно-индивидуальная активность молодых

– экстрим, паркур, флэшмоб

Экстремальные виды развлечений детей и молодежи. В какой степени экстрим подростков и молодежи является современным феноменом? В предыдущих веках экстрима хватало в жизни: тяжелые условия существования, войны, конфликты, эпидемии, природные катаклизмы. Очевидно, сейчас появилось достаточное количество людей, которым жизнь представляется слишком пресной, они ищут приключений, к этому они приобщают и своих детей. Однако детям, особенно мальчикам в пубертатном возрасте, всегда была свойственна потребность испытать свои силы, проверить себя, определить границы своих возможностей. Арен для экспериментов было много и главное – детское сообщество могло оценить твои усилия и результаты.

В 60-х-70-х годах XX века экстрим назывался романтикой: многодневные турпоходы, песни у костра, путешествия на байдарках, восхождения на горные перевалы – всего этого было предостаточно у тогдашних пионеров и комсомольцев. При этом были и несанкционированные прыжки с крыш сараев, сидение на спор под водой в речках и прудах, лазание по карнизам домов

и пр. опасные развлечения. Что принципиально изменилось сегодня, в чем специфика экстрима XXI века?

Прежде всего, появилось большое количество экстремальных видов развлечений и спорта, требующих почти профессиональных умений и навыков, тренировок, а также сложного снаряжения и, следовательно, больших материальных затрат. Все стихии мира задействованы в современном экстриме: **воздух** (*Дельтапланеризм, Классический парашютизм – Фристайл* – показ различных фигур в свободном падении, *Скайсерфинг* – прыжки с лыжей на выполнение различных фигур и др. – в первых двух могут участвовать подростки), **вода** – на воде и под водой (*Дайвинг* – подводное погружение, *Водные лыжи* – один из самых известных видов активного отдыха, используемого подростками; *Рафтинг* – спуск по горной реке на каноэ или плотках, один из наиболее посещаемых туров даже для самых юных туристов), и наконец, **земля** – на земле (*Скейтбординг* – давно освоенный младшими школьниками), в горах (*Горный велосипед, Сноубординг* – спуск по снегу с горных склонов на специально оборудованной доске – это с младшего школьного возраста и *Горные лыжи* – уже с трехлетнего возраста на всех горнолыжных курортах), под землей (спуск в пещеры – это используется и в педагогических целях).

Вот самый краткий перечень современных экстремальных видов развлечений и спорта.

На основании опроса подростков можно сформулировать некие основания потребности жизни в экстриме.

Первая причина – возможность дать выход негативным эмоциям, переживаниям, неудачам и разрядиться, получить позитивный опыт – «Удалось!».

Вторая причина – скрытая аутоагрессия, то есть агрессия, направленная на себя. Для таких людей экстремальный спорт является возможностью постоянно рисковать, ходить «по краю» жизни и смерти. Зачастую такое по-

ведение является частью жизненного сценария, бессознательно принятого в раннем детстве.

Третья причина – возможность увеличить самоуважение, доказать, что ты не слабак, побороть свой страх. Интуитивно человек создает ситуацию опасности, чтобы пережить свой страх и освободиться от него. Нередко игра со смертью – это способ доказать, что ты «настоящий мужчина».

Четвертая причина – стремление сломать поведенческие штампы, изменить жизненный сценарий, стать иным. Экстремальный спорт в данном случае является способом, орудием сформировать новую установку или создать иллюзию, что ты ее меняешь.

Пятая причина – возможность мгновенного успеха, удачи: «Риск благородное дело». Это иллюзия выигрыша без труда.

Шестая причина – корпоративность: быть со всеми, быть как они, а значит, «Я не хуже других» и ... прыгнуть с парашютом.

Награда от преодоления риска – ощущение радости, психологический подъем. Отсюда жизнь в экстриме – «драйв» и может оказаться своего рода наркотиком, от которого трудно отказаться.

Паркур: соревнование с самим собой на грани возможностей

В контексте экстремальности необходимо сказать о такой форме подростковой субкультуры как *паркур* – искусстве эффективного передвижения и преодоления препятствий. Это опасная смесь акробатики, легкой атлетики, скалолазания, бега, боевых искусств, в основе философии которой лежит идея духовного и физического самосовершенствования. Паркур – воплощение свободы для современного подростка и, как следствие, возможность развиваться в любых условиях, независимо от того, живешь ли ты в мегаполисе, маленьком городке или дальней деревне – везде есть место подвигу (паркуру). Это свобода самовыражения, опыт, полученный путем множества тренировок, преодоления своих страхов, неуверенности в себе. Единственное соревнование, которое допускает паркур, – это соревнование с самим собой, идея преодоления является основным двигателем паркура. Отказ от вредных

привычек и пропаганда здорового образа жизни даже не обсуждаются. «Паркурщики» (трейсеры) объединяются в группы, в которых нет лидера, отношения проявляются на почве полного доверия, навыки и умения передаются щедро и безвозмездно.

Вот как характеризуют философию паркура сами трейсеры. *«Паркур это не спорт, не экстрим и не политика, это способ существования в этой жизни. Паркур это восприятие мира, понимание и сотрудничество со своим телом, сосуществование с городом, искусство рационального перемещения, искусство мыслей, искусство раскрепощенных движений. Это философия жизни, и только потом это перемещение. Это романтика, взрыв эмоций, воля, свобода действий. В Паркуре не может быть зависти или ненависти, тут должна быть свобода, свобода действий, перемещения, свобода мыслей. Важно понять саму философию Паркура, а потом уже двигаться вперед».*

Проведенный Интернет-опрос показал, что большинство приверженцев паркура выбрали для себя именно это увлечение – из желания физического и духовного развития и роста, проверки собственных способностей, стремления к свободе, отвлечению от насущных, но скучных проблем и др. Так же большое количество опрошенных объяснили свой выбор стремлением к гармоничному физическому развитию, тренировке тела, желания по максимуму использовать собственные телесные возможности. Небольшая часть опрошенных выбрала для себя это увлечение из-за интереса к чему-то новому, любопытному. Никто не указал причиной выбора – способ манипуляции и давления на окружающих, стремление к лидерству, или желание использовать свои преимущества в корыстных целях. Т.е. молодые люди, занимающиеся паркуром, имеют позитивные ценности жизни и ориентацию на саморазвитие.

Как правило, подростки считают, что паркур дает им в первую очередь развитие личностных качеств, только затем физических и эмоциональных. Паркур – это и активный отдых, и возможность самовыражения и просто наслаждение.

Еще одно направление в современной детско-молодежной субкультуре в контексте *совместно-индивидуальной активности* появилось буквально 10-12 лет назад и с каждым годом набирает популярность у молодых людей, во многом благодаря своей игровой, *карнавальной* (по М.М. Бахтину) подоплеке. Это флэшмоб.

**Флэшмоб – особое действие в особой социальной группе,
не имеющей аналогов в истории**

Флэшмоб – в дословном переводе («FlashMob») означает «мгновенная толпа», явление современной детско-молодёжной субкультуры. Подобно «тайным языкам» и молодежным тайным союзам с социогенезе – флэшмоб – это тайное знание и братство посвященных. Мобберы, а именно так называют себя участники этой толпы, сами придумывают сценарии своих публичных акций, сами выбирают лучшие из них, путём голосования, и сами отвечают за свои действия на акции без всякого управления сверху. Акции отличает прекрасная организация, координированность действий участников (а их может быть 100, и 1000 и даже выше), мягкий юмор и никаких проблем с правоохранительными органами. Они появляются ниоткуда и неизвестно куда уходят, о них мало что известно и на первый взгляд, они преследуют получение чисто гедонистического удовольствия от своих акций-сборов, но подлинные цели флэшмоба загадочны. Флэшмоб – явление современной детско-молодёжной субкультуры. *Тайное знание и братство посвященных.*

О механизме проведения подобных акций. Самый первый вопрос, который, как правило, возникает: как такое большое количество народа может самостоятельно о чём-то договориться. По историческому опыту, для этого требуются долгие собрания, большие помещения, много терпения и конечно же, необходимо руководство, управление, т.е. организация. Здесь нет ничего подобного, вернее есть, но «наизнанку». Провести подобные акции оказалось возможным только с появлением современных средств связи – интернета и мобильных телефонов.

Как правило, выбираются людные места в выходной день или час пик. Ими часто становятся парки, скверы, торговые центры, автобусные остановки или просто людные улицы в центре города. Ещё один очень важный момент, так как сама акция может занимать всего 30 секунд, то очень важно, чтобы всё началось синхронно. Для этого на всех сайтах посвященных этой тематике существуют электронные часы, с которыми все участники акции должны сверяться, и именно по ним определяется начало проведения акции. Ещё существует другой способ, сигнализирующий о начале акции. Выделяется специальная роль, для человека, который в инструкции обозначается как маяк. Его появление или какое-то его действие и служит сигналом к началу акции. Все мобберы ждут его появления и в любой момент готовы объединиться в «умную» толпу, и потом так же мимолётно раствориться среди простых прохожих. Члены такой «летучей группы» могут быть совсем не знакомы друг с другом и больше никогда не встретиться на жизненном пути.

После проведения акции все расходятся в разные стороны. Нельзя разговаривать между собой, улыбаться, ведь это – розыгрыш, невинная шалость. Запрещается самовольно снимать на видео или фото проведение акции. На форуме перед проведением акции выделяется один человек, который будет запечатлеть это всё для потомков, но аккуратно, незаметно, иногда даже скрытой камерой.

Каждый участник может предложить какую-нибудь акцию, подробно описав её, выставив на голосование. Наверное, это большой плюс, что флешмоб довольно динамичное действие, которое не повторяется и этим привлекает новых участников и удерживает старых.

Вечером после удачной «мгновенной толпы» начинается бурное обсуждение в Интернете. Все пишут о своих эмоциях и переживаниях, высказывают рациональные замечания, советы и благодарят друг друга. Те, кто так и не решился включиться в акцию из-за стеснительности, жалеют об этом. Могут высказываться претензии о не полной активности некоторых участни-

ков, которые знают сценарий, но целиком ему не следуют. Таких людей называют пингвинами, из-за их скованности и бездеятельности.

Регулярно проходят фестивали флешмоба, в 2004 году прошел международный фестиваль в России. Они проходят в разных городах и странах, в основном летом, куда съезжаются массы людей. В программе таких фестивалей: совместные прогулки по городу, самостоятельные экскурсии, проводимые принимаемой стороной. А так же совместные конференции, обмен опытом с международными коллегами по организованному «столпотворению», представление интересных сценариев и показ секретного видео снятого из засады. У многих рождается ощущение какой-то тайной организации, которую все видят, но никто о ней толком ничего не знает. Но главное – все в рамках закона.

Внутри этого сообщества есть определённые *законы и правила*.

1. Выполнение сценария. Сценарий пишется специально к каждой конкретной акции. В нём каждое слово обдуманно и выверено. Именно поэтому так важно тщательно изучить сценарий акции и в точности его выполнять. В каждом сценарии есть определённая возможность для творчества, но в рамках сценария.

2. Точное время. Очень важно синхронизировать свои часы с часами, по которым будет проводиться акция.

3. Никаких скоплений.

4. Рот на замок. Нельзя некоторое время до мероприятия стоять и обсуждать, что сейчас будет.

5. Непроницаемый взгляд. Одно из основополагающих правил – не смеяться, не улыбаться, не хихикать!

6. Соблюдение закона. Не хами, не груби, не создавай конфликтных ситуаций! Помни, что ты ничего не нарушаешь!

7. «Не попса». Чем меньше людей знают об этом явлении, тем успешнее проходят акции. Не стоит рассказывать друзьям, родственникам, знакомым о флешмобе.

8. Скрытая съемка. Есть свои фотографии, которые заранее выберут укромные места и будут снимать незаметно для окружающих. Весь отснятый материал появляется на сайте.

Вот один из сценариев: «Во время акции (10 минут) мы, изображая обычных прохожих, должны улыбнуться КАЖДОМУ встречному человеку. Именно улыбнуться, а не скорчить рожу, показать язык. Просто представить, что перед вами ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ человек. И всё. Наша задача на 10 минут создать в определённом пространстве своеобразную «территорию добра и хорошего настроения», место, где ТЫ РАД КАЖДОМУ. Всего лишь улыбаясь».

Как и у любой субкультуры у флешмобберов есть свой метаязык, свой профессиональный сленг и свои очень жесткие правила поведения, главное из которых – «разумно препятствовать распространению флэшмоба, обращаясь с информацией о нём, как с тайным знанием». Вероятно, мы имеем дело с феноменом, который М.В. Осорина назвала «Секретный мир детей в пространстве взрослых». Только здесь подростки и юноши обоих полов.

Психологический принцип флэшмоба заключается в том, что мобберы создают непонятную, абсурдную ситуацию (одна крайность), но ведут себя в ней как будто для них это вполне нормально и естественно: серьёзные лица, никто не смеётся, все находятся в здравом рассудке, трезвые и вменяемые.

Мотивация участия во Флэшмобе подростков и молодежи:

- развлечение, «прикол»;
- отсутствие материальных затрат;
- протест против строгих моральных устоев общества;
- желание почувствовать себя свободным от общественных стереотипов поведения;
- произвести впечатление на окружающих;
- самоутверждение (испытать себя: «Смогу ли я это сделать на людях?»);
- попытка получить острые ощущения;

- ощущение причастности к общему делу;
- получение эффекта как от групповой психотерапии и др.

Пожалуй, впервые в истории социальной психологии социальная группа, столь слаженно действующая, лишена всех классических признаков группы, объединенной совместной деятельностью: члены группы – не знакомы друг с другом, лидерский центр отсутствует, при том четкость управления исключительная: синхронность, слаженность, ответственность каждого участника.

Самый многочисленный флешмоб «С Рождеством» насчитывает свыше 10-ти тысяч человек. Время проведения акции: от нескольких минут до получаса. Особенно впечатляют танцевальные флешмобы, наиболее приближающие акцию к карнавальному действию, дающие позитивный эмоциональный настрой и участникам и зрителям.

Таким образом, современные формы детской и подростково-молодежной субкультуры, как и традиционные, выполняют социализирующую функцию, предполагают развитие творческой активности, дают возможность испытать себя, определяя границы собственных возможностей, дают положительный жизненный настрой, возможность общаться, искать и находить единомышленников и друзей по увлечению, обеспечивают стремление к полноценной самореализации.

Современная детско-молодежная субкультура для развития культуры несет в себе:

- богатый источник инноваций и открытий в искусстве, моде, формах досуга;
- вариант массовой культуры, продукт медиа-индустрии;
- форму творческой активности детей и молодежи, не находящей принятия и поддержки со стороны официальной культуры и взрослых вообще;
- порой, источник опасности и риска для социального и нравственно-духовного здоровья детей и молодежи.

В контексте четвертого направления развития детско-молодежной субкультуры рассмотрим **организацию** как инструмент объединения субъектов в социальные группы для решения определенных задач, т.е. **организация: детское сообщество в истории культуры и современности**

История развития детских сообществ в России

Сообщества детей и подростков известны с глубокой древности. Достаточно вспомнить многочисленные объединения молодых людей с общими взглядами на природу, искусство, с общим типом поведения, известные с глубокой древности: это и философские школы античности, рыцарские ордена, литературные и художественные школы средневековья, клубы и тайные общества нового времени и т.д., однако истоки этих сообществ находятся в раннем социогенезе.

Уже в эпоху первобытности дети с 4-6-ти лет могли объединяться в группы, удаляясь от взрослых, строили себе хижины, занимались примитивным рыболовством, охотой и собирательством, чтобы прокормиться, выполняли начальные формы религиозных обрядов и ритуалов. Первые разновозрастные сообщества, по всей вероятности, возникли еще до моногамной семьи, когда за общими детьми присматривали кто-то не занятый в общем труде (старые, больные или слишком молодые), и первобытный «детский сад» выполнял функции социализации. Игровые детские коллективы появились тогда, когда у детей стало высвобождаться время для совместной игры как непродуктивной деятельности.

Детское сообщество, как показывают историко-культурные исследования, является, по всей видимости, самым первым и наиболее древним институтом социализации ребенка, поскольку первые детские объединения возникли уже в эпоху первобытности в связи с половозрастным разделением общества и предшествовали моногамной семье, они обладали своим особым статусом, своим специфическим местом в половозрастной социально-иерархической системе. Возникновение детской субкультуры как целостного историко-культурного феномена обусловлено половозрастной стратификаци-

ей общества, уходящей своими корнями в глубокую древность. *Носителем детской субкультуры* является *детская группа*, детское сообщество, формирующееся на достаточно ранних ступенях социогенеза человечества и индивидуальной истории человека в процессе совместной деятельности детей, направленной на овладение и воспроизведение ими общественно-исторического опыта и форм человеческих взаимоотношений.

Детская субкультура – смысловое пространство ценностей, способов деятельности, форм общения и пр., осуществляемых в детских группах относительно независимо от взрослых на протяжении всего онто- и социогенеза.

На основе регламентированных взрослыми форм деятельности (трудовой, учебной и др.) возникла детская группа – сообщество детей, объединенных совместной деятельностью и сопереживанием общих ценностей. Игра как нерегламентированная взрослыми совместная деятельность становится способом преодоления того разрыва межпоколенной связи взрослых и детей, который образовался в обществе на определенном этапе социогенеза в силу выделения и обособления мира детства из мира взрослости. Дети при этом как бы выталкиваются из сферы материального производства, выпадают из взрослого сообщества и предоставляются самим себе. Тогда и возникают играющие детские коллективы, в которых происходит усвоение общих смыслов и мотивов человеческой деятельности, воспроизведение социальных отношений, религиозных представлений, обрядов и ритуалов. Через игру дети в опосредствованной форме включаются в жизнь взрослых, удовлетворяя и собственную потребность в причастности к происходящему, что является не просто моделированием смыслового поля взрослой деятельности, а свободным обращением с его содержанием.

XX век в самом его начале был назван **ВЕКОМ РЕБЕНКА**, и это было подкреплено в это время созывом Международного слета детских организаций.

Зарождение детского движения в России началось в начале XX в. В 1908 году появились первые скаутские отряды. Создание скаутских отрядов, анализ первого опыта их деятельности привели к тому, что общественность

пыталась использовать не только их социальную значимость, но и оценить их педагогические возможности. В 1908-1912 гг. было широко распространено движение «потешных» отрядов, находившееся под опекой военного ведомства. Интересы правительства России, занятого подготовкой к войне, переключались с вопросами физического воспитания молодежи и совершенствования подготовки детей для армии через внешкольные организации. Министерства просвещения, Святейшего Синода в России через «потешных» реализовывалось предложение царя Николая II о специальном обучении военному делу детей и подростков.

Социально-экономические преобразования в России дали толчок широкому движению учащихся школ. Ученические кружки в России получили определенное развитие после революции 1905 года, они были разнообразны по характеру, целям, задачам, возрасту, объединяя детей и молодежь от 9 до 19 лет.

В окрестностях Царского села под Петербургом и в 1910 году при Александровском юнкерском училище были предприняты попытки создать первые отряды юных разведчиков-скаутов. Первый опыт создания отрядов скаутов получил правительственную поддержку. После революции попыткой приспособить воспитательную систему скаутинга к новым социально-политическим условиям можно считать создание отрядов «юных коммунистов» (юков), создаваемых с 1918 года при активном содействии многих бывших скаутмастеров. Многие скауты примкнули к этой организации. Скаут-законы стали юксканутскими, с изменением первого, требующего верности царю, Богу и отечеству. Структура, формы, методы работы были те же. В отряды юков, делившихся на патрули, принимались мальчики от 10 до 14 лет.

Созданный в 1918 г. Российский Коммунистический Союз молодежи (РКСМ) принимал активное участие в укреплении местных отрядов юных коммунистов, а зачастую выступал их организатором. Среди разнообразных организационных форм детского движения определенное развитие получали детские клубы. Основной задачей клубов было «умственное, эстетическое самообразование, приучение к общественной работе». При них существовали

сапожные, переплетные, столярные и токарные мастерские. В России в 1917-1925 гг. существовало более 17 детских организаций.

19 мая 1922 года стал днем рождения пионерской организации. Основными ориентирами в деятельности пионерской организации стали: общественно-политическая, социально-значимая трудовая деятельность пионеров по улучшению окружающей жизни, строительству социалистического государства (в середине 80-х гг. организация насчитывала около 25 млн. детей). Постепенно пионерия теряла свой самостоятельный характер, утрачивала внутренние стимулы к развитию, что порождало проблемы, усугубляемые сложностями всех сфер жизни советского общества. X Всесоюзный пионерский слет, проходивший в 1990 г., принял решение о преобразовании ВПО им. В.И. Ленина в СПО (ФДО) СССР, по сути дела, уже новую детскую организацию как особого социального института общества.

Всесоюзные пионерские слеты, возродившиеся с 1962 года, стали своеобразными рапортами государству, обществу о вкладе юных в строительство социализма в стране. Слеты давали старт всесоюзным пионерским акциям, кампаниям, трудовым вахтам, программам; определяли «правофланговые» пионерские отряды, дружины; выносили решения о награждении пионеров, особо отличившихся в учебе, труде, тимуровской деятельности, интернациональной работе. Пионерская организация к этому времени стала частью мирового пионерского движения, его авангардом, а пионерские лагеря «Артек», «Орленок», «Океан» – центрами международного демократического и пионерского детского движения. Историю отечественного детского движения XX века представляли многообразные его виды и направления: юнкорское, юннатское, юнармейское, тимуровское, туристическое, поисково-краеведческое, экологическое, ученическое, которые оформлялись и действовали как: Основные этапы становления и развития отечественного детского движения: а) самостоятельные формы детского движения; б) органичные блоки взрослых движений; в) виды и направления деятельности скаутской, пионерской организаций, обновлявшие их деятельность и придававшие

ей особую общественно полезную и личную значимость. Пионерия прошла долгий путь от движения, разрозненных отрядов юных пионеров-спартаковцев до Всесоюзной массовой, единой в стране детской пионерской организации.

Процесс создания детских организаций расширился после перестройки. Приведем примеры детских сообществ последних десятилетий. После чудовищного «погрома детских организаций» конца 80-х начала 90-х годов сегодня происходит, с одной стороны возрождение детско-подростковых общественных организаций *просоциального толка*. Позитивная просоциальная направленность некоторых детских общественных организаций, пока еще очень слабых и малочисленных, таких как федерация детских организаций «Юная Россия», «Детский орден милосердия» (программа совместных дел здоровых детей и детей инвалидов), программа «Школа демократической культуры» (движение юных парламентариев), и др. и др. *нуждаются в государственной и общественной поддержке*. Лишь в одном, к примеру, Перовском районе Москвы существуют следующие формальные организации: русские скауты и пионеры, детское общественное движение «Милосердие» и «Марш молодых», «Юный путешественник» и клуб «Подрост» и др., объединенные потребностью детей в реализации позитивных ценностей и общественного служения, общего досуга, совместной общественно полезной деятельностью².

С другой стороны, во множестве возникают различные стихийные, неформальные сообщества асоциального и антисоциального направления.

По словам Г. С. Виноградова³, при характеристике конца прежнего состояния детства в России 19-го – начало 20-го веков, «Народная педагогика

² Детское движение Москвы: ресурсы развития: Материалы социологического исследования: Сб. статей / Под ред. М.Е. Кульпединовой. – ИСПС РАО, 2005

³ По отзыву его современника замечательного поэта и мыслителя С. Н. Дурылина: «Многих больших людей я знал в своей жизни, начиная со Льва Толстого, но ни в ком не видел такого сочетания прекрасного ума, честнейшей воли и золотого сердца. У него единственного талант – ни у кого другого не встречал! – постижение детства в самых алмазных его тайниках: в мысли, сердце, поэзии. Его работы по детской поэзии драгоценны. Он проник в труднейший отдел народной лаборатории – в лабораторию детской мысли, детской воли, детского искусства, поэзии, слова – здесь он

благосклонно относится к детскому обществу...», что свидетельствует о глубоких изменениях современной детско-юношеской жизни и нарушении позитивных отношений в детско-взрослых общностях.

Детская общественная организация на сегодняшний день является сообществом, способным оказать неоценимую помощь в развитии личности ребенка, в развитии его социальной активности, в нравственном становлении, а также предоставить убежище от негативного воздействия окружающей действительности. Однако Совет детских организаций РФ провел исследования, в результате которых оказалось, что лишь немногим более 3% детей входят общественные организации, 83% детей не входят ни в одну детскую организацию, а 5% – примыкают к «неформалам», имеют асоциальный и контркультурный характер.

Краткая характеристика неформальных групп детей и подростков: общее и различное

С конца 70-х до начала 90-х годов XX века сформировалась так называемая «Система» – контркультурное, демонстративно-карнавальное движение, субкультурное содержание которого представляло собой «микс» из двух контркультурных западных стилей: хиппи и панки. На родной почве возникли – КСП (клубы самодетельной песни), «Фэндом» (КЛФ – клубы любителей фантастики), рокеры, фанаты, поклонники неофициального искусства (андеграунда). В начале 90-х возникли несколько независимых субкультур (панки, металлисты, готы, фолкеры, ролевики и т.д.).

Главной характерной особенностью современной подростково-молодёжной субкультуры является её обособленность, отстранённость, часто демонстративная, эпатажная, – от культурных ценностей старших поколений, национальных традиций. Идентификационная символика и сленг неформальных объединений весьма разнообразны: религиозные символы и ритуалы кришнаитов и баптистов, восточных практик и масонских элементов; ос-

не знает себе равных. Здесь у него приходится учиться всем, кто пытается сюда заглянуть. Его работы остаются навсегда первоисточником нашего знания о чудесном мире русских детей».

новные мотивы – смерть, секс (в том числе противоестественный), сумасшествие, наркотики, криминал.

Фанаты

Как массовое организованное движение фанаты возникли в СССР с 1977 года, основоположники – спартаковские болельщики. Внешние атрибуты фанатов: шапочки цветов любимых команд, джинсы или спортивные костюмы, футболки с эмблемами «своих» клубов, кроссовки, длинные шарфы, значки, самодельные плакаты.

Субкультура Фурри

С момента возникновения в 80-х годах к «**фурри**» (с англ. *furry* – пушистый) относятся все появления антропоморфных персонажей в мировой литературе и искусстве: от Кота в сапогах, Ежика в тумане до лис-оборотней в Японии. Считается, что «фурри» как художественный жанр является неотъемлемой частью антропоморфной культуры. *Особенностью субкультуры является стремление её представителей к воплощению образа антропоморфного животного в творчестве или в себе, посредством идентификации с ним.* Одна из представительниц субкультуры: «Фурри на мой взгляд, это прежде всего внутренние, психологические, душевные установки. Это целый комплекс, совокупность моральных, духовных и материальных ценностей пушистого».

Готы – депрессивные подростки от 15 лет, в черной одежде и с макияжем мертвеца. Посещают кладбище, совершая там особые ритуалы, много пьют: абсент и красное вино – готические спиртные напитки. Мирозренческий идеал – готическая культура мрачных тонов. Основные ценности готов – смерть, одиночество, крайний индивидуализм. Приверженность к танатизации – (от танатос – бог смерти) основная ценность жизни готов: на собраниях часто обсуждение способов самоубийств и пр.

Субкультура ЕМО-kids

Эмо – рафинированная инфантильность с механизмом выученной беспомощности. Культивированный образ эмо – ранимый депрессивный ребен-

нок. Эмо-киду свойственна кардинальная смена настроения, капризность, слезы, обвинения в непонимании и т.п..

Атрибуты эмо: специфическая музыка (с акцентом на атмосферу печали и загадочности); имидж: одежда черного цвета с розовым, «смертельный макияж», пирсинг.

Современные детско-молодежные сообщества

Субкультурная группа (самоназвание)	Миним. возраст	Интенсивность общения. Темы разговоров.	Предпочтения интересы			Любимые виды спорта
			Музыка	Лит-ра	Кино	
Эмокиды (Эмо)	15	Про самих себя, про эмоции, философские депрессивные разговоры про то, как никто в мире их не понимает, не любит	Экспресс. мелодичн. песни о несчастной любви, о насилии в мире	Современный арт-хаус, занимаются сочинительством сами	В завис. от настроения: от ужасов до мелодрамы	Экстремальные (скейтбординг, сноубординг, паркур)
Металлисты	16	Про рок-концерты, след. и прошедшие встречи с друзьями, обсуждение моделей мотоциклов, женщин («телок»)	Тяжелая насыщенная музыка (black metal)	Фэнтези	Нет	Только слэм на рок-концертах

Общая характеристика неформальных сообществ

Возникновение той или иной асоциальной или контркультурной детско-молодежной субкультуры обусловлено целым рядом причин, которые могут быть обозначены как кризисы:

- кризис института семьи и семейного воспитания,
- кризис, разрыв детско-родительских отношений,
- кризис как деградация родственных связей между сиблингами, отношений с прауродителями и другими родственниками,
- «экзистенциальный вакуум» сознания растущего человека, кризис идентичности,

– информационный кризис: коммерциализация средств массовой информации, пропаганда «гламура», извращений, агрессии и аутоагрессии, всего необычного, ненормального.

Каждая из таких групп – есть вызов обществу, протест. В протестных подростковых движениях «протест» обычно выражается в формах маргинализма⁴ и пермиссивности⁵ (вседозволенности).

Почти в каждой из этих группировок существует патологическое влечение к употреблению наркотиков и психоактивных средств. Для каждой из субкультур свойственен свой стереотип злоупотребления психоактивными средствами. Так, например, хиппи – сторонники «свободной любви» – предпочитали гашиш и галлюциногены. Панки наряду с алкоголизацией склонны к злоупотреблению лекарственными препаратами транквилизаторами. Ценители современной поп-музыки склонны к употреблению галлюциногенов и психостимуляторов. Фанаты футбольных команд злоупотребляют алкоголем.

Существуют такие движения, как кислотники (рэйверы), для которых определенные наркотики (ЛСД) являются культовыми, а их употребление и обмен наркотическим опытом – основным занятием. В других молодежных движениях даже с безобидной идеологией (рэперы, металлисты) наркотики просто бытуют как нормальный элемент жизни.

В 80-х – начале 90-х годов среди групп детей и подростков – выходцев из рабочих слоев неблагополучных семей было распространено потребление токсичных веществ для достижения одурманивания (близкого к алкогольно-

⁴ Маргинализм – (от латинского «марго») – край, черта, то есть «находящийся за чертой». Маргинализм представляет собой социальный протест, выражающийся в игнорировании личностью требований официальной морали, стремлении выйти из-под контроля общественных институтов. Маргинализм зародился в глубинах леворадикального течения 60-70-х годов. Он осуждает в капиталистической системе все – официальную культуру, культ труда и семейный деспотизм, консервативные догмы, урбанизм, нормы поведения, нравственности и морали.

⁵ Пермиссивность – от английского «пермишен» – дозволение. Концепция «вседозволенности» возникла на Западе в начале 70-х годов как отражение особого типа поведения молодёжи, бунтующей против культуры и морали «старого» капиталистического (а впоследствии и социалистического) мира. После перестройки, объявившей невиданную доселе свободу, демократия стала восприниматься подростками (да и не одними ими) как вседозволенность. В условиях позднего СССР, а после его распада – в России пермиссивность обычно проявлялась в доступности наркотиков, поведенческой разнузданности и сексуальной свободе.

му), это токсикомания бензином, а несколько позже из ингаляционных видов токсинов был наиболее распространен клей «Момент». Он был настолько популярен среди подростков, что вошёл в наименование детей-токсикоманов: «моментщики». Дети, начиная с 8-10-летнего возраста, забиваясь в подвалы, чердаки, иногда весьма опасные «укромные места», с помощью полиэтиленовых пакетов и токсичных веществ «смотрели мультики» – мозговые галлюцинации, чтобы через 3-4 года опять же в группах подобных себе перейти на алкоголь или наркотики.

Для этих групп была естественна манифестация сексуальной свободы. Информационно-просветительские кампании в области «сексуального воспитания»⁶ с начала 90-х годов были весьма агрессивными. Следствием их деятельности, разгула в СМИ и детских журналах типа «Cool» «Coolgerl» пропаганды извращений и порнографии появились негативные сдвиги, произошедшие в духовно-нравственной сфере подростков вообще и в сфере интимно-личностной в частности:

- более раннее формирование сексуальности;
- более раннее начало сексуальной жизни, сексуальный дебют; происходил у девочек в 12-14 лет, у мальчиков в 14-15 лет;
- социальное и моральное принятие добрачной сексуальности и сожительства (так наз. «пробных браков»);
- сужение сферы запретного в культуре, языке, литературе и рост общественного спроса на эротику;
- рост терпимости по отношению к необычным, вариантным и девиантным формам сексуальности, особенно гомосексуальности;
- увеличение разрыва между поколениями в сексуальных установках, ценностях и поведении – многое из того, что было абсолютно неприемлемо для родителей, дети считают нормальным и естественным.

⁶ По инициативе фонда народонаселения при ООН и ЮНЕСКО в те годы Министерством образования внедрялась в школы программа «Половое воспитание российских школьников», имеющая характер интеллектуального растления детей с 1-го по 11 класс. Всемирное возмущение родителей, общественных организаций и Церкви остановило этот процесс.

Криминализация неформального движения – еще один процесс, сопутствующий описанным. Здесь оказывается важен социально-психологический механизм взаимной повязанности совершенным преступлением всех членов подростковой группы как их совместном участии в правонарушении. Причем, если преступление является достаточно серьезным, но пойманы они не были, то сплачивающим фактором является общая тайна с общим страхом.

Сущностное значение имеет личность лидера неформальной группы. Все чаще это место занимает опытный в жизни и влиятельный «бугор – зэк». Отсюда получают распространение элементы криминальной субкультуры: языка, обычаев, тюремные нормы морали. Социально-психологической спецификой таких молодёжных группировок, является то, что лидер закрепляет жесткую иерархию группы, агрессивно пресекая любые нарушения «закона».

Питейная практика распространена, фактически, во всех молодёжных формированиях. В разных сообществах – свои знаковые и даже культовые напитки. Чаще всего в этом качестве называют пиво или водку. Для хиппи 80-х и в тот же период для панков культовым напитком был портвейн. Питейная практика является предметом социокультурной регуляции и имеет ярко выраженный знаковый смысл, ритуализуя и опосредуя целый ряд внутри-групповых отношений.

Большое влияние в тяготении к образованию подобных группировок имеют содержательные акценты в СМИ, кино, в модной художественной литературе. Присутствующие в них жестокость, мат, насилие, бесчисленные посягательства на жизнь, здоровье, честь личности преподносятся как нечто обыденное, как привычный способ разрешения проблем. Но еще большее значение для детей и подростков имеет попустительство и согласие общества с их существованием, как бы негласное разрешение.

Главной характерной особенностью современной подростково-молодёжной субкультуры является её обособленность, отстранённость, часто демонстративная, эпатажная от культурных ценностей старших поколений,

национальных традиций. Идентификационная символика и сленг неформальных объединений весьма разнообразны: религиозные символы и ритуалы кришнаитов и баптистов, восточных практик и масонских элементов; основные мотивы – смерть, секс (в том числе противоестественный), сумасшествие, наркотики, криминал.

Социальный психолог И.П. Башкатов даёт следующую классификацию неформальных молодёжных объединений⁷:

I вид: социально нейтральные (озорные) группы

Основными типами этих групп являются самовозникающие группы детей и подростков, сформировавшиеся по домовому, дворовому или уличному принципу по месту жительства. Почти в каждом дворе, на каждой улице и даже в многоквартирном доме имеются свои разновозрастные компании детей и младших подростков, состоящие из 3-6 человек. Средний возрастной состав членов этих групп от 10-11 лет – до 14-15 лет. Взаимодействие между членами группы минимально, поверхностно и носит ситуативный характер. Основная цель деятельности этих групп – удовлетворение потребности в интимно-личностном общении со сверстниками, чаще всего выражающееся в беседах и разговорах о чем угодно, в играх.

II вид: предкриминальные или асоциальные группы

К ним относятся асоциальные группы подростков и юношей, которые сформировались на основе подражательного интереса к зарубежной рок-музыке, «тяжелому металлу» – группы «металлистов» и «музо-фанатов», технике – группы «ночных мотоциклистов-рокеров»; политизированной моде – группы «хиппи», «панков», «чернорубашечников» и «коричневорубашечников»; группы околоспортивных болельщиков – «фанатов» и другие.

Они состоят в основном из старших подростков и юношей: 14-16-17 лет. Наиболее распространенные места сбора групп: возле кинотеатра, на вокзале, на стадионе, на дискотеках; в пивбарах, возле ларьков; в скверах, у

⁷ Башкатов И.П. Психология неформальных подростково-молодёжных групп. – М., Изд-во «Информпечать», 2000

кого-нибудь на квартире. Чаще всего их совместная деятельность носит хулиганский характер, выражающийся в нарушении общественного порядка, оскорблении личности и достоинства граждан. Отдельные члены групп могут совершать более серьезные преступления. К их числу следует отнести, прежде всего, употребление, сбыт и хранение наркотических веществ, хулиганские действия, хищения, легкие телесные повреждения. Эти группы находятся на подступах к противоправной деятельности.

III вид: неустойчивые криминальные или антиобщественные группы

Основными типами этих групп являются группы хулиганов, воров, насильников, бродяг, наркоманов, токсикоманов и другие. Члены таких групп уже в полном составе совершают преступления и сразу распадаются. Но со временем группы могут собираться вновь. Наиболее типичными преступлениями этих групп являются: кражи, хулиганство, грабеж, телесные повреждения, разбойные нападения, изнасилования. Почти все члены групп курят, употребляют спиртные напитки, наркотики. Их речь наполнена жаргоном, блатными словами и выражениями. Почти все имеют татуировки.

Состоят такие группы в подавляющем большинстве из подростков от 12-13 лет, до юношей 18-20 лет. Длительность существования групп незначительна: от 2-3 месяца до 1 года. Места сбора членов групп также уединенные. В подвалах, в сараях, на чердаках или в местах большого скопления народа: на стадионе, на дискотеках, возле кинотеатра; в парке, в сквере и пр.

Внутригрупповая структура относительно устойчива и поддерживается за счет существования скрытых антиобщественных внутригрупповых «законов», норм и традиций. Характерным видом деятельности является антиобщественное поведение и совершение различных преступлений. Наблюдается определенная подготовленность к совершению правонарушений и преступлений, разрабатываются планы «операций», распределяются обязанности и т.д.

Особое место среди этих групп занимают группы наркоманов и токсикоманов, для которых характерны все черты криминогенных групп, но кото-

рые имеют еще ряд специфических особенностей, недостаточно изученных и мало знакомых науке и практике.

Социальная опасность наркомании и токсикомании как социальных явлений состоит в том, что возникают они стихийно, отдельными вспышками в какой-либо местности и получают наибольшее распространение в группах трудновоспитуемых подростков и несовершеннолетних правонарушителей и могут быть активными довольно продолжительное время, до 2-3 лет. За это время отдельные случаи наркомании и токсикомании могут превратиться в настоящую «эпидемию», которая ведет к психической и социальной деградации личности. Кроме этого, часть подростков, пристрастившихся к употреблению одних наркотиков и вдыханию паров химически вредных веществ, переходит к употреблению других наркотиков и токсинов, и становятся полинаркоманами.

Изучение жизни несовершеннолетних наркоманов и токсикоманов и опрос врачей-наркологов показал, что причинами употребления наркотиков и токсичных веществ являются:

1. Отсутствие общественно полезных интересов и потребностей – 97%.
2. Скука, однообразие жизни и поведения – 100%.
3. Формализм в работе с молодёжью, заорганизованность скучными мероприятиями – 100%.
4. Недостатки в организации досуга молодёжи (недостаточное количество молодёжных кафе, дискотек, молодёжных клубов и т.д.) – 87%.
5. Неурядицы в личной жизни (семейные скандалы, исключили из школы, техникума, неудачи в любви, на работе обидели, разочарование в людях – «никому верить нельзя, вокруг ложь и обман») – 53%.
6. Бравирование своей независимостью, жизненной неустроенностью, безысходностью – 58%.
7. Негативное влияние ближайшего окружения – 100%.
8. Безволие, слабость духа – 67%.

В психической сфере наркоманов и токсикоманов с возрастом также наблюдаются изменения. Прежде всего, у них заметно снижение интеллектуального и волевого развития, застревание переживаний на какой-либо стадии, быстрая физическая и психическая утомляемость, отсутствие осмысленности в действиях, трудность сосредоточиться на чём-либо, слабость памяти. «Дружеские» связи и отношения сохраняются у них только с лицами по совместному принятию наркотиков. Быстро прогрессирующее интеллектуальное и волевое падение делает их болезненно внушаемыми, легко подверженными воздействию более сильных личностей. Поэтому они усиленно ищут контактов, чтобы достать вещество и снова впасть в «приятное» опьянение. Если они не находят привычного вещества, то могут переходить на злоупотребление любыми доступными веществами – алкоголем, разными наркотиками, которые принимают в больших дозах. Все это еще больше отягощает заболевание и в конечном итоге приводит к социальной и психической деградации личности. Справиться с этой болезнью подростки, как правило, самостоятельно не могут. Нужна строгая и длительная их изоляция от негативного микроокружения в сочетании с медицинским и исправительно-трудовым воздействием.

IV вид: устойчивые криминальные или преступные группы. Это устойчивые объединения подростков, «компоновавшиеся» для совместного совершения каких-либо преступлений: кражи, разбойные нападения, насильственные преступления, грабежи – с применением оружия. Успешному совершению преступлений способствует высокая подготовленность преступных групп. Эти группы, как правило, хорошо организованы. В них просматривается чёткая организационная структура. Выделяется «руководящий центр» – лидер, предпочитаемые и исполнители. Во главе группы всегда стоит более опытный преступник, имеющий «уголовный стаж», старший по возрасту. Он является чаще всего организатором преступной группы, её «мотором».

Внутренние регулятивные функции осуществляют неписанные «законы», нормы и ценности, принятые во всех криминальных группах, которые тщательно скрываются от окружающих. Несоблюдение или нарушение этих

«законов» ведет к распаду группы, поэтому нарушители «конвенции» преследуются и караются. В группах всегда царит жесткая зависимость членов друг от друга, основу которой составляет круговая порука. Поэтому количественный состав устойчивых криминальных групп более или менее постоянный. Это лица старшего подросткового и юношеского возраста 14-15 лет, 16-17, 18-20-летние. Половой состав смешанный, что делает их членов более развращёнными, циничными. Почти у каждого члена группы имеется «своя подруга», которая наравне со всеми курит, употребляет спиртное, наркотики, участвует в преступлениях. Криминогенная зараженность членов устойчивых преступных групп очень высока.

В зависимости от эпизодов преступлений межличностные связи и отношения в таких группах четко опосредуются преступной совместной преступной деятельностью, частым общением для подготовки к преступлению.

Успешность групповой преступной деятельности обеспечивает и длительность существования групп. Члены групп умеют хранить групповую тайну, тщательно скрывают ее от окружающих. Это ведет к высокому уровню групповой приемлемости и к специфическому общению.

Отношение в устойчивых криминальных группах только внешне дружелюбное. В них царит показное равноправие и панибратство.

Между членами группы нет равноправия, а имеется целая иерархия зависимостей и подчинения сильному слабым, существует зависть, соперничество, стремление к превосходству над другими, подозрительность, недоверие, высокий уровень скрытой межличностной и групповой конфликтности. Поэтому отношения в таких группах в целом можно охарактеризовать как враждебно-агрессивные. Агрессивность проявляется не только к жертвам преступлений, но и к членам своей группы.

Предупреждение правонарушений, совершаемых неформальными молодёжными объединениями

Предупреждение преступлений – одно из важнейших направлений деятельности с неформальными молодёжными объединениями. Так, Башкатов

И.П. предлагает проводить работу по переориентации и разобщению таких групп в несколько этапов:

1) Вхождение в доверительные и контактные отношения с членами группы. Изучение среды, историю группы, все её психологические и непсихологические характеристики, моменты начинающих или имеющих отклонений от нравственно-правовых норм, а также индивидуальные и групповые оценки и суждения по их поводу.

2) Непосредственная работа по переориентации и разобщению неформального молодёжного объединения.

3) Профилактические мероприятия, имеющие своей целью выявление и ликвидацию тех причин и условий, которые способствуют объединению в неформальные объединения. Предупреждение возникновения таких групп предполагает оздоровление семейной обстановки, усиление внимания семьи, школы, общественных организаций к организации и проведению свободного времени подростков и молодёжи.

С этой целью необходимо устранить негативные отношения в семье, упущения в воспитательной работе школы, трудовых коллективах, по месту жительства, которые способствуют отчуждению молодёжи от жизни. А также повышение педагогической культуры родителей, повсеместную организацию семейных консультаций, создание службы семьи, установление телефонов доверия, взаимопомощи семьи и др. Целевое назначение этих мер – уменьшить вероятность возникновения конфликтных отношений в семье и тем самым предупредить отчуждение подростка от семьи, негативное формирование его личности и уход на «улицу».

К числу профилактических мероприятий следует отнести также пресечение деморализующего воздействия на молодёжь ранее судимых лиц, наркоманов. Особенно важно пресечение незаконного изготовления, хранения и ношения холодного и огнестрельного оружия, наркотиков, спиртного, а также вовлечения в эту деятельность несовершеннолетних.

4) Переориентация группы является одной из форм воздействия на неё в целях положительной корректировки направления деятельности всех членов группы. Изменение содержания деятельности группы может осуществляться как путём корректировки направленности её лидера или внедрения в группу нового лидера, так и путём включения большинства участников в новый коллектив с социально полезными целями (формирование правовых знаний у молодёжи, чувства ответственности за содеянное и вовлечение в активную общественно полезную деятельность).

5) Разобщение группы предполагает создание таких условий, при которых исключается или существенно ограничивается общение и совместная деятельность членов группы. В этих целях наиболее эффективным приёмом является изоляция наиболее агрессивных её членов (в первую очередь лидеров).

б) Необходимо активно использовать методы убеждения и опосредованного воздействия, направленные на разобщение группы путём использования внутренних противоречий для подрыва авторитета лидера и искусственного создания разногласий между ними и другими её членами. При этом необходимо знать особенности взаимоотношений между членами группы, её направленность и намерения, распределение ролей, а также владеть компрометирующими материалами на лидера и других активных участников неформального молодёжного объединения.

Профилактика преступной деятельности неформальных молодёжных объединений является важнейшим направлением в государственной деятельности. Именно от тактики опережения, предупреждения и оперативного пресечения криминальной ситуации сегодня многое зависит в сфере предупреждения преступлений, совершаемых неформальными молодёжными объединениями.

Социогенетические истоки детского движения:

детские крестовые походы

О крестовых походах детей повествуют многие летописцы XIII в., составлявшие свои хроники независимо друг от друга. Летом 1212 г в разных концах Европы – в Германии и Франции возникли, как бы мы сейчас сказали,

«детские волнения»: одиннадцатилетний немецкий пастушок Николас рано утром на городской площади громко призывал сверстников к походу на Иерусалим, освободить Гроб Господень. Почти одновременно с ним двенадцатилетний деревенский мальчик-француз Этьен в предместье Парижа пламенно проповедовал Христа и призывал к тому же. Этьен с огромным отрядом детей сначала пришел к королю Филиппу, и объявил, что послан самим Богом возглавить поход детей против «неверных» в «Святую землю». Они не просили ни материальной помощи, ни поддержки, но король распорядился отправить детей по домам. Однако юные крестоносцы двинулись к Средиземному морю, терпя трудности и лишения, голод и болезни. Труднее всего было немецкому отряду: их путь лежал через Альпы. В каждом селении дети рассказывали о своей мечте. Это был такой горячий призыв и убеждение в успехе благородной миссии, что местные дети от пяти лет и выше, бросив свои занятия, невзирая на слезы матерей и родных, отправились вместе с юными проповедниками к морю, чтобы переплыть его (вернее пройти посуху, как древний пророк Моисей).

Они шли предстать перед жестокими турецкими захватчиками, хитрым султаном и кротко попросить освободить Иерусалим. Они ходили по городам и весям, проповедуя Христа, и верили в то, что если не смогли ничего сделать хорошо вооруженные взрослые мужчины в предыдущих крестовых походах из-за жадности и корысти своей⁸, обязательно сделают безоружные дети.

Финал детских крестовых походов был трагичен: многие из маленьких крестоносцев погибли в пути от голода, холода, лишений самого необходимого. Кого-то из них заманили для работ местные крестьяне, многие заболели и отстали от отряда. Вышедшие к морю дети умоляли переправить их в Палестину. Корабельщики согласились и на 7 кораблях отплыли с детьми, но

⁸ Детскому крестовому походу предшествовали позорные события: в начале XIII в. французские, итальянские и немецкие рыцари в четвертый раз направились крестовым походом, но не против мусульман, а обрушились на более легкую добычу – христианское государство, богатую Византию! В апреле 1204 г. рыцари захватили ее столицу Константинополь и разграбили его, показав, чего стоили все пышные фразы о спасении «Гроба Господня». Через восемь лет после этой трагедии и состоялись детские крестовые походы. Невинные и бескорыстные дети верили в его успех.

не в Палестину, а ... в Северную Африку, Алжир, где продали «живой товар» работоторговцам. Те единицы, которым удалось достичь Иерусалима, пройдя через столько страданий к высокой цели, показав негибаемую волю и мужество, стали, по сути, мучениками за веру.

По свидетельствам хроник средневековья участниками крестовых походов было свыше 30 тысяч детей (по другим сведениям – около 100!). Уникальный в древней истории массовый подвиг христианских детей показал, вероятно, мощь и скрытые возможности детского движения.

Для нас при анализе этих исторических фактов важны в целом социально-психологические механизмы группового поведения, групповой динамики этой большой социальной группы – тысяч детей и подростков.

Есть ли аналоги этим процессам в истории? В научных моделях английского социоисторика А.Дж. Тойнби и отечественного этнолога Л.Н. Гумилева есть определенные параллели в интерпретации закономерностей развития этносов и малых групп, а также неформальных сообществ, хотя эти закономерности проступают фрагментарно, менее выпукло и наглядно. Поэтому с некоторыми выводами можно не согласиться.

Поразительно, что предельно быстро, всего за 2-3 месяца кучка разновозрастных бродяжек, словно магнитом по пути следования притягивающая себе подобных из городов и весей, превратилась в огромную армию, как бы руководимую твердой рукой организованной команды. В соответствии с историческими хрониками приходится сомневаться в том, что детьми осознанно руководили взрослые. *Единство благородной цели, единство духа, дисциплина и самодисциплина, терпение, без которых невозможно никакое общее дело, упорство и сплоченность* – вот что, вопреки всем неисчислимым трудностям и невзгодам, привело в портовый городок около пяти (!) тысяч юных рыцарей.

За столь короткий период эта разрозненная группа приобрела высокий уровень развития (от ассоциации до признаков сплоченного сообщества типа коллектива, по А.В. Петровскому), были сформированы некоторые общие традиции, видимо, собственные правила управления и групповой иерархии.

Можно характеризовать это состояние как явную «фазу подъёма», когда люди начинают ощущать необыкновенное эмоциональное вдохновение (Тойнби). В теории развития группы этот период аналогичен фазам образования кооперации и коллектива. Члены группы с радостью занимают разные функциональные роли, даже второстепенные, так как чувство единения и ощущение экспансии собственной культуры становится значимее иных чувств и ощущений. Так было среди детей, никто из летописцев не отметил конфликты, драки (столь естественные в среде подростков) или простое уныние. Это поразительно, особенно, если учесть, что у них не было общего языка! По Гумилёву, в этот момент развития общности начинает доминировать психологический императив, характеризуемый словами: «Мы хотим быть великими!»

Безусловно, вожаки этого детского движения обладали харизматическими качествами, по-видимому, особым даром слова и силой убеждения. Двенадцатилетний пастушок Этьен был наделен яркой способностью чудотворений: он возвращал зрение слепым и исцелял калек от недугов одним прикосновением рук, сотворял и другие чудеса. **Харизма** – в классической трактовке (от греч. *charisma* – подарок) предполагает наделение личности свойствами, вызывающими преклонение перед ней и безоговорочную веру в ее возможности. Харизматичный лидер – человек, возглавляющий определённую социальную группу, благодаря своим исключительным личностным качествам. Взаимоотношения харизматического лидера и группы предполагает полную самоотдачу и всецелую веру обеих сторон.

Социально-психологических знаний о групповой динамике, уровнях развития и лидерстве оказывается совершенно недостаточно для объяснения этого уникального явления в детском движении – детском крестовом походе. Каким образом был получен импульс двум обычным мальчикам-пастушкам в разных концах древней Европы отправиться на Святую Землю, освободить Иерусалим? Как сама эта идея мгновенно при обращении к ним необычного сверстника нашла отклик в душах детей средневековья покинуть матерей, близких, привычный уклад жизни, организованный быт, пусть бедный, но

надежный и спокойный, и идти за сотни километров? Возможно ли здесь какое-то внешнее воздействие?

Согласно гумилевской теории этногенеза, этнос – это не социальный феномен, а элемент биоорганического мира планеты. Его развитие зависит от потоков энергии из космоса. Под воздействием очень редких и кратковременных космических излучений происходит генная мутация (пассионарный толчок). В результате люди начинают поглощать намного больше энергии, чем им необходимо для нормальной жизнедеятельности. Избыток энергии выплескивается в чрезмерной человеческой активности, в пассионарности. Под воздействием экстремально энергичных людей, пассионариев, происходит освоение или завоевание новых территорий, создание новых религий или научных теорий. **Пассионарии** – в пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева это люди, обладающие врожденной способностью абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем это требуется только для личного и видового самосохранения, и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по видоизменению окружающей их среды. Судят о повышенной пассионарности того или иного человека по характеристике его поведения и психики.

Может быть, мы имеем дело с таким процессом для осмысления детского крестового похода? Вполне вероятно, что детский поход состоялся как пассионарный толчок, однако оборвался на взлете, на фазе подъема, может быть, в силу того, что он был детский? «Пассионарный взрыв» – весьма локальный и кратковременный, возможно, и представляет собой этот феномен – крестовый поход детей, который стал прообразом будущих направлений детского движения.

Итоги главы

Противоречивые тенденции социальной ситуации развития детско-подростковой субкультуры обусловлены весьма сложными, порой болезненными процессами выбора 4-х направлений в постижении и преобразовании мира растущей личностью. *В вербально-образном векторе (СЛОВО – ОБРАЗ):* это поиск собственной идентичности посредством смены имени (никнеймы) и

внешнего облика (тату, пирсинг) и одновременно путем экспериментирования вовне; с обособлением группы от мира с помощью тайного языка общения и высказыванию своего отношения к этому миру в образах граффити.

Вектор *совместно-индивидуальной активности в историческом становлении детско-подростковых сообществ* (вектор ДЕЙСТВИЕ – ОРГАНИЗАЦИЯ) показывает направление движения от Я – к сообществу других: от личного соревнования с самим собой на грани опасности (экстрим, паркур) – через карнавальное действо флэшмоба – к осознанному выбору группы про-, а- или контрсоциальной направленности. Классическая групповая иерархия и групповая динамика в современных субкультурных формах отсутствует: нет в традиционном смысле ни лидерства, ни организации совместной деятельности интерактивного типа (если не считать свободных репетиций по слаженности действий), ни других характеристик сплоченных групп. Все это жесткое и жесткое отдано на откуп протестным и криминальным группам.

Романтика опасных развлечений, игра со смертью в изящном паркуре – вот что привлекает молодые души, стремящиеся к самосовершенствованию.

И конечно, закономерно появление такого странного явления как флэшмоб. Флэшмоб как карнавал (по М.М.Бахтину). Впрочем, не такого уж странного явления, если вспомнить средневековых менестрелей, трубадуров и труверов – бродячих музыкантов и поэтов. Или русских скоморохов, также бродячих комедиантов и акробатов: свобода, смелость, смеховая культура – вот что их объединяет.

Путь растущего человека в неформалы оказывается тупиковым и ведет к криминализации группы и деградации личности. Детская общественная организация просоциальной направленности на сегодняшний день является сообществом, способным оказать неоценимую помощь в развитии личности ребенка, в развитии его социальной активности, в нравственном становлении, а также предоставить убежище от негативного воздействия окружающей действительности.

Завершает главу история – притча о древнем и мощном детском крестовом походе – пассионарном толчке вспыхнувшего в Европе христианского детского движения, загадочного по своей внутренней подоплеке и мощного по своей силе. Для нас при анализе этих исторических фактов важны в целом социально-психологические механизмы организации и группового поведения, групповой динамики этой большой социальной группы детей и подростков – возможно, прообраза будущего «культурного взрыва» детского движения.

ГЛАВА 2

СОВРЕМЕННАЯ ДЕТСКАЯ СУБКУЛЬТУРА И НАСЛЕДИЕ Г.С.ВИНОГРАДОВА

*Виноградов проник в труднейший отдел народной лаборатории
– в лабораторию детской мысли, детской воли, детского искусства,
поэзии, слова – здесь он не знает себе равных.
Его работы остаются навсегда первоисточником
нашего знания о чудесном мире русских детей.
В.Н. Дурылин, поэт и философ XXв.*

Личность Г.С. Виноградова поражает своим масштабом: крестьянский сын из иркутского села и крупный ученый-самородок, оригинальный мыслитель, энциклопедист. Он самостоятельно изучил и великолепно знал языки: английский, французский, немецкий, польский, сербский, а также древнерусский и церковнославянский. Его блестящие публикации находили своих читателей в журналах по медицине, народной педагогике, психологии. По мнению Лосского и Федотова, Виноградов был глубокий религиозный философ и, безусловно, высоко духовно-нравственная личность.

В научном плане, подобно П. Флоренскому и вместе с В. Вернадским, реализовывал кардинальное положение о том, что научное знание в XX веке должно развиваться «не по наукам, а по проблемам», работая в междисциплинарном ключе: фольклористика, диалектология, психология, философия, социология – в русле этнографии и прежде всего этнографии детства, культуры детства.

В истории культуры процесс автономизации от мира взрослых в детских сообществах породил формирование собственного мира «для себя» – **особого смыслового пространства ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития**, т.е. относительно независимой от взрослых *детской субкультуры*.

Возникновение детской субкультуры как целостного историко-культурного феномена обусловлено половозрастной стратификацией общества, уходящей своими корнями в глубокую древность, когда не прошедшие инициацию (особый обряд посвящения во взрослость) члены общины объединялись для осуществления совместных форм жизнедеятельности, тождественной взрослым. С развитием человеческого общества эти формы все более автономизировались, делая переход от прямого подражания трудовым, бытовым и ритуальным действиям взрослых – к игре как особой непродуктивной форме активности, благодаря которой осуществляется управление собственным поведением ребенка, освоение культуры в целом.

Трудно переоценить вклад Г.С.Виноградова в русскую этнографию детства, прежде всего в представлениях о детской субкультуре.

Содержание детской субкультуры, т.е. тот мир, который детское сообщество создавало «для себя» на протяжении всего социогенеза, составляют: традиционные *народные игры* (хороводы, подвижные игры, военно-спортивные состязания и пр.), *детский фольклор* (считалки, дразнилки, заклички, сказки, страшилки, загадки и др.), *детский правовой кодекс* (знаки собственности, взыскание долгов, мены, право старшинства и опекуновское право в разновозрастных группах, право на использование грибного/ягодного места); *детский юмор* (потешки, анекдоты, розыгрыши, поддевки); *детская магия* и мифотворчество (призывание сил природы для исполнения желания, фантастические истории-небылицы); *детское философствование* (рассуждения о жизни и смерти и пр.); *детское словотворчество* (этимология, языковые перевертыши, неологизмы); *эстетические представления* детей (состав-

ление веночков и букетов, рисунки и лепка, города из песка и снега, «секреты»); *поименование* – наделение прозвищами сверстников и взрослых; *религиозные представления* (детские молитвы, календарные обряды).

Творческая, пристрастная переработка совокупного опыта предшествующих поколений в игре является условием автономизации мира детства и возникновения широкого круга феноменов детской субкультуры, таких, как различные жанры детского фольклора, к ним, в частности, относятся: *дразнилки* (именные – для мальчиков и девочек, а также дразнилки, высмеивающие детские недостатки и проступки: ябедничество, хвастовство, глупость, плаксивость, жадность), благодаря которым детское сообщество осуществляет функцию воспитания. Дразнилки тренируют эмоциональную устойчивость и самообладание, умение отстаивать себя при нападках сверстников в адекватной форме словесной самозащиты.

Жанр считалки является уникальным, не имеющим аналогов во взрослом фольклоре и представляет собой культурно оформленную прелюдию к игре. Вместе с традиционной, прежде всего коллективной игрой, считалки и другие формы жеребьевки являются социокультурным оформлением и реализацией игровых и параигровых отношений в детском сообществе.

Дразнилки являются малой речевой формой, служащей для социокультурной регуляции отношений при вхождении ребенка в группу и в ситуациях нарушения ребенком групповых норм, высмеивая детские недостатки и проступки: ябедничество, хвастовство, плаксивость, жадность, и др.. Дразнилки тренируют эмоциональную устойчивость и самообладание, умение отстаивать себя при нападках сверстников в адекватной форме словесной самозащиты (например, ответить дразнилкой-отговоркой).

Страшилка – речевая драматизация отношений в детской группе, культурная форма катарсиса, выступающая как средство овладения ребенком собственным поведением, это своего рода групповой психотренинг детских страхов, боязни темноты и пр.. Страшилка в детской субкультуре развивалась: от пугалки – через страшные истории фантастического или бытового

содержания – к современным «садистским стишкам» и так наз. «ПРИКОЛАМ» – жестоким розыгрышам.

Наделение прозвищами и кличками – это средство табуирования личных имен, как и «тайные языки», служат обособлению и автономизации детского сообщества, его четкому структурированию и формой его индивидуализации, а в некоторых случаях – представляет собой моделирование ролевой программы отношений и поведения ребенка в социальной организации детского сообщества.

Детское словотворчество – перевертыши – особые словесные микроформы, в которых наизнанку выворачивается норма или явление, очевидное становится невероятным, проблематизируются общепринятые представления. Своими корнями эти «лепые нелепицы» (К. Чуковский) уходят в народную смеховую культуру как средство *расширения сознания, творческого переосмысления мира.*

В силу особой мифологичности детского сознания с верой в сверхъестественное, потребностью в обретении высшего средоточия целостного мира, его Творца и Вседержителя, каждый ребенок *естественно религиозен.* Детские календарные обряды, молитвы, рассказы о «том свете» и пр. представляют собой важную, но совершенно неизученную страницу детского фольклора, позволяющего увидеть процесс духовно-нравственного развития ребенка.

Смеховой мир детства встроен в детскую субкультуру наряду с миром страшного, опасного, а также с миром божественного, мистического – в социокультурной регуляции жизни детского сообщества. Особая роль здесь принадлежит детям-шалунам. Значение всего богатого содержания традиционной детской субкультуры для прошлых, настоящих и будущих поколений детей высвечивается, исходя из **функций детской субкультуры.**

Основная функция детской субкультуры – *социализирующая*, и при этом основным агентом социализации выступает группа сверстников. Уже на самых ранних этапах социо- и онтогенеза детское сообщество вместе (а по-

рой и вместо!) с семьей берет на себя роли – обучающие и воспитывающие. Именно в детской среде иногда достаточно жестко с помощью традиционных культурных средств – детского правового быта, детского фольклора и игровых правил – происходит подчинение ребенка групповым нормам и овладение им собственным поведением, а значит, формирование его как личности. Кроме того, важнейшую и самую первую личностную категорию – половую принадлежность – ребенок усваивает во многом благодаря другим детям, мальчикам и девочкам, роль детской группы в формировании половой идентичности трудно переоценить – это, во-первых.

Детская субкультура, во-вторых, предоставляет ребенку веер потенциалов для самореализации, *экспериментальную площадку* для опробывания себя, определения границ своих возможностей, погружая его в иные логики, иные миры и языки. В-третьих, пространство детской субкультуры создает ребенку «психологическое укрытие», защиту от неблагоприятных воздействий взрослого мира, это означает, что детская субкультура выполняет *психотерапевтическую функцию*. Например, страшилка как тренинг тревожности и боязни темноты, или дразнилка как психологическое средство владения собой и тренировка культурных коммуникативных умений и пр. формы детского фольклора представляют собой не искусственно созданные, а *естественные психотерапевтические средства*, используемые детским сообществом на протяжении тысячелетий. Детская субкультура, в-четвертых, выполняет *культуроохранительную функцию*: в ее недрах сохраняются жанры, устные тексты, обряды, элементы сакральности, утраченные современной цивилизацией. Многими этнографами и фольклористами отмечается перемещение культурных ценностей из обихода взрослых в детскую среду как момент сохранения традиций с обновленной функциональностью. Подобно тому, как детский язык помогает отыскать общие лингвистические законы, в детских играх находят чудом сохранившиеся исторические свидетельства глубокой древности, детский фольклор, детская сказка, прозвища и религиозные представления доносят до нас многообразные формы и оттенки человеческих от-

ношений, этических норм, эстетических образцов различных эпох. Например, сказка, гибель которой предрекали выдающиеся ученые-сказковеды, живет, благодаря существованию детской субкультуры.

На примере сказки, как мы смогли убедиться, отчетливо проступает *эволюционный смысл* – особая миссия детской субкультуры в развитии культуры вообще: сохранить (а вдруг пригодится?) то, что забыто, выпало, утрачено в культуре человечества.

В детской субкультуре существуют механизмы, помогающие ребенку выработать готовность к решениям проблем, которые появятся в будущем, на следующей фазе его развития и сформировать алгоритм адекватного действия. В этом проявляется особая *прогностическая* (пророческая) *функция* детской субкультуры. Проблематизируя и переосмысляя историческое наследие взрослых, детская субкультура высвечивает точки роста общечеловеческой культуры. В этом ее *духовная миссия*, по выражению известного английского ученого У. Эмерсона, «Дети – вечные мессии человечества, воплощение его неотвратимого будущего».

В детской субкультуре следует видеть самобытный способ освоения ребенком новых сторон социальной действительности и его самоутверждения в ней. Взаимоотношения двух миров – культуры взрослых и детской субкультуры носят достаточно сложный и неоднозначный характер в личностном становлении ребенка. Именно детской субкультурой определяются вкусы, мода, язык и способы взаимодействий, а группа сверстников служит референтным источником *многочисленных моделей поведения*, создавая прототипы взрослых отношений, которые соотносимы с социальными и культурными нормами, помогающими понять себя, испытать свои силы.

Каждый из социальных институтов (семья и группа сверстников) представляет собой альтернативными референтными источниками выбора моделей поведения, однако в ситуациях социальных переломов и нестабильности доля группы сверстников возрастает. Она начинает играть преобладающую роль в процессе социализации.

Если семья и вообще взрослый осуществляет «зону, ближайшего развития ребенка» (Л.С. Выготский), готовя его к освоению социальных норм, ценностей и стереотипов данной культуры (например, социально-экономических ориентаций, религиозной принадлежности и пр.), то детское сообщество, детская субкультура, и особенно референтная детская группа обуславливает **зону вариативного развития (ЗВР)**, задавая одновременное существование и «переключку» разных культур, иных логик, обеспечивая готовность ребенка к решению задач в непредвиденных обстоятельствах. В отличие от зоны ближайшего развития (ЗБР), определяемой в контексте сотрудничества ребенка с взрослым в процессе обучения, зона вариативного развития (ЗВР) задается группой сверстников в процессе игрового взаимодействия и общения, при этом *знаковым* становится не только слово, а действие, движение, изображение, жест. Это значит, что смысл ЗВР для детской субкультуры *в установлении связи со всеобщностью культуры* через собственное словотворчество, фольклор, мифологию, традиционную игру. Вариативность, «инаковость», самобытность содержания детской субкультуры обеспечивает, с одной стороны, ориентацию на утраченные, забытые формы человеческой культуры, а с другой – прогнозирование новых путей ее развития.

В пространстве детской субкультуры (играх, детском фольклоре) содержатся пласты различной древности, приобщаясь к которым ребенок вступает зону вариативного развития в режиме «диалога культур» [Библер В.С., 1975], «иных» логик, моральных представлений, языков. Особенно это характерно для детского фольклора, который сам по себе является зоной вариативности. Вариативность, по сути, свойственна фактически всем жанрам детского фольклора. В историко-культурных ситуациях, которые могут быть охарактеризованы как неопределенные, расшатываются традиционные механизмы передачи знаний, расширяется зона вариативного развития, при которой дети начинают ориентироваться не только и не столько на взрослых, но в большей степени на продвинутых сверстников. ЗВР в детской группе представлена набором различных стратегий решения проблемных ситуаций в

непредвиденных условиях. Содержанием детской субкультуры являются не только актуальные для массовой культуры особенности поведения, сознания, деятельности, но и социокультурные, *социогенетические инварианты* – относительно устойчивые во времени и пространстве образы, модели, тексты, представляющие собой «осколки» различных эпох, следы памяти прошлого опыта человечества, передаваемые из поколения в поколение детей.

Современная детская субкультура растеряла почти все из этого богатейшего наследия. Детское право – «кодекс морали и взаимоотношений», *традиционный детский правовой кодекс*, регламентирующий повседневную жизнь детей:

- знаки собственности (моё – чужое)
- клятвы (ритуалы и тексты)
- взыскание долгов (наказание за невозвращение)
- мены (справедливость и эквивалентность)
- право старшинства и опекунское право в разновозрастных группах (четкая иерархия)
- право на использование места (грибного/ягодного – в деревнях, уголков парков, скверов, пустырей, свалок и пр. – в городах)

Сегодня наблюдается с раннего возраста: криминализация языка, дегуманизация моральных норм поведения в детской среде, трансформация нравственного сознания детей; зачастую решение конфликтов не в форме словесного «турнира» или договора, а по принципу «кто сильнее, тот и прав».

Повторим вкратце традиционный детский поэтический фольклор, в его многочисленных формах: считалки – особые формы жеребьевки являются социокультурным оформлением и бесконфликтной реализацией игровых отношений в детском сообществе. Дразнилки – малые формы детского фольклора, *именные* – для мальчиков и девочек, а также дразнилки-*сатира*, высмеивающие детские недостатки и проступки: ябедничество, плаксивость, жадность и пр., являются коммуникативной формой самообладания и находчи-

вости. Дразнилки – отговорки позволяют превратить конфликтные отношения в детской среде в форму «словесного турнира», интеллектуального тренинга, а не «мордобоя» и победы физически сильного над слабым. Страшилки – речевая драматизация отношений в детской группе, культурная форма катарсиса, выступающая как средство овладения ребенком собственным поведением (страхом). Традиционная форма древних закличек – в детском сообществе поэтическое обращение к силам природы, явлениям, с целью привлечения, воздействия. Придуманные детьми загадки – форма интеллектуального взаимодействия в детском сообществе. Например, четырехлетний мальчик изрек загадку: «Черные как уголь, теплые, как печка, ходят вдвоем, как баран и овечка» (Валенки).

Вместе с тем, сегодня в детской субкультуре происходит:

– возрождение традиционных форм детского быта и фольклора с новой функциональностью (например, поименование – прозвища как маркирование, наделение члена группы функцией, необходимой группе, а НИКНЕЙ-МЫ – клички наоборот, как самоназывание – компенсация негативного содержания прозвищ, данных группой);

– возникновение новых визуальных форм проявления детской и молодежной субкультуры; ГРАФФИТИ – самовыражение на свободном пространстве города, БОДИ-АРТ (тату, пирсинг как особая эстетика тела), ПАРКУР – искусство рационального перемещения, идеология самосовершенствования; ФЛЭШМОББ (саморганизованная мгновенная толпа, организующая остроумные акции – демонстрации с целью удивить окружающих).

– образование множества подростковых и молодежных сообществ и групп прежде всего асоциального и контркультурного направлений;

– изменение структуры, направленности и групповой динамики детских сообществ. Лидерство, межличностные отношения, группообразование – как правило, на основе модели криминальных сообществ.

Какова современная социальная ситуация развития детской субкультуры?

Сегодня мы можем наблюдать негативные трансформации следующего характера:

- сокращение физического пространства для детских игр и общения детей и молодежи в городах и сельской местности;
- психологическую разобщенность детей и подростков, разрыв между детскими поколениями;
- деформацию содержания детской субкультуры: обеднение репертуара игр, утрату устных текстов и пр.;
- примитивизацию, а порой и исчезновение целых пластов детского движения, самих детских организаций и сообществ, прежде всего просоциальных.

Детско-подростковые сообщества/организации:

Детское сообщество, как показывают историко-культурные исследования, является, по всей видимости, самым первым и наиболее древним институтом социализации ребенка, поскольку первые детские объединения возникли уже в эпоху первобытности в связи с половозрастным разделением общества и предшествовали моногамной семье, они обладали своим особым статусом, своим специфическим местом в половозрастной социально-иерархической системе. Возникновение детской субкультуры как целостного историко-культурного феномена обусловлено половозрастной стратификацией общества, уходящей своими корнями в глубокую древность. *Носителем детской субкультуры является детская группа*, детское сообщество, формирующееся на достаточно ранних ступенях социогенеза человечества и индивидуальной истории человека в процессе совместной деятельности детей, направленной на овладение и воспроизведение ими общественно-исторического опыта и форм человеческих взаимоотношений. Статистика говорит о лишь 3% просоциальных детских сообществ типа скаутов, юннатов, «Ордена милосердия» и пр., все остальные многочисленные сообщества-группировки носят асоциальный и контркультурный характер: от толкиенистов и рэперов до готов и скинхедов.

По словам Г.С. Виноградова, при характеристике конца 19-го – начала 20-го веков, «Народная педагогика благосклонно относится к детскому обществу...», что свидетельствует о глубоких изменениях современной детской – юношеской жизни и нарушении позитивных отношений в детско-взрослых общностях. Это касается, прежде всего, игровой среды и игрушки *как культурного орудия*.

Программа изучения и собирания игр и игрушек в Иркутской области Г.С. Виноградовым позволила увидеть: взрослые делали игрушки не для продажи, а для забавы ребенку, чтобы передать ему то, что радовало их самих: кони, птицы и домашние животные, пестрые женщины и невзрачные мужчины. Никогда в русской традиции не поощрялось изготовление чего-то уродливого, двусмысленного, растлевающего. Недаром крестьянские дети снабжаются НЕБОЛЬШИМ количеством игрушек – не столько из-за занятости и невнимания к нуждам детей, сколько из-за того, что сформулировал Р.Тагор: «мир игры отравлен для того несчастного ребенка, который переобременен неограниченным количеством игрушек». Это неразумное потакание ребенку, отучение его от самостоятельного действия, развития, по справедливому мнению Георгия Семеновича, ничего хорошего дать не может. «Как и всё, игрушка вымирает» (Г.С. Виноградов, с. 454) – пророчески высказал свою горечь ученый, и мы видим, что при огромном изобилии современных игрушек и игровой продукции, дети перестают играть и творчески относиться к самой игрушке (см. В.В. Абраменкова «Во что играют наши дети. Игрушка и антиигрушка. – М., 2010 г).

Детские сообщества. На основе регламентированных взрослыми форм деятельности (трудовой, учебной и др.) возникла детская группа – сообщество детей, объединенных совместной деятельностью и сопереживанием общих ценностей. Игра как нерегламентированная взрослыми совместная деятельность становится способом преодоления того разрыва межпоколенной связи взрослых и детей, который образовался в обществе на определенном этапе социогенеза в силу выделения и обособления мира детства из мира

взрослости. Дети при этом как бы выталкиваются из сферы материального производства, выпадают из взрослого сообщества и предоставляются самим себе. Тогда и возникают играющие детские коллективы, в которых происходит усвоение общих смыслов и мотивов человеческой деятельности, воспроизведение социальных отношений, религиозных представлений, обрядов и ритуалов. Через игру дети в опосредствованной форме включаются в жизнь взрослых, удовлетворяя и собственную потребность в причастности к происходящему, что является не просто моделированием смыслового поля взрослой деятельности, а свободным обращением с его содержанием.

В пространстве детской субкультуры содержатся пласты различной древности, приобщаясь к которым ребенок вступает в диалог культур, других логик, моральных представлений. Детская традиционная субкультура выполняет следующие **функции**: социализирующую (основным агентом социализации выступает группа сверстников); психотерапевтическую, (здесь важное значение принадлежит детскому фольклору); культуuroохранительную (в недрах детской субкультуры сохраняются жанры, устные тексты, обряды и ритуалы пр., утраченные современной цивилизацией) и прогностическую, ориентированную на будущее. В историко-культурных ситуациях, которые могут быть охарактеризованы как неопределенные, расшатываются традиционные механизмы передачи знаний, расширяется зона вариативного развития, при которой дети начинают ориентироваться не только и не столько на взрослых, но в большей степени на более старших, продвинутых сверстников. Специфика современной социальной ситуации развития ребенка – в максимальной неопределенности и изменчивости мира, и значит, требует поиска нестандартных стратегий поведения, различных подходов, что может обеспечить ЗВР, поскольку она в детской группе представлена набором различных стратегий решения проблемных ситуаций в непредвиденных условиях.

Таким образом, возвращаясь к личности Виноградова, нельзя не сказать словами его современника замечательного поэта и мыслителя С.Н. Дурьлина, который писал о Георгии Семеновиче: *«Многих больших людей я*

знал в своей жизни, начиная со Льва Толстого, но ни в ком не видел такого сочетания прекрасного ума, честнейшей воли и золотого сердца. У него единственного таланта – ни у кого другого не встречал! – постижение детства в самых алмазных его тайниках: в мысли, сердце, поэзии. Его работы по детской поэзии драгоценны. Он проник в труднейший отдел народной лаборатории – в лабораторию детской мысли, детской воли, детского искусства, поэзии, слова – здесь он не знает себе равных. Здесь у него приходится учиться всем, кто пытается сюда заглянуть. Его работы остаются навсегда первоисточником нашего знания о чудесном мире русских детей» (с 523).

Эти прекрасные слова как нельзя лучше характеризуют значение творчества Г.С. Виноградова и высоту его личностного и научного подвига. Они свидетельствуют и о том, что наследие Виноградова необходимо пропагандировать и внедрять в образовательные программы и практику семейного воспитания.

ГЛАВА 3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕБЕНКА О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ В ДЕТСКОЙ КАРТИНЕ МИРА: КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКОВ

В детской субкультуре сформирована визуальная картина мира, которая может быть представлена с помощью графических методов [3], [4], [15]. Поиск методических приемов графической диагностики картины мира ребенка поможет прояснить природу отношения ребенка к миру, другим людям и к себе самому. Можно констатировать, что выражение этого отношения может быть зафиксировано в форме визуальных архетипических, социотипических и стереотипических образов, имеющих общечеловеческий метакультурный компонент [1], [2]. В. Франкл считал, что в регуляции социального поведения человека ведущее значение имеет формирование *субъективного образа будущего* или личностной перспективы. Фиксированная точка отсчета в будущем структурирует внутренний временной план человека, пережива-

ние им времени в пространстве жизни. Тогда *прошлое* реконструируется как реальное условие и предпосылка будущего, *настоящее* как умение действовать, предвидя будущее события, *будущее* – как наличие четкой и осознанной жизненной перспективы, которая рождает определенное миро-ощущение. Однако ребенок живет одновременно в двух мирах: в мире эмпирического, рационального времени и в мире сказочно-мифологического пространства-времени. Об этом свидетельствуют его рисунки, которые, разумеется, легче видеть, чем описывать.

Каким предстоит будущее в сознании современного ребенка? Известно, что на переломе столетий, а особенно тысячелетий, происходит кардинальное переосмысление картины мира у большинства людей. Как отражено это в сознании детей, в детском сообществе, в детской субкультуре? Документальным свидетельством отношения к культуре взрослых является детский рисунок [11]. Рисунок ребенка – это его душа, выложенная на бумаге: «Язык ребенка хоть и редко, но говорит неправду, но никогда не лжет маленькая рука, вооруженная карандашом... От линии до линии – там все правда, идущая из глубины творящего»[12]. Не менее информативным оказываются и письменные рефлексии детей – детские сочинения на тему будущего-прошлого, их комментарии к рисункам. В русле социальной психологии детства предлагается подход и методология, позволяющая осуществить диагностику отношений ребенка к миру, к другим людям и себе самому с помощью метода визуальной социопсихологии, суть которого состоит в использовании детьми культурных символов, знаков, схем как показателей смысловых отношений субъекта к тем или иным сторонам бытия [1], [2].

Основным методом настоящего исследования является *контент-анализ* кратких сочинений [8], кроме того паралингвистический анализ текстов детей, а также их рисунков на темы будущего, благодаря чему и сделана еще одна попытка поставить традиционную вербальную сферу отношений в систему единых категорий с графической, но на детском материале [5].

Паралингвистический анализ текстов сочинений и комментариев детей к собственным рисункам – это анализ лексики, грамматических форм (настоящего/прошедшего/будущего, глагольных времен, личных местоимений и др.), семантики (повторы, ошибки и пр. как показателей личностно-смысловых установок) и др. Текст как феномен реальной действительности и как способ отображения психической жизни индивида с помощью языка высвечивает широкий социокультурный и временной контекст. Для совокупной характеристики этого контекста используется понятие *хронотоп* – единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного смысла. Термин введен А.А. Ухтомским, использован М.М. Бахтиным и В.И. Вернадским; оба они развивали представление об одновременно материальной и духовной реальности в пространстве-времени бытия, в центре которого находится человек. Хронотоп культуры свидетельствует и о доминирующих в ней ценностях и о духе. По А.А. Ухтомскому, хронотоп – инвариантная величина, показатель способности человека «... предчувствовать будущее в ходе текущих событий. Предуказания истории он ухватывает не логикой рассуждений, а тем непостижимым интуитивным аппаратом, который образует наблюдательность, чуткость, проницательность и, прежде всего совесть – «аппарат цельного знания». Индивидуальное время (хронотоп) детерминировано личностно-смысловыми отношениями субъекта следующим образом: субъект интерпретирует время в соответствии со своим индивидуальным настоящим – синхронически, одновременно помещает себя в это пространствовремя (**синхрон**). Это мир, частью которого является Я (субъект), тогда будущее время совпадает с индивидуальным настоящим – *со мной здесь и теперь*; субъект относит себя за пределы текстовой реальности, текст воспринимается как символ инокультурного пространства-времени, пришедшего сквозь эпохи (**диахрон**). Мир, событие имели место *до Меня там и тогда*. Субъект отображает будущее как возможный мир, который последует за настоящим – (**футурхрон**). Мир, событие, которые последуют за настоящим – *со мной/без меня – потом и там* [10]. Первые три ситуации

представляют собой **линейное, историческое (эмпирическое) время** настоящего, прошедшего и будущего. Эмпирическому времени противоположно – **мифическое время** – время первопредметов, первотворения, это первоисточник архетипов, духовных сил, главный акцент в нем ставится на переживании настоящего в его связи с будущим [7]. В историческом времени происходят изменения, носящие линейный характер, источник которых – в мифическом времени. Мифическое время воплощено в том, что субъект отображает будущее как:

– **всевременное** (*Я везде и всегда с миром и в мире*);

– **вневременное** (мир, существующий *вне меня где-то*, в котором время остановилось / его не было / это было циклическое время / параллельный мир);

– **довременное** (время начиналось и заканчивалось задолго *до меня и без меня*);

прахрон – там где-то).

Для анализа текстовых и графических образов нами была разработана схема категорий контент-анализа субъективных (индивидуальных) представлений о будущем у детей и подростков. Были выделены следующие категории – смысловые единицы контент-анализа – как бинарные оппозиции:

1) *онтологическая* (бытийная):

– упорядоченность – хаос;

– свет – тьма;

2) *общественно-политическая*:

– мир, благоденствие – война, кризис, бедность;

3) *экологическая*:

– обитаемое, живое – безжизненное, мертвое;

– естественное, природное – искусственное, технократическое;

– чистое, свободное – загрязненное, стесненное, замусоренное;

– деревня, свой дом – мегаполис, городской дом;

4) *духовно-нравственная* (аксиологическая):

- высшие силы, ангелы, Бог – монстры, инопланетяне, нечистая сила;
- нравственные ценности, развитие, совершенствование – материальные ценности, деградация;

5) *субъективно-личностная:*

- идентификация – отчуждение человека от мира;
- перспективность, динамика – статичность, регресс, застой;
- чувство безопасности, спокойствия – тревога, опасность, страх.

В эмпирическом исследовании нами были использованы детские рисунки и комментарии к ним (сочинения) на темы: «Наше будущее», «Я через 10 лет», «Моя взрослая жизнь» и т.п. Рисунки и тексты, полученные из различных регионов России – Московского, Смоленского, Якутского, из Беларуси и др., также оценивались в соответствии с выделенными параметрами, что позволяло увидеть в континууме дихотомии точку приближения к тому, или другому полюсу.

Каким предстоит будущее в сознании ребенка конца XX – начала XXI века? Известно, на переломе столетий, а особенно тысячелетий, происходит кардинальное переосмысление картины мира у большинства людей. Что происходит в нашу эпоху, на переломе Второго и Третьего тысячелетий? Как отражено это в сознании детей, в детском сообществе, в детской субкультуре? Документальным свидетельством отношений к миру детской субкультуры в Культуре взрослых является детский рисунок. Рисунок ребенка – это его душа, выложенная на бумаге.

В русле *социальной психологии детства* предлагается подход и методология, позволяющая осуществить диагностику отношений ребенка к миру, к другим людям и себе самому с помощью метода визуальной социопсихологии, суть которого в использовании детьми выделенных культурных символов, знаков, схем как показателей смысловых отношений субъекта к тем или иным сторонам бытия.

Основным методом настоящего исследования является *контент-анализ детских сочинений (паралингвистический анализ текстов)*, а также их ри-

сунков на темы будущего, благодаря чему и сделана попытка поставить традиционную вербальную сферу в систему единых категорий с графической.

Паралингвистический анализ текстов сочинений и комментариев детей к собственным рисункам: это анализ лексики; грамматических форм (настоящее/прошедшее/будущее, глагольные времена, личные местоимения и пр.); семантики (повторы, ошибки и пр. как показатели личностно-смысловых установок). Текст как феномен реальной действительности и как способ отображения психической жизни индивида с помощью языка реален в широком социокультурном и временном контексте. Для совокупной характеристики этого контекста используется понятие хронотоп – общим признаком для которого является представление об одновременно материальной и духовной реальности в пространстве-времени бытия, в центре которого находится человек. По Ухтомскому, хронотоп – инвариантная величина, показатель способности человека *«...предчувствовать будущее в ходе текущих событий. Предуказания истории он ухватывает не логикой рассуждений, а тем непостижимым интуитивным аппаратом, который образует наблюдательность, чуткость, проницательность и, прежде всего совесть - «аппарат цельного знания»*. Ребенок способен к такого рода анализу предчувствия, предугадывания будущего. Индивидуальное время детерминировано личностно-смысловыми отношениями субъекта следующим образом:

– Субъект интерпретирует время в соответствии со своим индивидуальным настоящим – синхронически, одновременно помещает себя в это пространство-время (синхрон). Это мир, частью которого является Я (субъект), тогда будущее время совпадает с индивидуальным настоящим – *со мной здесь и теперь*.

– Субъект относит себя за пределы текстовой реальности, текст воспринимается как символ ино-культурного пространства-времени, пришедшего сквозь эпохи (диахрон). Мир, событие имели место *до меня там и тогда*.

– Субъект отображает будущее как возможный мир, который последует за настоящим – (футурхрон). Мир, событие, которые последуют за настоящим – *со мной / без меня – потом и там* [12].

Первые три ситуации представляют собой **линейное, историческое (эмпирическое) время** – настоящего, прошедшего и будущего. Противоположно эмпирическому времени – **мифическое время** – время первопредметов, первотворения, это первоисточник архетипов, духовных сил, главный акцент в нем ставится на переживании настоящего в его связи с будущим. В историческом времени происходят изменения, носящие линейный характер, источник которых – в мифическом времени. Мифическое время воплощено в следующем:

– Субъект отображает будущее как всевременное – панхрон (*я везде и всегда с миром и в мире*);

– Или как вневременное – метакхрон (мир, существующий *вне меня где-то*, в котором время остановилось / его не было / или это было циклическое время, параллельный мир);

– Либо Время начиналось и заканчивалось задолго *до меня и без меня* – прахрон – там где-то.

Схема категорий контент-анализа

субъективных (индивидуальных) представлений о будущем у детей и подростков.

Нами были выделены следующие категории – смысловые единицы контент-анализа, как бинарные оппозиции:

Объективные характеристики будущего:

1. **о н т о л о г и ч е с к а я** (бытийная):

– Упорядоченность – Хаос;

– Свет – Тьма.

2. **о б щ е с т в е н н о - п о л и т и ч е с к а я** :

– Мир, благоденствие – Война, кризис, бедность.

3. **э к о л о г и ч е с к а я** :

- Обитаемое, живое – Безжизненное, мертвое;
- Естественное, природное – Искусственное, технократическое;
- Чистое, свободное – Загрязненное, стесненное, замусоренное;
- Деревня, свой дом – Мегополис, городской дом.

4. **д у х о в н о - н р а в с т в е н н а я** (аксиологическая):

- Высшие силы, ангелы, Бог – Монстры, инопланетяне, нечистая сила;
- Нравственные ценности, развитие, совершенствование – Материаль-

ные ценности, деградация.

5. **с у б ъ е к т и в н о - л и ч н о с т н а я** :

- Идентификация – Отчуждение человека от мира;
- Перспективность, динамика – Статичность, регресс, застой;
- Чувство безопасности, спокойствия – Тревога, опасность, страх.

В эмпирическом исследовании были использованы детские рисунки и сочинения на темы будущего: «Наше будущее», «Я через 10 лет», «Моя взрослая жизнь» и т.п. из различных регионов России – Московского, Смоленской и др. областей, Якутии и Беларуси, а также США, г. Бостона (осень 1991 г.) и штата Флорида (1999 г.). Рисунки и тексты оценивались в соответствии с данными параметрами, что позволяло увидеть в континууме бинарности точку приближения к одному, либо другому полюсу.

Исследования проводились в период с 1991 по 2004 годы, в них участвовали дети от старшего дошкольного до подросткового возрастов, было получено свыше 1000 рисунков.

Для диагностики динамики значений и смыслов творческой продукции детей необходимо выделить так называемые референты (показатели) отношения, базирующиеся на символах, что позволило бы вычленять позицию ребенка среди вербальных и графических конструкций.

Главными единицами **обобщенной визуальной картины мира** (по рисункам детей) являются следующие символы: *солнце, человек, дерево и дом*.

Солнце расположено в левом верхнем углу листа, указывая на то, что позитивные установки доверия к миру, а именно это призван диагностиро-

вать данный элемент, выражено недостаточно. Солнце в рисунках располагается в верхнем правом (перспектива исполнения желаний, образ мечты, реализуемой в будущем) в верхнем левом углу (аналог ретроспекции, взгляда назад, в целях соотнесения прошлого, настоящего и будущего) и по центральной вертикальной оси листа (картина состояния «здесь и теперь», отражающего актуально и вечно существующий порядок).

Солнца не отмечалось в тех рисунках, где была изображена война (или техногенные взрывы), а также природные катастрофы (извержение вулкана). В связи с этим следует сделать вывод о прямой зависимости между фактором безопасности с ситуациями угрозы и значимостью архетипического символа солнца. В рисунках детей младшего школьного возраста солнце всегда занимает особое место, и только к средней школе его начинают изображать как деталь пейзажа (формально, быстро штрихуя нарисованный круг и лучи от него).

Следует отметить, что показатель наличия солнца в правом верхнем углу совпадал у мальчиков и девочек возраста 9-10 лет, периода, когда дети переходят из младшего школьного звена в среднее, что связано с естественными ожиданиями и надеждами на благоприятную перспективу дальнейшей жизни.

К социальному пространству мира в первую очередь следует отнести изображение человека и образы рукотворного мира (дом, дорога, техника).

Образ человека подразумевает идентификацию как самоотождествление автора с миром и его связь с человечеством в целом. *Человек* изображается, в среднем, более чем в половине всех рисунков, причем мальчики рисовали его чаще. *Образ человека* в рисунках может иметь совершенно разное выражение: вооруженный (агрессия), в машине, самолете или вертолете (подчеркивание независимости, мобильности и защищенности), в помещении, интерьере (акцент значимости мира собственных переживаний), занятый каким-либо делом (активная позиция), как представитель социальной группы в совместной деятельности (семейные или дружеские связи, общее дело или игра). Закономерность появления образа *человека*, большая, по сравнению с деревом, может быть объяснена тем, что человек осознает себя

противопоставленным миру как окружающей среде. Существует закономерность появления человека в изобразительном искусстве, где человек появляется последним и в социогенезе и индивидуальной траектории развития творчества художника, а в детском художественном творчестве фигура человека появляется первой. В возрасте 10 лет дети всегда акцентируют образ человека, поскольку в этот период повышается интерес к личности, к собственному внутреннему миру.

Следующей изобразительной единицей является *дом* и связанная с ним сфера семьи, безопасности, жизненной перспективы и благосостояния. Стены дома, давая человеку защиту от сил природы, выполняют символическую функцию границы между двумя мирами: миром природы и миром культуры. Дом противопоставлен окружающему миру как психосемантическое пространство: закрытое – открытому, безопасное – опасному, свое – чужому и внутреннее – внешнему. Представление о роли образа дома как микрокосма в русской культуре и символа внутреннего мира человека традиционно. Дом как символ безопасного пространства в детском рисунке (прежде всего это сельский домик как социотипический образ родного жилья) говорит о выраженной степени удовлетворенности и позитивном отношении к будущему.

Дерево как универсальный символ живой природы присутствует в подавляющем большинстве рисунков девочек и превосходит по частоте символ солнца, в то время как гора, также представляющая собой вертикальную ось, имеет выраженный маскулинный показатель, особенно у мальчиков 10-11 лет.

Образ *дороги* появляется ближе к концу подросткового возраста, хотя улицы и автомобильные дороги дети всех возрастов рисуют с одинаковой частотой. Образ дороги предстает как знак движения, пути, развития и как знак связи, соединения. Закономерно, что этот образ как символ личностной перспективы появляется именно в подростковом возрасте, в преддверии юности – периода выбора жизненного пути.

В соответствии с современным русским языком языковое сознание (образ мира современных русских) имеет в своем центре человека. Наиболее

важными реалиями также являются: дом, друг, радость, лес, дорога и некоторые другие. По всей вероятности, графические и языковые доминанты картины мира имеют единый источник формирования, который в детском возрасте обнаруживается наиболее отчетливо.

Вербальная картина мира ребенка и его представления о будущем

Эмоциональное отношение к будущему в сочинениях как текстовых аналогах рисунков у детей 7-8 лет достаточно невелико, поскольку их мини-сочинения не только не изобилуют прилагательными и наречиями, но и вообще отличаются предельной лаконичностью, поскольку дети данного возраста не обладают достаточным речевым развитием для развернутого речевого высказывания, выражающего отношение к теме будущего.

В возрасте 9-10 лет мальчиками владеет идея перемещения в пространстве (лететь, ехать, плыть) и желание занимать определенный статус в обществе (работать или обладать особыми возможностями, связанными с силой и скоростью). Это выражается в желании работать шофером или быть суперменом (ловить бандитов, охотиться на монстров или инопланетян). Инопланетяне как идея иного общества, параллельной цивилизации, в отличие от более раннего возраста, представляют исключительно угрозу, нежели потенциально объект для общения.

Социальное пространство весьма часто отражается вербально в установке на профессию как обладание социальным статусом. Пространство физического мира отражено в образах планеты и солнца. Личностное пространство обозначается в текстах путем употребления личных местоимений 1 лица (я, мы и наша). У девочек направленность на социальный мир достаточно велика, что также определяется употреблением местоимений «мы» и «наше». Характерно, что девочками подчеркивается сопричастность событиям, происходящим или ожидающим все человечество. Они охотнее включают себя, свое Я в картину будущего.

Пространство норм и ценностей для мальчиков данного возраста заключено в сферу неотъемлемой принадлежности объектов самому ребенку

или перспективы обладания ими, в которых это нарочито подчеркивается употребление слов «мое, мой».

Необходимо также отметить следующее: если в возрасте 6-7 лет ребенок, говоря о будущем, употребляет несомненные утверждения как уверенность футурхрона («Буду полицейским») или передает время будущего синхронически как реально наступившее настоящее («Солнце приблизилось»), то в возрасте 9-10 лет формулировки приобретают более осторожный желательный характер («Хочу велосипед»; «Хочу работать на машине» и т.д.) и для характеристики будущего мира ребенок все чаще использует мифологемы («пусть всегда...»; «останется только...»; «ничего не будет»). Эти факты, вероятно, свидетельствуют о протекании процесса постепенного осознания ребенком границ своих возможностей и в определенной степени – в отчуждении себя от будущего мира, а также выражение идеи обладания.

Девочки 9-10 лет, как и мальчики, пользуются теми же формулировками «хочу стать (работать)», а не «буду», тем самым, быть может, подчеркивая, что для становления необходим тот или иной период освоения онтологии мира, собственных сил и способностей. В данном возрасте у девочек выражена идентификация с миром как включенным в собственную жизнь, впервые появляется характеристика эмоциональной оценки и одновременно сопричастности миру, выражаемая в желательности: «жалко, что...» или сослагательности: «было бы хорошо, если бы...», но, тем не менее, у двух третей девочек доминирующим вербальным мотивом (как и в рисунках), остается желание обладать внешней привлекательностью.

Вербальные описания мальчиков возраста 11-13 лет в данной группе существенно отличаются как по полноте, так и по принципу повествования: стиль, характерный для возраста 6-7 лет («Я в космосе») и развернутое описание всех сфер жизни человечества в стиле 9-10-летних («Люди будут жить...» и т.д.). Сферой, проходящей через все комментарии к рисункам, является сфера космоса и жизни на других планетах, что соответствует тематике рисунков.

Все проблемы и опасности мира описываются с точки зрения естественного течения событий, зависящих непосредственно от жизнедеятельности человека, его смыслов и его ценностных ориентаций. Соответственно, пространство норм и ценностей, а также пространство личностного отношения сосредоточено вокруг естественного мира живой природы, чью целостность и первозданность необходимо оберегать силами каждого человека («Люди должны охранять природу»). Поэтому сопричастность миру однозначно выражена в прахроническом хронотопе – «я вместе с миром всегда». Эмоциональная нагрузка возникает за счет слов: «любые, многие, скоро, только хорошие, светлое, ярче, прекрасные, победили всех, взрывы, страшные» и др.. При этом смещение характеристик в негативное поле связано с уменьшением чувства идентификации: чем хуже мир в будущем, тем меньше там присутствия автора.

В описаниях девочек данного возраста впервые появляется динамическая характеристика, до недавнего времени свойственная только мальчикам: физическая и социальная сферы акцентированы на высоких домах и длинных улицах городов, по которым движутся потоки воздушных машин и летающих тарелок, а также скейтов и роликов, которые освоили даже животные. Социальная сфера подчеркнута разнообразна и принципиально обновлена до парадоксальности: «в школе взрослых обучают дети» (!), а «в аптеках продают обычные продукты», эти «перевертыши» свидетельствуют об усиленном овладении разнообразием мира и социальных отношений. Особенно следует обратить внимание на разнообразные летающие объекты всевозможного назначения – от хозяйственных (орошение полей с помощью облаков) до персональных (доски-скейты). Сама идея чего-то летающего в принципе для данного возраста не нова: она появилась еще в период 6-7 лет, но высокая частота встречаемости именно образа летающей тарелки как полусферы или полукруга отражает тенденцию отделения некой части от первоначального целого, ее вычленения и оформления. А в терминах отношения к миру и личностной сферы: поиска своего назначения – самовыражение и начало строи-

тельства личности. В принципе, схожий смысл имеет форма скейта, в рисунках изображаемая как овал: потенциальная возможность, начало движения, развития.

Наряду с ценностью природы для данного возраста в данный период времени (конец 80-х – начала 90-х годов) характерно появление образа семьи в текстовых комментариях к рисункам о будущем, смысл которой для девочек целиком и полностью социален: муж-дети, свой дом и достаток.

Соотношение графической и вербальной картин мира для дошкольников и младших школьников выражение будущего в графических и вербальных сферах различается: более открытая и разнообразная модель графического, в то время как вербальная не только адекватна ей, но порой и диссонирует.

У мальчиков 9-10 лет отмечается расхождение показателей эмоционального отношения: если в рисунках оно достаточно различимо выражено как прорисовкой тех или иных объектов, так и цветовой гаммой, то в текстовых аналогах отношений эмоциональная нагрузка минимальна, что *с возрастом детей увеличивается*.

И наибольшее расхождение наблюдается в рисунках и подписях к ним у детей начала подросткового возраста (11-13 лет), где достаточно проблематично оценить акцентирование пространств мира (физического, социального, личностного, а также норм и ценностей) в рисунке. Особенно у мальчиков это расхождение ярко выражено.

В связи с этим, можно сделать вывод не только о несовпадении картин и представлений о будущем в графической и вербальной сферах, но и, как следствие, о наличии противоречивых и разнонаправленных отношений к миру у детей. Относительный баланс сохраняется у девочек, чья картина мира, в среднем по возрастным группам, более устойчива и однородна, чем у мальчиков. Идея освоения мира как бескорыстного познания противоречит идее личного обладания, материальных приобретений.

Аксиологическая категория в представлениях о будущем (пространство норм и ценностей) описывается в рисунках с помощью модальности безопасности/опасности, восходящей к более обобщенной категории добра/зла. Для человека традиционно наивысшей ценностью считается жизнь, поэтому все нормы и ценностные установки вращаются вокруг сохранения жизни или ее адекватного переустройства. В рисунках это выражается в опасности экологических катастроф или войн. Появляющаяся настойчиво в последние десятилетия в детских рисунках тема смерти, выражаемая в изображении скелетов людей, животных, рыб, в лежащих трупах и мертвых деревьях, в безжизненных пространствах земли или космоса, свидетельствует о прямых отражениях *танатизации* сознания современного человека (от греч. танатос – олицетворение смерти). Ценность смерти в представлениях современных детей соперничает с ценностью жизни.

В младшем школьном возрасте изображаемая смерть позиционируется как нечто внешнее по отношению к ребенку, и потому наблюдается характер избегания («Я на улице», «Меня здесь нет» и пр.), либо в рисунках и текстах присутствуют виктимные установки (изображения себя слишком маленьким, пассивным, обреченным). В более старшем возрасте детьми, особенно мальчиками, рисуются агрессивные орудия (оружие, топор, палки), выражается активная позиция защиты/нападения и агрессия в адрес мира, взрослых прежде всего.

Личностное пространство как необходимость нахождения своего места в мире описывается в рисунках с помощью прорисовки образа человека и того, что составляет фон, на котором он изображен: естественная или рукотворная природа, другие люди или животные, перспектива (статичность или динамичность картины) и фактор реальности или фантастичности мира (насколько изображенная картина в принципе соответствует естественным возможностям человека). Важно, видит ли себя ребенок в пространстве будущего и куда он себя помещает, от чьего лица ведется повествование (подписи к рисунку) и в какой степени он идентифицирует себя с изображаемым.

С возрастом в целом увеличивается доля метафорических композиций и число рисунков, посвященных космосу. Это связано с осознанием представлений и появлением способности к абстрагированию. Наряду с этим облегчается процесс символического обобщения и расширяется осознание границ и перспектив мира. С возрастом отношение к различным составляющим картины мира ребенка становится, в общем, более позитивным, причем у мальчиков эти изменения происходят резче, чем у девочек. Для девочек любого возраста характерна, естественно, более эмоционально наполненная картина мира, нежели для мальчиков. Мальчиками вообще лучше освоена тема человека, а девочками – тема естественной и рукотворной природы как окружающего мира, однако мальчики более разнообразны в тематике рисунков.

Картина мира в текстах мальчиков характеризуется размытостью идентификации себя с миром в 84% (нет указаний на действия, производимые самостоятельно, собственная позиция скрыта за описанием внешне наблюдаемых атрибутов будущего). В 81% текстов сделан акцент на всестороннем развитии техники, а о судьбе естественной природы упоминается только в 13% работ. Несколько меньше половины мальчиков данной выборки видят будущее мира в среде крупных городов. Примерно для каждого второго, если следовать анализу текстов, картина мира скорее статична, нежели содержит прогресс. Определенная степень тревожности и напряженности у 37% мальчиков превосходит веру в стабильность и безопасность будущего. И, наконец, следует обратить внимание на преобладание мнения о нравственном кризисе общества (11%) над надеждой о всеобщей духовности (2,5%).

Если в своей массе все сферы жизни девочек скорее положительны или нейтральны, то в сфере субъективного восприятия можно наблюдать обратную картину: больше половины рисовавших не идентифицируют себя с отображенным сюжетом, исключая из рисунков образ человека, либо не акцентируют на нем внимания путем схематичного изображения или пренебрежимо мелких размеров. У двух третей рисунков девочек структура будущего скорее статична, чем обладает перспективой. Иначе говоря, будущее

воспринимается в оторванности от настоящего и прошлого, как феномен ментального возникновения из ниоткуда (метахрон). В пользу этого предположения свидетельствует тенденция акцентировать онтологическую сферу упорядоченности – хаоса (прахрон).

Вербальная картина мира в более чем половине случаев включает в себя пространство обитаемого – безжизненного, и с той же вероятностью наполняется чертами пространства перспективности – статичности. Младшие школьники оперируют преимущественно линейным временем.

Переломным моментом в представлениях школьников о будущем является возраст 10 лет, когда появляется дифференциация «образа Я» в различных сферах жизни. В рисунках появляется фон, что свидетельствует о том, что ребенок начинает отделять себя от мира. С возрастом представленность будущего в картине мира ребенка становится все более дифференцированной и включает различные стороны человеческого бытия.

Особенности цветопредпочтения в рисунках.

Основные цвета у младших школьников: синий, зеленый и черный (для мальчиков) и синий и коричневый и зеленый (для девочек), а в предпододростковом – синий и черный (у мальчиков), и желтый, синий, зеленый и красный (у девочек). В начале подросткового периода для мальчиков – синий, красный и зеленый, и для девочек – синий, зеленый, желтый и красный.

Поскольку в используемой детьми гамме преобладают темные тона (например, синий, проходящий через все возраста), это позволяет сделать осторожный вывод об актуальной потребности у детей в спокойствии и устойчивой положительной привязанности, а также избегании напряженных стрессовых ситуаций.

Таким образом, рисунки и сочинения детей на тему «Наше будущее» как материал для вербально-графического контент-анализа дают возможность обнаружить различные стороны представлений о будущем в детской картине мира:

1. Представляется очевидным преобладание у школьников социокультурных, наивно-метафизических, нежели научных представлений об окружающем мире и его строении.

2. Графическая картина мира не тождественна вербальной, они различны. Наиболее заметные различия можно отметить в случаях, когда изображается одиночный объект, либо когда композиция рисунка отличается хаотичностью (вербальная картина выражает неопределенность или тривиальность, а графическая отвечает хронотопу статичности и тревоги).

3. Разрыв по этим двум сферам показателей *с возрастом детей увеличивается*. Особенно четко это проявляется у мальчиков младшего школьного возраста по показателям сопричастности миру: в рисунках их позиция трактуется как отдельная от мира (отсутствие признаков жизни), а в комментариях обнаруживается знание проблем Земли («На нашей планете...»).

4. Главными опорными точками обобщенной визуальной картины мира по всем возрастным группам детей являются изображения: дерево, человек, солнце и дом, определяя своеобразную норму безусловно изображаемых объектов, чьи образы определяют мироустройство. *Человек* изображается, в среднем, более, чем в половине всех рисунков, причем мальчики рисуют его чаще, чем девочки.

5. Гендерные различия в картине мира состоят в том, что для девочек характерна экстенсивная (перечисление, созерцательность), а для мальчиков – интенсивная (целостный образ, конструктивность) стратегия изображения. Мальчиками лучше освоена тема техники, переустройства и овладения миром, а девочками – тема естественной природы и личных достижений. Девочки в представлениях о своем будущем в отличие от мальчиков более ориентированы на профессии, требующие широкого вхождения в социальную общность.

Отношение к будущему мира (да и к миру вообще) у девочек в данном возрасте оказывается более позитивным, чем у мальчиков. Доверие к миру у девочек выше, в то время, как мальчики демонстрируют более высокий уро-

вень отчуждения. Вместе с тем, для мальчиков более характерна активная жизненная позиция, они предлагают схемы переустройства мира, при этом для девочек более свойственна созерцательность, и предложения по улучшению жизни у них не распространяются далее, чем круг своей семьи, ближайшего окружения. Для девочек картина мира более оптимистична.

Для мальчиков это образ начального времени и конечных времен – гибели мира, отраженного в различных эсхатологических мифах: последняя борьба добра со злом, мировые катастрофы (потопы, пожары, землетрясения, др. разрушения). Часто подобная эсхатологичность мифического времени изображается как будущая жизнь под землей.

Анализ содержания и индивидуализация образов будущего у детей

Анализируя содержание рисунков детей конца XX века, необходимо остановиться на следующих параметрах, ответив на вопросы об особенностях *композиции*, об использовании *пространства*, о *героях*, творящих будущее, об *орудиях* творения будущего и др.

1. Образ будущего у рисующего ребенка формируется на основе опыта, событий из прошлого и переживаний настоящего, либо это отражение мифологического времени, ощущение себя в мире – вне времени (*метахрон*). Будущее как рождение заново, переживание блаженного состояния младенчества в рисунке девочки, изобразившей себя в люльке вместе с бабушкой и родителями на даче. Возврат в прошлое достаточно часто представлен в рисунках: например, в самом конце XX века, подразумевая будущее, мальчик нарисовал бомбу с надписью «СССР». Вневременное, надвременное, всевременное мифическое будущее прахрона, панхрона и метахрона – это абстрактные рисунки с геометрическими символами различных линий и фигур.

2. Местом существования будущего в детских рисунках чаще всего является поверхность земли (улица, парк, дом, лес и пр.) или (значительно реже) над земной поверхностью, в воздухе, вне Земли (на земной орбите, в космическом пространстве). В представлении детей имеет место столкновение естественнонаучных знаний о мире с мифологическими (например, изоб-

ражение «края Земли», символика «света в конце тоннеля» – космической бездны и др.).

3. Героями, творцами будущего в рисунках являются: Бог, созидающий и карающий (в рис. мальчика передан момент Божьей кары: «Все люди, которые вершили зло в своей жизни, все сгорят и попадут на Божий суд...»). Героем, творцом будущего может выступить сам автор, как правило, мальчик, занимающий предельно активную позицию: «...у меня под контролем благополучие Земли...», «Я путешествую по мирам» и пр.. Люди как позитивная и одновременно негативная сила – создатели энергетического шара и губящие природу загрязнениями и атомными взрывами оказываются несостоятельными и заменяются «монстриками-спасателями, либо фантастическими собаками, сделавшими людей рабами.

4. Орудия и энергии творения будущего: транспортные средства, летающие машины, роботы и пр., от скейта до кораблика, от самолета до летающей тарелки. *Техника* как основное достижение прогресса выражает устремление человека контролировать ход событий по своей воле, перемещаясь в нарушение естественных законов существования человека во времени (высокоскоростные машины и летающие тарелки) и пространстве (ракеты, самолеты и вертолеты). Использование этих образов детьми направлено на акцентирование потребности стать равным взрослым, обрести новые возможности или даже поменяться с ними местами и статусами.

Жанровые особенности рисунков: это преимущественно пейзажи: индустриальный пейзаж, морской, городской, лесной/парковый (здесь часто присутствуют животные, вообще *животные присутствуют в рисунках значительно чаще, чем люди*), а также иногда интерьер. **Животные**, как домашние (кошка, собака, лошадь), так и относящиеся к дикой природе (медведь, заяц, лиса), обладают своей символикой. Кошка, во многих культурах почитаемая как священное животное, в русской традиции связывается с образом души, дома, уюта и тепла. Собака связывается с идеей дружбы, преданности и защиты. Образы медведя как наиболее сильного зверя в русской традици-

онной культуре и лисы, как символа неуязвимости и изворотливости, а также зайца, олицетворяющего мир всего простого и маленького (в этом смысле – детского), присутствуют в рисунках в подчеркнутой изоляции от домашних животных, тем не менее, не противореча им: как и домашние обитатели, эта группа животных по своей природе не агрессивна. **Птицы** – небесные вестники, как существа, выющие гнезда (микромодель мира), являются символом неподконтрольной человеку природы, своеобразным критерием наличия свободы (наиболее характерные образы – голубь, чайка).

Одно замечание: рисунки на тему «Наше будущее», их художественный язык, *заметно отличаются от изобразительного языка других рисунков тех же детей* (натюрморты, портреты, пейзажи, свободные темы): в плане колорита первые гораздо сдержаннее, мало ярких и звонких тонов, а если используются, то на контрасте: красный – зеленый, красный – черный. Поиски сложного цвета отходят на второй план, выдержанных в определенной гамме работ немного, в теплой гамме работ – меньшинство.

Подводя общие **итоги** этому исследованию субъективного образа будущего у детей конца 80-х – 90-х годов, необходимо подчеркнуть, что в рисунках настойчиво прослеживается тема *тревоги, внутреннего беспокойства и явного страха* более, чем у половины детей. **Основные графические признаки** этих проявлений следующие:

- недостаточная представленность одушевленных предметов (людей, животных);
- повышенный схематизм, геометризация форм (обилие квадратов, треугольников, жестких перекрестий, решеток);
- деформации предметов в сочетании с диспропорциями, не связанными с низкой техникой рисования, обусловленной возрастом (неоправданно маленькие человеческие фигуры на странном фоне) и пр.;
- излишний символизм изображения, выраженный в «загадочных» фигурах и композициях: полузанавешанное окно, «край света», в чистой «цветоформе», вычурных предметах;

- агрессивная тематика (угрожающего вида неизвестные животные, летающие черные пантеры, резкие сочетания цветов – красный – черный – зеленый);
- алогичные формы (солнце в виде шляпы, дом без крыши и пр.);
- обилие неоправданных «лишних» линий, пятен, узоров и пр.;
- использование ахроматических (серо-грязных) цветов, либо слишком ярко кричащих;
- отсутствие цвета вообще (монохромные композиции);
- эсхатологические сюжеты «конца света», вселенской катастрофы и пр.

Все эти проявления свидетельствуют об определенных смещениях отношения ребенка к миру в сторону духовно-эмоционального неблагополучия, опасных, болезненных состояний [9; 12] и деформации детской картины мира.

ГЛАВА 4

ИГРА И ИГРУШКА В ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Игрушка – одна из фундаментальных универсалий человеческого бытия, служащая для передачи ценностей культуры и опыта поколений, своеобразным звеном между ребенком и предметным миром, а также частью детской игровой реальности.

Велико значение игрушки:

– **Для общества** это – предмет **культуры** («зеркало культуры»), посредством которого передается в особой *«свернутой форме»* состояние современной цивилизации. Какова культура, таковы и игрушки.

– **Для взрослого** игрушка – важнейшая составная часть образовательной среды, посредник **общения** (малыша с взрослым и сверстником), а также средство **обучения, развлечения** и даже **лечения** ребенка.

– **Для ребенка:**

это – источник радости, **предмет** для творчества;

а также психологическое **орудие овладения** ребенком предметным миром и собственным поведением.

Игрушка – **духовный образ** идеальной жизни, идеального мира, а кукла – образ идеального человека. Кроме того, игрушка – **специфическое средство информационного воздействия**. И значит на взрослых лежит ответственность за содержание этой информации.

Детский фольклор и детская субкультура. «Гори-гори ясно»

Ребенок, как известно, живет одновременно в двух мирах, в двух системах: один – это мир иерархических связей (наклонная плоскость), система «Взрослый – Ребенок», и другой – это мир равных отношений (горизонтальная плоскость), система «Ребенок- Ребенок». В этих мирах существуют разнообразные игрушки, созданные взрослыми и придуманные самими детьми. Начнем с последних: палочка, кусочек ткани или меха, веревка, шишка, жёлудь, ракушка, а также гайка, пузырек из-под лекарств или духов, картонная коробка, катушка без ниток, пробка и пр. и пр. – всё, что силой детского воображения *может быть всем* и что часто мы просто выбрасываем как хлам. Взрослые придумали и продолжают придумывать и изготавливать огромное количество игрушек, которые игрушками, по сути, не являются. Это скорее *модели и копии*: транспорта и домашней утвари, мебели и современного оружия – взрослые вещи маленьких размеров. Такие игрушки могут быть полезны ребенку, но они не должны преобладать, поскольку, как справедливо отмечал замечательный детский психолог А.В. Запорожец, *«Идеальная игра – не столько игра с игрушками, сколько игра воображения»*. Игрушка как предмет для игры, как опора для внешних игровых действий, для разворачивания игрового сюжета – в этом заключается непреходящая ценность игрушки, и это, прежде всего, игрушка самая простая или *изначальная*. Вот ее классификация.

Игрушки первичные, универсальные:

- *звуковые* (погремушки, бубенцы, свистульки и т.д.),
- *двигательные* (мяч, волчок, воздушный змей, лодка, машина),

- *оружие* (древние лук и стрелы, меч и щит, солдатики),
- *орудия труда* (ведерко, лопата, молоток и пр.),
- *образные* (изображения животных, куклы, пр.),
- *конструктивные* (песок, глина, камушки, деревянные бруски).

Подобные игрушки существуют у многих народов мира много веков, но самые древние из них – это *игрушки словесные*, различные прибаутки, песенки и короткие сказки для маленьких.

Игры с ребенком от 0 до 3 лет

В русской традиции каждое событие в жизни малыша, каждый первый его шаг в каком-то деле или повседневные занятия сопровождались особым действием и словами – ритмичными, напевными, забавными. Вот купание:

*Водичка текуча,
Младенчик растучий,
Водичка вниз да вниз,
Младенчик вверх, да вверх!
С гуся – вода.
С Тимоши – худоба, да хвороба.*

– и окатывают ребеночка водой. Или такое неприятное занятие, как стрижка ногтей, она может превратиться в сказочку, в ней действующие лица – пальчики малыша, которые мама подстригает:

*Пальчик-мальчик, где ты был?
С этим пальцем в лес ходил,
С этим пальцем щи варил,
С этим пальцем кашу ел,
А с этим пальцем песни пел.*

Это всё – традиции *пестования*. Здесь игрушки и игры – самые немудреные. Те же пальчики малыша, тренируя которые, мы тем самым развиваем мышление ребенка, его речь, поскольку речевые области мозга формируются под влиянием импульсов, поступающих от пальцев рук. Поэтому сыгранная вами древняя «Сорока-ворона» на ладошке малыша или «Коза рогатая», а

также другие пальчиковые игры – это, может быть, залог его будущих успехов в школе. Современные психологи разработали целое направление таких игр, основанных на народных традициях – *пальчиковый игротренинг*.

Игры с пальчиками

Обнаруженные во Франции наскальные рисунки, которые датируются концом последнего ледникового периода, изображают мам, играющих со своими малышами, видимо, в эту игру.

Открой их и закрой их (ваши руки).

Открой их и закрой их,

Положи их на свою коленку!

Пусть они ползут, пусть они ползут

(продвигайтесь вверх по ножке ребенка).

Ну-ка, хлопни в ладоши!

Еще раз сильнее!

Широко открой свой ротик,

Но не пускай их в него!

(подвигайте пальцами вперед-назад возле своего рта).

Русские мамы и няни придумали другие игры, похожие на эту. Медленно и осторожно водим пальчиком малыша по его ладошке с такой прибауткой:

Сорока-ворона, кашку варила,

Кашку варила, деток кормила.

Этому – дала

(загибайте один пальчик малыша, потом все остальные. Кроме одного)

А этому не дала.

Ты кашу не варил,

Ты дрова не рубил,

Ты воду не носил –

Нет тебе ничего!»

Пальчик-ленивец энергично трясется, как бы в наказание.

Затем можно разыграть пьесу, героем которой является ваш собственный палец, он же – игрушка. Он начинает шалить, дотрагиваясь до носа, подбородка, ушей малыша. Палец-шалун определенно распоясался! «Прошу прощения, – говорите вы, строго глядя на свой палец, – но вы ведете себя не хорошо. Ваша обязанность – считать, а не безобразничать». Затем согните палец, как повесил бы голову двухлетний малыш, который только что напроказничал. «Ты обещаешь вести себя хорошо?» Палец-шалун быстро кивает.

«Что ж, тогда попробуем снова».

Проделайте тот же фокус еще пару раз, и пусть палец-проказник основательно вас повеселит. Дети постарше обычно приходят в восторг.

Мало кто знает, что любимая всеми «Сорока-ворона» не заканчивалась похлопыванием бездельника-мизинца:

*Ты дров не носил,
Ты печку не топил,
Ты воду не носил -
Нет тебе ничего!*

Игра имела продолжение, взрослый, держа ребенка на коленях, говорил:

*Знай наперед:
Тут водичка холодненька.
(И поглаживал запястье ребенка)
Тут тепленька,
(поглаживал у локтя)
Тут горяченька,
(поглаживал у плеча)
А здесь – кипяток, кипяток, кипяток!
(и щекотал малыша под мышкой).
Или другой вариант:
Тут – пень,*

*Тут – колода,
Тут – криница
А тут – холодная водица!*

Смысл пальчиковых игр не только в развитии пресловутой мелкой моторики ребенка. Она дает ощутить радость телесного контакта, прочувствовать и назвать свои пальчики, ладонь, локоть, плечо – «осознать себя в системе телесных координат, в конечном счете – сформировать схему собственного тела». Это предотвращает возможность возникновения многих неврозов в дальнейшем, дает человеку чувство уверенности и самообладания. Недаром игры по типу «Сороки» встречаются у многих народов. Важно помнить, что малышам надо тетешкать (поглаживать, тормошить, подбрасывать, подхлопывать и пр.), от этого он будет здоровее, добрее и счастливее. Дети, не получившие радости телесного контакта с взрослым (в домах ребенка) часто на всю жизнь остаются не столько даже с дефектами в психическом развитии, сколько с какой-то общей безрадостностью, пассивностью.

Можно предложить ребенку загибать и разгибать в кулачок пальчики как левой, так и правой руки, используя следующие игровые стишки:

*Этот пальчик – дедушка,
Этот пальчик – бабушка,
Этот пальчик – папочка,
Этот пальчик – мамочка,
Этот пальчик – я.
Все вместе – дружная семья.
Или:
Этот пальчик хочет спать.
Этот пальчик – прыг в кровать!
Этот пальчик прикорнул.
Этот пальчик уж заснул.
Встали пальчики. Ура!
В детский сад идти пора.*

В этих стишках можно сгибать пальцы, начиная то с большого, то с мизинца, то на правой, то на левой руке. Для тренировки пальцев могут быть использованы упражнения и без речевого сопровождения. Например, показывать поочередно то правой, то левой рукой «козу» и зайчика. Если упражнения вызывают у детей некоторые трудности, то родители помогают ребенку удерживать остальные пальчики от произвольных движений.

Для развития пальчиков можно сделать пальчиковые игрушки. Достаточно, к примеру, надеть на палец шляпку из бумаги и юбочку – вот и принцесса. Бабушки и дедушки помнят знаменитого организатора детского кукольного театра в Москве Сергея Владимировича Образцова, прославившегося эстрадным номером, в котором он, надевая на средний палец шарик от пинг-понга, так что получалась кукла-малыш, изображал трогательное без слов общение взрослого и ребенка. Можно самим изготовить целый *пальчиковый кукольный театр* по сказкам из сшитых или связанных пальчиковых кукол.

Игрушки, необходимые ребенку в раннем возрасте

0-6 месяцев:

1. Погремушки (кольца, шар с ручкой, типа гантели)
2. Разноцветные висячие погремушки-гирлянды на резинке
3. Колокольчики на ленте
4. Игрушки-пищалки
5. Невалюшка
6. Разноцветные воздушные шары разного размера

В этом возрасте игра – это исследование окружающего мира, предметов, людей и своих возможностей. Важно дать ребенку максимальное «действие» всех его органов чувств, ему нужны стимулы для созерцания, слушания, ощупывания, бросания, пробования на вкус. Очень важный социальный стимул – человеческое лицо. Детские психологи советуют вешать над кроваткой картонный овал лица с глазами. Православные мамы замечали, что

совсем маленькие детки подолгу могут рассматривать иконы в «красном углу», их привлекает и свет лампадки.

7-12 месяцев:

1. Тряпичная кукла – самая простая
2. Животные с различными поверхностями «шкурок»
3. Игрушки для жевания, кусания
4. Пирамидка малая с кольцами, можно одноцветными
5. Бубен, металлофон, др. музыкальные игрушки
6. Сумочка, корзинка
7. Коробочки или чашки, складывающиеся одна в одну
8. Мячи разных размеров
9. Книжки с крупными картинками
10. Игрушки для игр с водой
11. Кукла бибабо (надевающаяся на руку) – для взрослого в установлении общения с ребенком, и для ребенка как посредник позитивного общения и взаимодействия
12. Качели

В этом возрасте главное в игре малыша – подражание, которое выражается в многократно повторяющихся им действиях, в имитациях звуков: машины, собачки, кошки, петушка.

После 1,5 лет

1. Набор кубиков разной величины
2. Свисток, дудочка
3. Набор матрешек
4. Конструкторы, складные крупные формы
5. Кукла-голыш с одеялом
6. Машинка с кузовом и с веревочкой
7. Куб с крышкой, в сторонах которого отверстия различной формы и вкладыши
8. Мелки, карандаши

9. Парные картинки, лото
10. Набор со шнуровкой
11. Пластилин
12. Набор для игры в песок

Ребенку этого возраста важно отображать действия с предметами: кормить, купать, причесывать куклу «понарошку», возить машинку, строить дом, башню и пр.

Около 3 лет

1. Модель дома
2. Мозаика или Пазлы – для составления целого из частей
3. Фигурки животных с детенышами (можно лото «Найди маму»)
4. Кукольная одежда и куклы
5. Детские ножницы и набор бумаги
6. Кегли
7. Игрушечные часы
8. Губная гармошка, бубен, барабан и др. музыкальные детские инструменты
9. Меч и щит
10. Солдатики и простое вооружение

Будьте осторожны с электронными игрушками, особенно с испускающими цветные мигалки – они могут быть очень вредны для формирующегося детского мозга.

Ребенок осуществляет исполнение принятой роли, совершая последовательный ряд игровых действий, при этом представляет себя в позиции ответственности собственному полу. Важно взрослому этот момент отследить и внимательно отнестись к ситуации грубого несоответствия его половой принадлежности – игровым ролям и поведению вообще.

Старые игрушки могут использоваться по-новому, поэтому приведенный их перечень не является обязательным, а лишь ориентировочным для обучения ребенка игре. Да-да! Ребенка надо учить играть, а не просто мани-

пулировать игрушками, адекватно действовать с предметами, чтобы подготовиться к его переходу в новую возрастную категорию – дошкольный возраст, когда меняется содержание самой игры, поскольку появляется фигура сверстника и детская группа, задающая правила и собственные требования, реализующая все богатство традиционного детского фольклора, *детской субкультуры*.

Что такое детская субкультура

По сути дела настоящая игра (а это игра с правилами) возможна лишь в горизонтальной (Ребенок – Ребенок) плоскости отношений, нерегламентированной взрослыми, в **детской субкультуре** – особом смысловом пространстве связей, разворачивающихся на почве традиций любого народа в ту или иную эпоху. Детская субкультура – все, что создано взрослыми для детей, но это и мир, который дети создают «для себя», объединяясь в группы, сообщества. Детские сообщества, как оказалось, возникли в незапамятные времена и, может быть, значительно раньше, чем даже нуклеарная – «ядерная» семья (отец – мать – дитя).

В общечеловеческой культуре детская субкультура занимает подчиненное место и, вместе с тем, она обладает относительной автономией, поскольку в любом обществе дети имеют свой собственный язык, различные формы взаимодействия, свои моральные регуляторы поведения, весьма устойчивые для каждого возрастного уровня и развивающиеся в определенной степени независимо от взрослых.

Содержанием детской субкультуры являются *групповые игры*, носящие особый интерактивный (коллективный, взаимодействующий) характер, предполагающие строгие правила, смену позиции в игровом процессе, постановку себя на место другого. К ним относятся такие традиционные для России игры, как «Лапта», «Горелки», «Казачьи-разбойники», «Жмурки», «Бояре» и многие другие .

Один пятилетний мальчик сказал своей любящей и любимой маме, которая не пускала его во двор из благих соображений безопасности: «*Мне*

надо ребенков, а ты не ребенок!» – детям всех возрастов необходимо сообщество сверстников. Детское сообщество, детская субкультура – равноправный институт воспитания ребенка на протяжении тысячелетий (не меньше!), чем семья. Именно она, детская субкультура, дает так необходимое ребенку ощущение подлинного равенства – горизонтальную плоскость отношений с миром. Именно она накопила несметное богатство детского фольклора: считалки и страшилки, дразнилки и мирилки, песенки и загадки, традиционные коллективные игры по принципу «Один за всех и все за одного», которые сейчас тихо погибают, потому что прервалась традиция передачи их от одного детского поколения к другому.

Игры со сверстниками предоставляют ребенку широкое поле для *интеллектуального и морального тренинга*, опробывания себя и своих возможностей, понимания другого человека. Подчеркнем еще раз, что традиционная игра – не просто воспроизведение детским сообществом внешней формы исторически сложившихся отношений взрослых, а переосмысление им этих отношений и определения своего самобытного места в мире.

Творческая переработка опыта предшествующих поколений в игре является условием возникновения широкого круга явлений детской субкультуры, таких, как различные жанры **детского фольклора**, обслуживающего игру. К ним, в частности, относятся: считалки («Аты-баты, шли солдаты...»), «На золотом крыльце сидели...», «Эники-беники» и др.). Например, замечательная своим древним архетипическим содержанием считалка:

«Катилася торба

С великого горба.

В этой торбе –

Хлеб, соль,

Вода, пшеница.

Кто с кем

Хочет делиться?»

Обратим внимание на загадочность и потому «впечатываемость» самого образа космического значения: некоего вместилища – торбы, мешка, (Кем-то данного!), катящегося сверху, с горы, в котором есть все для жизни – и вода, и хлеб, и соль, и пшеница как будущий хлеб, над которым надо еще потрудиться. И всем этим надо делиться с другими («даром получили – даром отдавайте»).

При этом считалка не просто проговаривалась, а игралась – ритмично распевалась каким-то ребенком в кружке сверстников, это было особое действие, и находились гениальные его исполнители – дети, которые, скандируя и пританцовывая, особым образом подготавливали детей к игре.

Жанр считалки является уникальным, не имеющим аналогов во взрослом фольклоре, и представляет собой вместе с жеребьевками (типа: «Матки-матки, чьи заплатки: Травка или булавка? Солнце или месяц? Грудь в крестах или голова в кустах? и пр.») своеобразную прелюдию к игре, необходимый ее атрибут и культурно оформленную реализацию *до-игровых и вне-игровых отношений (точнее - параигровых)*. Именно благодаря считалке, устраняются нежелательные конфликты в детской среде по поводу игры (Кому водить? Кто будет первым? И пр.) и обогащается репертуар игровых форм.

Регуляция игровой деятельности оформляется и другими формами детского фольклора, такими как дразнилки (именные – для мальчиков и девочек) типа «*Андрей – воробей, не гоняй голубей, голуби боятся, к тебе не садятся*» или «*Ленка – грязная коленка*», а также дразнилки, высмеивающие детские недостатки и проступки: ябедничество, хвастовство, трусость, плаксивость, жадность, например, «*Жадина-говядина, соленый огурец, по полу валяется, никто его не ест*» или «*Плакса-вакса-гуталин, на носу горячий блин!*», «*Трус-трус-боягус! На войне сражался, как увидел пулемет – сразу испугался*», «*Васька-хваста, съел кошку без хвоста*» и др. Благодаря таким малым формам детское сообщество, осуществляет функцию воспитания. Дразнилки тренируют эмоциональную устойчивость и самообладание ребенка, формируют умение защитить себя от нападков сверстников в адекватной форме

словесной самозащиты (например, ответить дразнилкой-отговоркой типа: «*Кто так обзывается, тот сам так называется*», «*Обзывайся целый век, я – хороший человек!*»).

Тогда это не жестокий мордобой, а словесный турнир. И последнее слово останется за тем «воином», у кого и самообладание лучше и вариантов приемов больше. А затем обязательно нужно помириться, и в детском фольклоре существуют особые ритуалы мирения, например: нужно встать лицом к друг другу и, взявшись мизинцами правых рук, проскандировать такую (или другую) мирилку:

«Мирись, мирись, мирись

И больше не дерись,

А если будешь драться,

То я буду кусаться,

А кусаться ни при чем,

Буду драться кирпичом,

А кирпич ломается –

Дружба начинается»

А для малышей можно и проще:

«Ир-ир-ир.

Наступил мир.

Ба-ба-ба,

Снова друж-ба!»

Это – замечательные игрушки, только словесные. Учить детей пользоваться ими необходимо. Жаль, что тысячелетиями передававшиеся от одного детского поколения к другому эти поэтичные формы детского фольклора: считалки, заклички, дразнилки-мирилки, былички и пр. утрачиваются совсем, особенно в больших городах и заменяются фразами из телерекламы, криминальным слэнгом, умопомрачительными инокультурными словечками типа «супер», «класс», «вау» и др. Традиционные «словесные игрушки» – подлинные охранители детства.

Фольклорная традиция, вобравшая в себя социальный и интеллектуальный опыт многих детских поколений, предоставляет ребенку – дошкольнику готовые способы решения жизненных проблем в детском сообществе.

Эволюция страшилки

Изменение содержания и форм детского фольклора можно проследить на примере *страшилки*. В российской культуре *пестования* (нянчания) маленьких детей существуют традиционные малые стихотворно-двигательные формы общения и игрового взаимодействия взрослого и ребенка – «пугалки», типа:

*Идет коза рогатая
За малыши ребятами,
Кто кашку не ест,
Кто молочко не пьет,
Того - забодает!*

При этом взрослый изображает «козу» и делает «страшные» глаза, что сначала несколько настораживает и легко пугает малыша, а затем вызывает веселый смех, к которому присоединяется и взрослый.

В два-пять лет пугалки становятся более энергичными и сопровождаются сильным ритмичным подбрасыванием ребенка на коленях:

*Поехали к бабке, бабке, бабке
На хромой лошадке, лошадке, лошадке.
По ровной дорожке - на одной ножке.
По кочкам, по кочкам!
И – в яму – бух!*

Взрослый сначала плавно покачивает ребенка, а в конце – раздвигает колени, и малыш как бы проваливается «в яму», но взрослый его подхватывает в последний момент, что вызывает сначала страх малыша «понарошку», а затем бурную радость от благополучного «приземления». В более позднем – дошкольном и младшем школьном возрасте страшилки получают развитие в автономной детской среде и принимают форму быличек ужасного и трагич-

ческого содержания, типа: « *В одном черном-черном лесу стоит черный-черный дом. В этом черном-черном доме есть черная-черная комната. В этой черной-черной комнате стоит черный-черный стол. На этом черном-черном столе стоит черный-черный гроб. В этом черном-черном гробу лежит ... маленький розовый поросенок*». В этом микро спектакле присутствует и кульминация и благополучная развязка. В страшилках могут присутствовать опасные и загадочные явления, бандиты, мертвецы и пр., и все это является некоторыми аналогами переживания высокой трагедии, страха, но «не до смерти» и последующего психологического катарсиса. Для ребенка прохождение через испытание страшилкой (как правило, дети ее рассказывают в темной комнате поздно вечером «замогильным» голосом) сродни архаическому обряду инициации, который определяет возможность перехода на более высокую возрастную ступень. Это, видимо, относительно новый жанр детского фольклора, «обнаруженный» лишь 40-50 лет назад, получил свое достаточно широкое распространение в 70-е и в начале 80-х годов нашего века.

В середине 80-х годов появилась в среде младших подростков еще одна форма страшилки – так называемые «садистские стишки», типа:

«Дети в подвале играли в гестапо. Зверски замучен слесарь Потапов»,

«Девочка Света нашла пистолет. Больше у Светы родителей нет»,

«Мне мама в детстве выколола глазки, чтоб я варенье в шкафе не нашел»,

«Я не хожу в кино и не читаю сказки. Зато я нюхаю и слышу хорошо!»

На суку висит ребенок

От мороза розовый.

Это папа с ним играл

В Павлика Морозова...

Кошунственное обращение детей к запретным темам и нарушение нравственных норм в словесной форме обеспечило появление в 1990-2010 годах появления такого чудовищного феномена, как приколы, в которых то

же сочетание смешного и жестокого, а в более старшем возрасте – циничного глумления над переживаниями сверстников и слабых взрослых, неспособных ответить обидчикам. Все это свидетельствует о дегуманизации общественной жизни и демонизации детского сознания в последние десятилетия. Определенная поэтизация жестокости особенно в подростковой среде, когда «совесть отступает перед блеском остроумия», создает парадоксальную логику «антимира», создаваемого в детской среде сегодня.

Развитие подобных форм детского фольклора в последние годы, безусловно, свидетельствует об изменениях детского сознания, что требует пристального изучения подобных трансформаций в детской субкультуре.

Такой «черный юмор» с элементами иронии и остроумия, поставленными выше требований совести и ответственности, имеет свои причины, социального и психологического плана, в частности, воздействие СМИ, игрушек, детской литературы (например, Г.Остер с его «учебниками», обучающими «бить того, кто послабей» и прыгать с балкона на мамином зонтике и т.п.). Ясно одно, что детям от старшего дошкольного возраста нравится радоваться чужим неприятностям, они испытывают потребность в такого рода коллективном соревновании в проговаривании смертельно ужасного, которое осмеивается. К этому добавим моду на атрибутику и одежду с изображением смерти, разрушения, дисгармонии (череп, монстры, черные тона маек, игрушки-чудовища и пр.).

С чем связана эта потребность? Каковы факторы влияющие на нее – генетические, психологические, социальные?

Становятся печально известны рост преступлений несовершеннолетних, его омолаживание и о-девичество. Страшные преступления, отличающиеся особой жестокостью и изощренностью. Дети шести-восьми лет, мучающие, а затем убивающие голубей, кошек, собак. Шестилетний мальчик откручивающий голову цыплятам и пьющий их кровь в присутствии плачущих от страха малышей – будущий Чикатило? Каковы истоки этих явлений?

В то же время для современных условий характерно сокращение физического пространства для детских игр в городах и сельской местности, территориальная разобщенность детей, с разрывом между детскими поколениями, влияние средств массовой информации с жестоким содержанием и др. Под влиянием причин социального, экономического и психологического характера, происходит *деформация содержания детской субкультуры*: обеднение репертуара детского фольклора, утрата устных текстов, примитивизация, а порой и исчезновение коллективных игр и т.п. негативных процессов. Следствием этого являются, по мнению специалистов, рост детских неврозов, отчуждение детей от взрослых и сверстников, противоправное поведение.

ГЛАВА 5

ИГРОВАЯ СРЕДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Значение игры и детской игровой среды вообще в формировании личности ребенка и прежде всего дошкольника трудно переоценить, о чем писали и педагоги и психологи страны⁹. Не случайно Л.С. Выготский называет игру «девятым валом детского развития». Детская игровая среда – особое социокультурное пространство детской жизнедеятельности, важнейшее условие развития ребенка и его образовательный ресурс. Она есть необходимые, соответствующие индивидуальным (половозрастным), индивидуальным и личностным характеристикам ребенка условия, включающие: материальные – детскую игровую продукцию (игрушки, игровые материалы, игровые сооружения и пр.), а также непродуктивные средства (способы действия с игровыми предметами, игровые правила и роли, фольклор как обеспечение функционирования игры), осуществляемые в деятельности и общении детей. Орга-

⁹ Макаренко А.С. Игра. Соч. М., 1957; Запорожец А.В. Некоторые психологические проблемы детской игры. – Дошкольное воспитание. 1965 г; Менджрицкая Д. В. Воспитание детей в игре. М., 1982; Психология и педагогика игры дошкольника (Материалы симпозиума) / Под ред. А. В. Запорожца А.П. Усовой. М., 1966 год; Эльконин Д.Б. «Психология игры» Издание второе. Москва. Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999

низация детской игровой среды – создание условий, при которых материальные средства (игрушки, игровые материалы, игровые сооружения) и непродуктивные средства (способы действия с игровыми материалами/предметами, игровые правила и роли, осуществляемые в деятельности и общении ребенка с другими), используются для полноценного физического, интеллектуального и духовно-нравственного развития детей и реализации их игровых потребностей¹⁰.

Содержание игры зачастую определяет игрушка, способная задавать определенные игровые модели. Являясь культурной универсалией, игрушка есть инструмент социализации, своеобразное звено между ребенком и предметным миром, а также часть детской игровой реальности. Для ребенка игрушка важнейший предмет, включенный в его жизнедеятельность и оказывающий на него исключительное воздействие¹¹.

Общие принципы отбора игровой продукции для детей: принцип оценки ее безопасности; принцип развития, с учетом зоны ближайшего развития (ЗБР) ребенка; принцип соответствия: возрастным (половозрастным) особенностям, индивидуальным особенностям, специальным особенностям ребенка. Главнейший принцип, на который указывают свыше 80 опрошенных родителей и педагогов, это Принципы оценки безопасности игровой продукции для детей. Здесь следует иметь в виду, прежде всего, следующие признаки игровой продукции¹²:

I. Физическая и экологическая безопасность (отсутствие запаха, острых краев; прочности деталей и окраски, наличие сертификата качества).

Она определяется по следующим параметрам.

¹⁰ Абрамменкова В.В., Понкин И.В., Пристанская О.В. и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (проект). М., 2008; Григорьев С.В. Развивающе-воспитательный потенциал игры и праздника на рубеже XX! Века. М., 2001

¹¹ Мухина В.С. Игрушка как средство психического развития ребенка // Вопросы психологии, 1988, № 2; Дайн Г.Л. Русская игрушка. Альбом. М.: Советская Россия. 1987

¹² Абрамменкова В.В., Понкин И.В. О вредной для детей игровой продукции // Гражданско-правовая и уголовно-правовая охрана нравственности: Сборник материалов / Отв.ред и сост. д.ю.н.проф. М.Н.Кузнецов, д.ю.н. И.В. Понкин. – Региональный фонд поддержки мира и стабильности во всем мире; Институт государственно-конфессиональных отношений и права, М., 2008.

1. Визуальные:

- 1) композиция и гармоничность всех частей игрушки,
- 2) цвета игрушки и их сочетаемость,
- 3) природосообразность – степень соответствие реальному миру,
- 4) акцентирование частей (например, глаза, зубы и клыки, размеры

головы по отношению к туловищу и пр.),

- 5) степень условности фигуры живого существа, детализация;

Особо: мигание света, резкие неестественные цвета.

2. Тактильные:

- 1) материал, дающий разнообразие тактильных ощущений,
- 2) сочетание разных природ материалов: дерево, металл, ткань, пла-

стик и пр.

- 3) экологичность материала,

- 4) характеристики:

– приятность/неприятность,

– острота/округлость,

– гладкость/шершавость,

– теплота/холодность;

Особо: наличие/отсутствие опасных острых краев, отделяющихся деталей и фрагментов.

3. Обонятельные:

- 1) тонкий запах игрушки/отсутствие запаха,
- 2) отсутствие аллергенов;
- 3) нейтральность, чистота;

Особо: риск аллергенных материалов.

4. Вкусовые:

- 1) невозможность негативных вкусовых синестезий (например, сладкого и смертоносного),

- 2) нейтральный вкус игрушек-«продуктов»;

Особо: риск аллергических реакций.

5. Звуковые:

1) характеристика звуков:

- высота,
- громкость,
- мелодичность,

2) вербальные показатели слов, фраз, издаваемых игрушкой – различимость, понятность, язык (родной или иностранный),

3) смысловой/лингвистический анализ текстов языка: говорящие куклы, др. «говорящие» игрушки, азбуки;

Особо: риск превышения уровня звука; риск снижения возможности идентификации слов и выражений.

Кинетические:

1) побуждающие двигательную активность ребенка, исходя из его возрастных и индивидуальных особенностей,

2) игрушки (механические, электронные, электрические), производящие разнообразные движения, их характер:

- резкий,
- быстрый,
- зигзагообразный и пр.

Особо: риск наличие вибрации, выстреливающего эффекта и пр.

II. Игровая продукция должна соответствовать и психофизиологическим критериям:

1. половозрастным характеристикам ребенка,
2. росту,
3. массе тела,
4. размеру руки, дающей возможность захвата предмета и пр.
5. возможность манипуляции, парной работы рук, координации движений.

III. Психологическая безопасность: отсутствие негативных воздействий на

- психическое развитие ребенка, его интеллектуальное, психо-эмоциональное,
- социальное, эстетическое развитие.

IV. Нравственно-духовная безопасность: отсутствие провоцирующих факторов на формирование негативных моральных установок детского поведения.

Объективные психологические показатели опасной игровой продукции, и прежде всего игрушки:

1. Сенсорная агрессия (яркие цвета, свечение, мерцание, звук, тактильные ощущения и др.).
2. Провокация к совершению аморальных и безнравственных поступков и формированию негативных установок личности.
3. Чрезмерное развитие определенных сторон личности и чувств за счет общего развития (чувство превосходства над другими, зависть, жадность и пр.).
4. Формирование преждевременных потребностей ребенка, в том числе сексуальных.
5. Снижение активности ребенка, культивирование его несамостоятельности (гиперзаданность игрушки, программа на потребление и пр.).
6. Тщеславие от «имения» игрушки вместо «умения»: придумать различные способы игры с ней, сделать игрушку своими руками и пр.
7. Культивирование индивидуализма вместо развития социальности, соборности, включенности ребенка в социум.

Все эти характеристики игрушки порождают определенные игровые модели, способные провоцировать возникновение психологически опасных форм развития ребенка и прежде всего – духовно-нравственного развития.

Психологическая опасность игровой продукции требуют внимания к игрушкам, имеющим следующие конструктивные особенности:

1. Игрушки, провоцирующие на причинение ущерба здоровью и жизни ребенка.

2. Игрушки устрашающего характера – способные сильно испугать ребенка, вызвать появление у детей устойчивых страхов, тревоги;

3. Игрушки, оправдывающие или провоцирующие на жестокость и агрессию, либо формирующие виктимные наклонности детей как поведение жертвы:

а) побуждающие к жестокому обращению в отношении людей или животных;

б) провоцирующие у ребенка агрессию по отношению к персонажам игры, в роли которых выступают играющие партнеры (сверстники, взрослые) или сама сюжетная игрушка¹³;

4. Игрушки, доминантой игрового замысла которых является активное манипулирование ребенком; вызывая игровую ситуацию, навязывающую ребенку зависимость его игрового поведения от электронной программы, заложенной в игрушку¹⁴.

5. Игрушки, использующие синестезию, основанные на сочетании психологически несочетаемого – например, сладкого и смертельного¹⁵. (Это кармель-леденец чупа-чупс в рыбьем скелете или в голове наполовину человеческой – наполовину механической с вылезавшими при нажатии глазами и т.п.).

6. Игрушки, натуралистически изображающие или моделирующие выделительные процессы человеческого организма или организма животного, или результаты таких процессов.

Духовно-нравственная безопасность игровой продукции – необходимый принцип ее оценки, позволяющий определить риски игр и игрушек на

¹³ Примеры антиигрушек: «игрушка» супергерой Райан Хатчет (Райан Топор), производства компании «McFarlane Toys», представляющая собой окровавленный распотрошенный труп подростка; продается вместе с топориком, копьем, лопатой, пригоршней окровавленных сердец, кишок и маленьким человеческим лицом, которое можно повесить ему на ремень; кукла «Мучитель», на упаковке которой сопроводительная надпись: «Жестокий бездушный дикарь, который живет, чтобы истязать, причинять боль и ужас другим» и пр.

¹⁴ Пример антиигрушки: брелок типа тамагочи или говорящая кукла с электронной начинкой, постоянно отвлекающая, дергающая ребенка («Поиграй со мной!», «Покорми меня», «Я хочу пи-пи» и т.п.) во время, когда он занят другими играми или занятиями.

¹⁵ Например, игрушки-упаковки к чупа-чупсамс: сочетание сладкого и того, что несет смерть или связано со смертью (леденцы в упаковке, оформленной в виде скелета, черепа, и т.п.)

лично-смысловом, тонко психологическом¹⁶ уровне, что, при этом, значительно усложняет экспертизу игровой продукции. Это требует от экспертов собственной четкой нравственной позиции, способности в современных сложных условиях, когда, по словам А.С. Пушкина, «добро и зло – все стало тенью» различать подлинно позитивные нравственные воздействия игрушки от растлевающих детское сознание, способствующих как бы незаметному переворачиванию нравственных норм.

1. К детским игрушкам, затрагивающим духовно-нравственную сферу. Риски безопасности¹⁷ в этой весьма тонкой материи, к ним относятся детские игрушки:

а) изображающие или моделирующие оккультно-мистические практики или магические ритуалы, вовлекающие ребенка в осуществление оккультно-религиозных магических ритуалов¹⁸;

б) посягающие на общественную нравственность и оскорбляющие нравственные чувства и человеческое достоинство ребенка и его родителей;

с) связанные с изображением или моделированием актов вандализма, кощунства или надругательства над традиционными национальными и/или религиозными ценностями, предполагающие такое моделирование ребенком или участие ребенка в таком моделировании¹⁹;

д) способствующие формированию у ребенка пренебрежительного или негативного отношения к физическим недостаткам других людей, к лю-

¹⁶ С психологической точки зрения, духовное понимается (условно) как такая деятельность сознания, которая направлена на определение личностью критериев добра и зла, на формирование мотивов поведения в согласии (или противоречии) с *совестью*, а также на поиск смысла жизни и своего места в ней. Совесть – духовная инстанция, выражение нравственного самосознания личности, позволяющего осуществлять контроль и оценку ребенком собственных поступков.

¹⁷ Риски игровой продукции – мера ожидаемого неблагоприятного, травмирующего последствий игровой продукции – игры, игрушки, игровые информационные ресурсы, взаимодействие с которыми грозит ребенку ущербом, травмой для физического, психического и духовно-нравственного развития.

¹⁸ Таковыми являются данные в детском журнале «Ведьмы» описания снадобий для изготовления зелий и сами миниатюрные скляночки; «волшебная палочка» Гарри Потера и заклинательные тексты к полупрозрачной 70-сантиметровой фигуре юного колдуна.

¹⁹ Кукла – медведица, пародирующая святую для католической церкви мать Терезу, Робот Иисус с перевернутым крестом вместо меча.

дям по признаку их расовой, национальной, религиозной или социальной принадлежности.

е) явно оправдывающие, романтизирующие или героизирующие экстремизм, терроризм, преступность и преступный образ жизни, либо иным образом криминализирующие сознание ребенка ²⁰.

2. Игрушки, направленные на провокацию противоправного поведения, нравственного развращения, как интеллектуального растления:

а) провоцирующие игровые сюжеты, связанные с сексом, изображающие, моделирующие или имитирующие сексуальные отношения;

б) побуждающие детей дошкольного возраста к сексуальным контактам (их имитации), формирующие представления о гомосексуальных союзах как о нормальной, социально приемлемой или допустимой форме семьи;

с) формирующие представления о педофилии, детской проституции как о социальных или нравственных нормах сексуального поведения, либо как о «продвинутом», модном образе жизни;

д) изображающие или моделирующие насильственные действия сексуального характера;

е) связанные с изображением или моделированием искусственного прерывания беременности (беременная кукла Барби, у которой можно вскрыть живот и достать плод).

3. Игрушки, посягающие на детско-родительские отношения, представляющие их в негативном виде, дискредитирующие семью и родителей, побуждающие ребенка к активному негативизму и конфликтам с близкими.

Перечисленные риски могут не отражать все возможные риски игровой продукции, способные оказать серьезное травмирующее воздействие на физическое, психологическое и духовно-нравственное развитие ребенка.

О добре и зле в детской игре

В игре происходит постижение ребенком духовно-нравственной сферы

²⁰ Жестокие пираты с черепами на поясе

бытия, становление *совести*, этой внутренней инстанции различения добра и зла, существующей в качестве естественного нравственного закона, «написанного в сердце». Здесь совесть определяет представления о добре и зле как нравственного мерил в оценке собственных поступков и поступков других людей. Для ребенка, во-первых, это первоначально обнаруживается в понятиях «хорошо/плохо, правильно/неправильно, должно/не должно» и пр., применяемых, вернее примеряемых ребенком к миру и к себе.

А во-вторых, совесть выступает как *со-весть* (этимологически – «совместное ведение, знание»), как сверхъестественное откровение ребенку о самой сути явлений в понятиях добра и зла; и здесь она может проявляться не столько в форме разумного осознания нравственного смысла чего-то, но прежде всего и преимущественно в форме эмоционального переживания, ощущения, предчувствия. В самом понятии совести есть и элементы познания («совесть заговорила»), и чувства («совесть обличает»), и воли («совесть удерживает от...»), соединенные воедино в ее «голосе». Различение голоса совести в себе и следование ее произволению формирует личностное качество *совестливости* – четкого отделения добра от зла в собственном поведении [5; 12].

Уже в течение 1-го года жизни ребенка в его сознании появляются предпосылки становления нравственно-духовной жизни как различения им добра и зла, должного, и недолжного. Это содержание, пока самое смутное, есть и в самом ребенке, и в требованиях и ожиданиях окружающих малыша взрослых.

Вместе с тем, в самом ребенке, в самом его существе есть изначальное раздвоение на доброе и злое (как антиномия добра и зла), и при самых благоприятных условиях и того обаяния детства, чистоты и сияния, которые так притягивают нас, взрослых, все же наличествует в нём порой определенное уклонение ко злу, как бы игра света и тени. Внешне обнаруживаемое настойчивое стремление маленького ребенка ко злу зачастую проявляется как потребность в экспериментировании, в определении границ своих возможно-

стей и однозначности требований взрослых [7]. Однако все существо ребенка желает добра и не желает зла, стремится к добру. Вертикальное пространство общения с Творцом, подобно лучам, пронизывает окружающий ребенка мир, все другие пространства его отношений: к природе, другим людям, себе самому как сопереживание.

Долгое время считалось, что истоки сопереживания, доброта – внутри ребенка: в особенностях его нервной системы и психического склада. Позиция отечественной науки о детстве всегда была иной: эти качества, как и многие другие, формируются в совместной деятельности людей. Именно совместная деятельность, в которой происходит смена позиций – помогающего и страждущего, награждающего и награждаемого, – помогает ребенку осваивать различные модели поведения, строить образ собственного «я».

Может ли игрушка воспитать мальчика и девочку?

Осознание себя мальчиком или девочкой приходит к ребенку очень рано – на втором году жизни. Это первая личностная категория после имени, которую осваивает ребенок. С точки зрения воспитания, в соответствии с полом ребенка как необходимой составляющей его социализации и личностного развития игрушка исключительно важна. Только понимать это надо правильно. Ведь мы хотим из дочери вырастить девочку/девушку, а из сына мальчика/юношу. И нормальные взрослые не собираются преждевременно сексуализировать ребенка, растить в нем «озабоченного» эротомана.

Так называемый гендерный (имеющий отношение к различению мужских и женских социальных ролей) аспект в игрушке понимается учеными через понятия – *антропоморфная* игрушка (традиционно человекообразная игрушка, куклы, «очеловеченные» животные) и *техноморфная* игрушка (современное оружие, машины, техника).

Игрушки для мальчиков. Это, конечно, всевозможное вооружение. Этого «добра» сейчас хватает на полках магазинов игрушек. Чего там только нет: и дубинки с наручниками, и нунчаки, и всевозможные ружья и пистолеты, а также базуки и гранатометы, лазерные пулеметы и ракеты. И все они

настолько реалистично выглядят, что их можно запросто спутать с настоящим боевым оружием. В 80-х годах в Москве появилась банда грабителей, угрожавшая тремя пистолетами ночным прохожим, отбирая все ценное. Долго грабители были неуловимы, пока однажды вместо лепета от страха не услышали смех: «Кончайте, ребята, шутить. Знаю я ваше игрушечное оружие!» Оказалось, что девушка-продавщица из «Детского мира» несколько месяцев назад продала трем симпатичным юношам три игрушки – черные пистолеты-пугачи, так похожие на настоящие.

Солдатики? А точнее сказать вооруженные до зубов куклы мужского пола, с несметным количеством различного холодного и огнестрельного оружия! Воспитывают ли они столь необходимого нам защитника?

Еще дети древних народов играли таким оружием как нож, лук со стрелами, меч, только это были орудия защиты, и сделаны они были лишь похожими на оружие взрослых, но не их точными копиями. С их помощью маленький мальчик отождествлял себя со своим отцом, кормильцем и защитником семьи. Детям не позволялось поднимать любое оружие на людей. Такие игрушки использовались с целью тренировки глазомера, меткости, хладнокровия, необходимых для охотника и защитника. А ныне наши дети пользуются оружием не для защиты, а для нападения. Современный ребенок, беря в руки пистолет, сразу направляет его на какую-то мишень, причем живую, и, стараясь подражать своим любимым киногероям, воспроизводит те модели поведения, которые предлагаются в боевиках. При этом детское лицо превращается в маску злости и жестокости. И где гарантия, что она по окончании игры будет снята? Может так случиться, что роль понравится ребенку. И тогда он будет первой кандидатурой в группу риска.

Какова культура, таковы ее атрибуты – игрушки. Я уже говорила об игрушках царской семьи, выставленных в Историческом музее на замечательной выставке «На детской половине». И там, действительно, были маленькие пушечки, сабельки – игрушки святого отрока царевича Алексея, целые армии солдатиков, военные карты исторических сражений. Но это было больше по-

хоже на обучение военному искусству, чем на игру в войну. Потрясающее чувство любви и радости от этих вещей. Конечно, для наших мальчиков - будущих мужчин - необходимы подобные игрушки.

Солдатики – это замечательные игрушки, дающие возможность и для коллективного творчества мальчишек. С ними можно устраивать бои, постигать историю битв, а заодно налаживать взаимоотношения со сверстниками, уступать и настаивать, предлагать нестандартные решения. Особенно были хороши старые оловянные или пластмассовые солдатики разных эпох. К сожалению, у современных американских и разных других импортных солдатиков «зверская» мимика, перекошенные оскалом лица. Мне принесла одна воспитательница из детского сада целую армию таких солдатиков: с обезображенными яростью и злобой орущими лицами, окровавленными топорами и ножами, с рогатыми шлемами и автоматами, с черепами на поясе – жуть! Каждый из них не солдат-защитник, а скорее киллер / убийца. А мимика человеческого лица – это *очень важный социальный фактор*, ребенок реагирует на него особым образом, запечатлевая чувства, эмоции, перенося в дальнейшем их в реальность. Примеряет их на себя. Если с малышом не улыбаться и не говорить ему ласковых слов, а только кормить и пеленать, он зачахнет как растение без солнца, достаточно увидеть младенцев из дома малютки, которым не повезло с няней, чтобы убедиться в необходимости положительных эмоций для полноценного развития ребенка [8].

Важно при этом, чтобы малыш ощущал себя воином, а не киллером. Кстати, такая кукла со всеми принадлежностями (от ножа до лазерного автомата) продавалась недавно в «Детском мире». Папы, выбирающие подобную игрушку для своих сыновей, как правило, бессознательно, видимо, чувствуют свою беспомощность перед внешней силой и символически вооружаются сами, передавая свой страх сыновьям. В то же время существует масса прекрасных игрушек для мальчиков: например, водный пистолет или кегли, или разноцветная мишень с крохотными стрелами, кажется, она называется дартс

– эта игрушка тренирует глазомер, рождает спортивный азарт, вырабатывает терпение.

Игрушки для девочек. Конечно, это, прежде, всего куклы. Куклы водились еще в Древней Греции, они были деревянные, восковые или глиняные; нередко же они делались с подвижными руками и ногами. В настоящее время куклы составляют необходимую часть игрушек всякой девочки в самых дальних уголках планеты – пусть из глины, соломы, дерева, голых небольших палочек, круглых камешков, обмотанных какою либо тряпочкою и т.д.

Кукла как миниатюрное подобие человека встречается весьма часто при археологических раскопках. Чаше всего они несут религиозную нагрузку, культ домашнего очага, культ плодородия, обряды погребения и пр. Соседство кукол и обрядовых фигурок в Западной Европе встречается вплоть до XVIII века, особенно в связи со страшными магическими обрядами колдунов и ворожей, описанных и в художественной литературе XIX и XX веков. Европейские музеи, особенно немецкие и швейцарские, полны кукольных домиков, миниатюрных интерьеров, предназначенных для развлечения детей и взрослых.

В Петербурге на набережной Мойки в музее А.С. Пушкина в одном из залов в большой круглой витрине располагается странный экспонат. Он вполне напоминает кукольный дом, и каждая часть витрины соответствовала комнате в дворянском особняке: вот гостиная, украшенная для бала, вот столовая с накрытым для обеда овальным столом красного дерева, стульями, буфетом, крошечной фарфоровой посудой и приборами, а вот небольшая комната с открытыми ящичками с пистолетами и другими принадлежностями для дуэли. «Как все по-настоящему в этом игрушечном доме», – подумалось мне. Экскурсовод сообщил, что эта игрушка-безделушка была подарена поэту и стоила 5 тысяч рублей – сумма по тем временам огромная. Разумеется, детям играть в нее не разрешали, они могли ее только созерцать.

Коллекционные куклы и 300 лет назад и сейчас в большинстве своем не являются детскими игрушками, это произведения искусства, дань моде. Одна-

ко эти красивые игрушки могут быть особыми предметами не столько для игры и манипулирования, сколько для любования. В куклы играли не только европейские девочки, но и мальчики; известно, что трехлетний Людовик Тринадцатый, как свидетельствуют описания и гравюры, играл и в куклы и в мяч.

Кукла – это прообраз человека. Играя в куклы, девочка наделяет их качествами, свойствами, которые хотелось бы приобрести самой. Эти свойства могут быть различны, как различны ситуации, персонажи и пр. Поэтому старинные русские куклы – без нарисованного лица, эта кукла может испытывать различные эмоции, быть малышом и старушкой, невестой и девочкой [6]. В диадическом взаимодействии с куклой обнаруживается статус ребенка (в наклонной или горизонтальной плоскости, когда ребенок оказывается в позиции сверху или снизу по отношению к кукле). С традиционной куклой ребенок в иерархической наклонной плоскости, где он сверху – в позиции **идеального Я** (позиция может быть и горизонтальная, если кукла «старше» ребенка или ровесница), но идеальное Я может сохраниться и здесь. Ребенок порой склонен наделять куклу своим личным, реальным Я со всеми недостатками и греховными поступками, чтобы ответственность за них как бы легла на куклу. Все, что в игрушках имеет отношение к хозяйству, дому, рукоделию может быть очень полезно для девочки: это и кукольные наборы одежды, особенно для голыша, которые необходимо сшить или связать, это посуда и кухонные принадлежности для более старших девочек в играх «дочки-матери», это наборы «Для доктора», «Парикмахерская» и др. Это в том случае, если вы хотите для своей дочери традиционной и почетной для женщины жизненной стези – хорошей семьи, детей.

В контексте информационного пространства детская игрушка – это особое средство информационного воздействия на детей, поскольку в ней отражены все основные тенденции влияния на сознание и поведение человека, зафиксированы основные модели мира, поэтому – какова культура, таковы и игрушки. В силу своей специфики и силы воздействия на детей детская игрушка должна рассматриваться как имеющий особое значение предмет и

правового регулирования²¹. В последние годы учеными и специалистами разрабатывались предложения относительно критериев экспертизы детских игрушек, игровых материалов, которые должны включать в себя не только медико-санитарные (состав и качество материала, степень его обработки) и эстетические (красота и эргономичность) критерии, но также психоэмоциональные (радость и удовольствие), педагогические (развитие способностей, умений, творчества) и другие критерии. Детские игрушки должны также соответствовать требованию культуросообразности²², формировать позитивный образ мира ребенка, обеспечивать его психологическую безопасность.

Усвоение норм и социальных требований посредством игры с игрушками обеспечивает социальную адаптацию ребенка, «врастание в культуру», а также развитие волевого самоконтроля, что впоследствии гарантирует возможность перехода на более высокий уровень нравственной саморегуляции – способность формировать собственные ценности и следовать им независимо от внешних влияний²³. Попытки дискредитации ценностей, высказывание сомнений по поводу социально одобряемых норм и правил, компрометация авторитета родителей, учителей и близких может нанести непоправимый ущерб формированию личности в дошкольном и младшем школьном возрастах. Говоря об уязвимости ребенка по отношению к деструктивной информации (информации, рассчитанной на деструкцию системы ценностей и норм), важно не забывать о том, что не менее деструктивно для детской психики отсутствие ответа на реальные потребности ребенка или их подмена темами и проблемами, интересными взрослой аудитории, но поданными в детской стилистике («взрослые» игрушки, компьютерные игры, реклама с использованием детей в качестве основных персонажей, представление событий яко-

²¹Абраменкова В.В., Понкин И.В., Пристанская О.В. и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (проект). – Москва, июнь 2008.

²²Соответствие культурным традициям и ценностям страны, где проживает ребенок.

²³Kohlberg L. The philosophy of moral development. NY: Harper & Row, 1981; Абраменкова В.В., Анохина Т.В., Войтенко Т.П., Теплова А.Б. Игрушка в духовно-нравственном развитии ребенка: к антропологии игрушки// Современное состояние и перспективы развития дошкольного образования: Сборник научных статей. – М.: Институт психолого-педагогических проблем детства РАО; Российский университет дружбы народов, 2010. – 252 с, С. 25- 33.

бы «глазами ребенка»²⁴ и пр.). Так, навязывание ребенку-дошкольнику неспецифического, гипертрофированного интереса к сексуальной сфере может нанести существенный вред его интеллектуальному и эмоциональному созреванию, личностному развитию, поскольку, начиная с возраста 6-ти лет осуществляется вхождение ребенка в фазу латентной сексуальности. Это является фактором риска деструктивного воздействия, приводящего к сексуализации детского сознания. А системное взаимодействие нескольких факторов риска придает кумулятивный характер деструктивному воздействию.

В развитии современной игрушки как игровой модели наметилась общая тенденция: модели сюжетных игр уступают место техническим, компьютерным. По заключениям педагогов, если нарушается видовое равновесие игр, то эмоциональная структура личности обедняется. Ведь именно образно-сюжетные игровые модели помогают ребенку продуктивным для него способом освоению культурного многообразия, в частности, этико-эстетических знаний и навыков, расширяют сферу его сознания, приобщают к социально-ролевым функциям и нормам поведения и т.д.²⁵.

Игра совместная со сверстником в современной социальной ситуации развития перестает выступать ведущей деятельностью в дошкольном возрасте, происходит глубокая трансформация игры²⁶. Сегодня нарастает *кризис игровой культуры*: примитивизация, особенно ролевой игры, из которой уходит ее правилосообразность и соотносимость с образом идеального взрослого, а также вестернизация содержания и меркантилизация мотивов.

Психологические механизмы и формы воздействия игрушки на ребенка

Кратко можно выделить следующие механизмы и формы воздействия игрушки на ребенка, это:

²⁴ Пронина Е.Е. Психологическая экспертиза рекламы. Теория и методика психотехнического анализа рекламы. – М., РИП-холдинг, 2000

²⁵ Н. Я. Михайленко, Н. А. Короткова «Игра с правилами в дошкольном возрасте», руководство практического психолога. – Изд. 4-е. Академический проект, Москва, 2002г.; Е. Смирнова «Игра и игрушка» Москва 2005 г.

²⁶ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. – М.: Школьная Пресса, 2000

– *Эмоциональная идентификация* как постановка себя на место игрушки, внедрение ее характеристик в поведение ребенка.

– *Интимизация общения* как установление отношений с игрушкой как с живым существом. Любимая игрушка – друг.

– *Позитивные ожидания*. Доверие к игрушке как отсутствие установки на возможную угрозу.

– *Ответственность* за «благополучие» игрушки. Ребенок не ожидает агрессии, предательства от игрушки и осознает свою ответственность перед ней.

В «Экспериментальной психологии» швейцарский психолог Р. Мейли, который использует термин идентификации для обозначения механизма формирования «Сверх-Я» личности ребенка, пишет: *«Даже когда ребенок изображает в игре паровоз, льва или ягненка, он символически реализует тот аспект своей личности, который представляется ему желательным»*. Следовательно, в силу детского анимизма и мифологичности сознания способность ребенка к идентификации распространяется и на неодушевленные, с точки зрения взрослого, объекты, в частности, игровые материалы и сами игрушки.

Ребенок идентифицирует себя с игрушкой, не только с ее «повадками», внешностью, но и с ее скрытой сутью, вступая с ней в личностно-смысловые отношения. Отсюда важно, какая игрушка окажется в его руках и шире – с какой **игровой продукцией** ²⁷ он столкнется.

Особая хрупкость и податливость психики дошкольника и младшего школьника дает почву и развитие негативных влечений, нравственных искривлений для появления скрытых от внешнего взгляда действий ребенка, негативных установок, агрессивных фантазий. Особенно опасна в этом воз-

²⁷ Детская игровая продукция – совокупность произведенных промышленным или кустарным способом изделий, задуманных или заведомо предназначенных для детских физических, подвижных, в том числе развлекательных игр на открытом воздухе, либо интеллектуальных, дидактических и иных игр в закрытом помещении. Виды детской игровой продукции: – детские игры, – детские игрушки; – детское игровое оборудование; – детские игровые сооружения, детские игровые комплексы, – детские игровые площадки, – детские игровые центры, – детские игровые парки (городки).

расте провокация ребенка к асоциальным формам поведения посредством внешних стимулов, оказывающих трансформирующее воздействие на психическое и нравственное сознание, а также личностное развитие ребенка. И здесь огромная роль принадлежит играм, прежде всего компьютерным и игрушкам.

Основные направления формирования негативных установок у детей под влиянием детской игровой продукции представляют собой следующие негативные игровые модели: меркантилизация, вестернизация, демонизация, танатизация, сексуализация детского сознания.

Модель меркантилизации – информация, заложенная в игровую продукцию, провоцирующая детей к антиобщественному поведению ради наживы – способная побудить детей к совершению противоправных деяний, либо к занятиям детей азартными играми, проституцией, незаконным бизнесом (кукла – бизнесмен, криминальный авторитет, олигарх, а также многообразные настольные игры типа «Как заработать миллион», предполагающие обман «конкурентов» и пр.). Кроме того, оказывались в продаже кукла – путана с соответствующими аксессуарами, в частности, игрушечными деньгами, киллер – убийца за деньги, с орудиями убийства и пр.

Модель вестернизации – навязывание англоязычной псевдокультуры и образа жизни при забвении собственных традиций и культурных форм: посредством игрушек происходит пропаганда насилия и жестокости формирования у детей социальных установок на насилие как преимущественного способа разрешения конфликтов и соответствующего поведения. (Кукла, похожая на человека: если ее бить, скручивать, то на теле появляются синяки и ссадины, и она кричит: «Больно! Не надо!» – первый вариант. И второй: «Ой, приятно, давай еще разок!» – кукла для формирования садо-мазохистского комплекса?!). Романтизации или героизации насилия, жестокости их оправдания или представления как образцов поведения. Формирование определенной *психологической готовности субъекта к ситуации насилия*, влечет за собой его уподобление либо агрессору, либо жертве и конструирует соответ-

ствующие формы поведения. Две линии, два варианта подобных установок: виктимного поведения и агрессивного поведения (у девочек преимущественно первое, у мальчиков – второе) формируются играми с игрушками.

У российских детей наличествуют унаследованные от предков архетипические модели восприятия (и воспроизведения по механизму СВОЁ – ЧУЖОЕ) реальности: изображение природных ландшафтов, интерьеров домов и хозяйственной утвари, людских типажей и пр. Американские солдатики и вооружение, конструкторы Лего с игровыми картами, изображающими интерьеры и ландшафты любой страны мира, кроме отечественных, облик человека-куклы, настольных игр, цветоформ конструктора и пр. (не говоря о графике и цветовых решениях компьютерных игрушек) – все они не дают позитивного опыта познания собственной культуры, традиций, понятийного языка. Современные игрушки, как правило, не соответствуют этим моделям, а иногда прямо противоречат им. Занимаясь, порой, с игрушками иностранного происхождения, малыш как бы получает первый опыт культурной колонизации, встав перед необходимостью отвержения, отчуждения своих традиций и подчинения чужеземному игрушечному пантеону. Так в жизни ребенка происходит социокультурная травма, из-за которой потом формируется комплекс «культурной неполноценности». Кроме того, иностранные игрушки могут способствовать разрушению связи между поколениями в семье, еще в младенчестве проектируя линию разлома между отцами и детьми, дедами и внуками в силу различной культурной ориентации и ценностных представлений.

Таким образом, современные антиигрушки, чаще всего изготовленные по западным образцам, не оставляют места для «домысливания сюжета», постижения собственной культуры, задавая механизм вестернизации.

Модель демонизации сознания – информация устрашающего характера, которая содержится в игровой продукции, включая предметы оккультно-мистических практик или ритуалов, потусторонних сил – информация, спо-

собная вызвать появление у детей устойчивых страхов²⁸ или внушающая ужас²⁹. Идет *демонизация* сознания детей посредством игровой продукции, игрушек-демонов, игрушек-монстров, оккультных персонажей, т.е. символических изображений потусторонних сил, несущих физическое, душевное, духовное помрачение. В руках ребенка это становится страшной, ужасающей, губительной силой. Если же ребенок с детства окружен такими представителями нечистой силы, то способность к вере, состраданию, сочувствию, милосердию будет в нем атрофирована, может быть, навсегда. Кроме того, подобные установки способны оказывать травмирующее влияние на развитие личности дошкольников и провоцировать их на:

- аутодеструктивное поведение – суицидальные попытки, перверсии;
- личностные духовно-нравственные нарушения – склонность к актам вандализма, цинизм, жестокость³⁰.

Модель танатизации (от греч. танатос – олицетворение смерти). Игрушки: черепа и кости, отрезанные головы и конечности, гробы с червяками и скелетами и т.п., а также ядовитые пауки и змеи для игр детей дошкольного возраста сегодня часто становятся востребованными детьми и взрослыми. Снятие табу на отвращение к подобным вещам, ослабление и уничтожение нормальной внутренней цензуры особо опасны для российских детей дошкольного возраста и чреватые не только личностными деформациями, но и патологическими изменениями сознания. Воспевание культа смерти, умирания, есть пропаганда, внушение отсутствия перспективы жизни, здорового оптимизма, что пагубно для нормального развития ребенка. «5-тилетний ребенок – неисправимый оптимист», сказал К.И. Чуковский, однако современный ребенок часто не способен соответствовать данной характеристике³¹.

²⁸ Ст. 3 Международного кодекса рекламной практики Международной торговой палаты.

²⁹ П.6 ст. 5 «Общие требования к рекламе» Федерального закона «О рекламе».

³⁰ Опросы малолетних правонарушителей показывают, что мотивами преступного поведения в значительной доле случаев было стремление повторить увиденное и пережитое в реальных играх с жестокими, демоническими игрушками и в компьютерных играх.

³¹ Настойчивое внедрение в сознание детей и молодежи темы смерти, умирания, никчемности жизни через СМИ привело к тому, что Россия, которая в начале XX в. была на последнем месте в мире по количеству самоубийств, и прежде всего детских, сейчас оказалась на верхних ступеньках

Танатизация как патологическая поэтизации смерти, разрушения, деструкции, навязываемая игрушками, изображающими смерть – скелеты животных, рыб, человека и пр., игра в болезнь, умирание формируют у ребенка мрачную перспективу жизни, пессимизм, нежелание жить. Это во многом привело к тому, что Россия, которая в начале XX в. была на последнем месте в мире по количеству самоубийств, и прежде всего детских, сейчас оказалась на верхних ступеньках этой страшной статистики (53 ребенка на 100 тыс. человек), при этом *детские суициды* все чаще приобретают групповой характер, и нижняя их граница – возраст 5-6 лет³²!

Детские страхи, неврозы, психические нарушения, немотивированная агрессия, ночные кошмары, «голоса», одержимость потусторонними силами – вот возможные последствия воздействия неблагоприятной игровой среды на ребенка.

Игровые модели игр с игрушками способны сформировать негативные установки сознания дошкольника, провоцируя агрессию, жестокость в отношении детей, взрослых, а также животных и других живых существ. Игрушка с заданными свойствами способна *манипулировать* детским сознанием, превращая ребенка в **раба игрушки**, отчуждая его от реальной любви к взрослому или сверстнику в пользу виртуальной.

Модель сексуализации детского сознания посредством игровой продукции – информационная пропаганда разврата: куклы с половыми органами, гомосексуальные образы и т.п. Образ отца-мужа, образ женщины-матери, образ семьи – в обществе снижены, и негативные семейные ценности навязывается игрушками и игровой продукцией, формирующими антиродительские, внесупружеские отношения, что особенно преступно контексте формирования де-

этой страшной статистики, при этом детские суициды все чаще приобретают групповой характер, и нижняя их граница – возраст 5-6 лет!

³² Психо-семантический анализ изобразительных средств, например, в праздновании Хеллоуина показал их несомненную связь с содержанием рисунков малолетних правонарушителей – подростков-убийц и самоубийц: их навязчивое рисование черепов, могильных крестов, виселиц, предметов пыток и орудий убийств. Этот анализ свидетельствует о том, что сходная семантика смерти как показатель определенной *психологической готовности субъекта к ситуации насилия*, влечет за собой его идентификацию либо с агрессором, либо с жертвой и конструирует соответствующие формы поведения.

мографических установок. Содействие преждевременному психосексуальному развитию ребенка, посредством сексуализированной детской игровой продукции обеспечивает процветание детского порнобизнеса, детской проституции и пр. Игрушки с половыми органами, якобы для адекватной половой социализации, способны вызвать преждевременный сексуальный интерес у детей способствует процессу сексуализации детского сознания и, по сути, является интеллектуальным растлением.

Сексуализация детского сознания посредством игрушек, способствующих моделированию игровой реальности, оказывает не менее травмирующее влияние на развитие личности ребенка, формирует готовность к проституции, вовлечение к сексуальным контактам сверстников и более младших детей.

Деформация детско-родительских отношений. Разрушение исконных российских устоев, в частности, традиционной иерархии отношений в системе «Ребенок – взрослый» в семье приводит к углублению конфликта поколений, падению авторитета взрослых, снижению ценности семьи и формированию «социального инфантилизма» у подрастающего поколения. Эти изменения наиболее очевидны в последние десятилетия, когда кардинально изменились традиционные представления о семье, родительстве (материнстве/отцовстве) у детей и прежде всего у девочек – будущих жен и матерей. Растущая в обществе либерализация половой морали не только ориентируют детей на ранние сексуальные связи, но и оказывают специфическое интеллектуально растлевающее влияние, что приводит к формированию *внесупружеских* и *антиродительских установок.* Современные девочки, как показывают исследования, строят воображаемую ситуацию своего будущего вне семейной сферы, либо предполагают интимные отношения «вне брака», либо материнство без мужа ³³.

³³ Абраменкова В.В. Факторы влияния на становление детской картины мира современного школьника в процессе его взросления (динамика представлений ребенка о будущем в конце XX – начале XXI веков //Российские подростки и юношество в социальной реальности 21 века. Личностное само-определение, само-реализация, взгляд в будущее / Под ред. О.В Лишина. М. – Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2008, 304 стр. – 2.0 п.л. Стр. 54-109.

В том случае, когда игрушка выступает моделью деформации детско-родительских отношений, компенсацией любви взрослого к ребенку и подменной заботы о ребенке – покупкой ему большого количества игрушек, замещением близким/родным человеком себя, пусть на самую лучшую и дорогую игрушку – происходит разрыв сущностных связей системы «Ребенок-Взрослый» как со-бытийной общности и снижение показателей здоровья ребенка как необходимого ресурса в том или ином модусе человеческого существования: телесного, душевного или духовного бытия.

Игрушки и игровое оборудование для детей с особыми образовательными потребностями

Категория детей с особыми образовательными потребностями сегодня занимает достаточно большой процент в числе детей дошкольного и других возрастов. К сожалению, специальных игр и игровых материалов для детей с отклонениями в развитии сегодня не достаточно, часто они просто отсутствуют. Современные игрушки нового поколения совершенно не соответствуют психофизическим возможностям «особых детей». Например, пирамидка. В старых разработках пирамидка должна быть рассчитана под физиологические особенности руки ребенка. Этого критерия и требований нет в современной пирамидке, кроме того, сенсорное цветовое воздействие этой игрушки предельно агрессивно, что не соответствует индивидуальным особенностям, например, гиперактивного, невротичного ребенка. Или такое игровое оборудование нового поколения, как лабиринт, или, как его называют разработчики, «мягкие ступеньки» для ребёнка с нарушением опорно-двигательного аппарата чрезвычайно опасно. Игрушечная кухонная плита из мягкого материала дезадаптирует ребенка с отставанием в умственном развитии, а «шашки на полу» для детей с нарушением зрения не могут быть использованы, потому что поле зрения у этих детей очень узкое, и обозреть общую картину невозможно. Ребёнок с особыми образовательными потребностями сегодня не имеет соответствующих игрушек, не может, сообразно своим возможностям, участвовать в игре в соответствии с её назначением.

У детей с нарушением в развитии переход от неспецифических манипуляций к собственно предметным действиям совершается медленнее, чем у детей с нормальным развитием. Особые образовательные потребности детей диктуют построение и особой игровой среды. Дети раннего возраста выполняют только некоторые действия, чаще всего с хорошо знакомыми предметами³⁴.

Развитие предметных действий с игрушкой детей с нарушениями в развитии продолжается в дошкольном возрасте, когда изменяются способы их ориентировочной деятельности. На протяжении дошкольного возраста у таких детей совершается переход от примитивных способов ориентировки к все более сложным. Например, дети со снижением слуха и связанной с ним задержкой речевого развития, обнаруживают низкие потребности в общении, что отрицательно сказывается на становлении предметной и игровой деятельности с игрушкой. Более поздние сроки формирования действий с игрушками обуславливают своеобразие и низкий уровень игры, запаздывание ее сроков по сравнению с играми детей с нарушениями в развитии. Несмотря на то, что дети с нарушением в развитии испытывают интерес к игрушке и охотно играют, их игры дольше, чем у детей с нормальным развитием, задерживаются на предметно-процессуальном уровне. Они значительно беднее по содержанию и отражают преимущественно хорошо знакомые бытовые действия с игрушками³⁵.

Дети с нарушением в развитии нередко воспроизводят в играх второстепенные, преимущественно предметные детали, не отражая существенные элементы, не постигая внутренние смысловые отношения. Наблюдается тенденция к однообразному, механическому повтору знакомых игр с игрушка-

³⁴ Карабанова О.А. Игра в коррекции психического развития ребенка». Учебное пособие Российского педагогического агентства. – М., 1997; Савенков А.И. Игры и игрушки в развитии интеллекта и креативности ребенка. – М., 2003; Соколова «Коррекционное обучение как основа личности развития аномального дошкольника» // Дефектология, 1989; <http://www.scipsychology.ru/ctr/678.html> - Игровая деятельность дошкольников с задержкой психического развития.

³⁵ Степанова О.А., Вайнер М.Э., Чутко Н.Я. Методика игры коррекционно-развивающими рекомендациями. – М., 2003.

ми. Наиболее характерны для детей с нарушениями в развитии трудности игрового замещения, когда осуществляется перенос игровых действий на предметы, выполняющие в быту другие функции. Отвлечься от данного предмета, перенести слово в новую ситуацию, нетипичную для употребления (например, использовать палочку в качестве термометра для куклы), очень сложно, так как слово длительное время было закреплено за одним предметом. Полноценная сюжетно-ролевая игра с игрушками, предполагающая построение и варьирование сюжета, усвоение ролевого поведения и ролевых отношений, использование предметов-заместителей, у большинства детей с нарушениями в развитии не появляется и в старшем дошкольном возрасте. Для большинства необученных таких детей типичными оказываются игры, включающие элементы сюжета. Трудности спонтанного развития игровой деятельности с игрушкой обуславливают необходимость специального методического руководства³⁶. Для работников дошкольного образовательного учреждения компенсирующего вида и других коррекционных учреждений также необходима серьезная разработка на современных реалиях жизни соответствующих типовых положений и особого игрового оборудования.

Между тем, в развитых странах мира существует развернутая сеть производства и использования игрового оборудования, игр и игрушек для детей с особыми образовательными возможностями. В частности, в Израиле существует уже много лет Центр проф. Фурштайна, в котором проходят успешную реабилитацию умственно отсталые дети, при этом разнообразие и креативные возможности используемых специальных игрушек и материалов не могут не вызывать восхищения.

Несформированность системы нравственных ориентиров и волевой регуляции ребенка облегчает произвольное усвоение асоциальных норм и образцов поведения, формирует деструктивные установки под влиянием воздействия предметов культуры, в том числе игрушки как культурного орудия.

³⁶ Баряева Л.Б., Зарин А. Обучение сюжетно-ролевой игре детей проблемами интеллектуального развития. – С-Пб, 2001.

Поэтому при обсуждении качества информационной продукции, какой является игра, игрушка, видеоигра и пр., помимо возможного травматического воздействия необходимо также иметь в виду то влияние, которое «игровая информация» оказывает на становление ребенка и именно дошкольный возраст является сензитивным периодом для развития способности к нравственной регуляции поведения.

Необходимые требования к характеристикам игровой продукции (игр и игрушек) для детей старшего дошкольного возраста

1. Привлекательность для ребенка: сенсорно-перцептивная и эмоциональная, но не гиперстимуляция;
2. Полифункциональность игрушки: различные способы действия с ней, возможность замещения; стимуляция деятельности ребенка, возможность самостоятельной игры;
3. Дидактичность: возможность обучения посредством игрушки свойствам и закономерностям окружающей среды, познанию отношений в социальном и предметном мирах;
4. Социально-психологические требования: получение опыта общения и взаимодействия с взрослыми и сверстниками;
5. Требования креативности, творческий подход к игре, желание повышать игровую культуру, создавать новое;
6. Эстетические требования: чувство красоты, гармоничности;
7. Культуросообразность: соответствие ценностям родной культуры, языка, понимание своей общности, сходства и отличия от других культур;
8. Нравственные требования – пробуждение «чувств добрых», готовности к состраданию и сорадованию;
9. Экономические требования: соответствие цены и качества игрушки, безопасность упаковки.

В настоящее время изобилие игрушек у детей порождает серьезную социально-психологическую и педагогическую проблему, связанную с правильным отбором игровых наборов, материалов, технологий, самих игрушек,

их использованием и размещением. В связи с этим, а также активно развивающимся рынком игровой продукции, недостаточной профессиональной компетентностью специалистов образования в области формирования детской игровой культуры важность правильной *организации предметно-развивающей игровой среды детей* становится наиглавнейшей³⁷.

Являясь культурным орудием социализации, своеобразным звеном между ребенком и предметным миром, а также частью детской игровой среды, современная игрушка способна транслировать негативное психоэмоциональное и духовно-нравственное содержание, превращаясь по сути в *антиигрушку*, поскольку выступают как специфическое средство информационного воздействия, формирующее смысловую сторону жизнедеятельности ребенка, негативные установки детского поведения.

Антиигрушка – это не просто плохая игрушка, например, некачественно сделанная, грубо раскрашенная, с острыми краями или мелкими деталями, – а (и это самое важное) не отвечающая критерию духовно-нравственной безопасности, являющаяся побудителем и средством передачи духовно-нравственного разрушения, способствующим формированию аморальности, возникновению психических заболеваний и нервных расстройств, в крайних проявлениях – побуждающим к жестокости и насилию, и даже совершению самоубийств. При этом часто антиигрушки внешне могут выглядеть безупречными и быть изготовленными из экологически чистых материалов, однако духовно-нравственный смысл таких игровых предметов оказывает негативное воздействие на развитие внутреннего мира ребенка.

Негативные воздействия на детей, оказываемые игрушками и игровыми материалами, поддаются коррекции с помощью тех же игрушек и игровых материалов³⁸.

³⁷ Тверитина Е.Н., Баразкова А.С. Руководство игр детей в дошкольном учреждении» Под редакцией М.А. Васильевой. – М., «Просвещение»1986.

³⁸ Лэндрет Г.Л. Игровая терапия: искусство отношений: Пер. с англ./ Предисл. А.Я. Варга. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 368 с.; Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья. Том 1. – ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 304 с. (Серия

Игровые материалы в детской психотерапии это:

– кукольная семья (куклы тряпичные, бумажные, пластмассовые, деревянные);

– кукольный дом и обстановка; одежда для кукол; игрушечные солдатики; игрушечные животные; кукольный театр; бумага для рисования или резки; картинки с нарисованными людьми; песок; вода; карандаши; пластилин.

Задачи, которые решает психолог с помощью игрушек и игровых материалов:

- 1) Помочь ребенку расслабиться.
- 2) Помочь ребенку проявить свои чувства. Способствовать усилению эмоций с целью их выведения на поверхность. (У жертв насилия это, прежде всего, чувство вины, агрессия, подавленность, растерянность, душевная боль).
- 3) Установить и поддерживать контакт с ребенком. Помочь ребенку общаться посредством метафор.
- 4) Помочь ребенку в формировании адекватной самооценки, почувствовать себя принятым, даже в неприемлемых качествах.
- 5) Помочь ребенку раскрыть его страхи, внутренние конфликты посредством проигрывания травматических ситуаций.
- 6) Помочь ребенку почувствовать себя защищенным посредством кукол: «Это не я сказал, это так кукла говорит»; «Я чувствую то же, что чувствует кукла».
- 7) Сделать куклу средством связи ребенка и взрослых – психолога, родителей, учителей.

Например, в играх с пластилином (а также глиной, тестом, другим пластичным материалом) необходимо соблюдать следующие правила: мягко активизировать действия ребенка с материалом; все принимать безусловно и

«Психология – XX век»); Шефер Ч., Кэри Л. Игровая семейная психотерапия. – СПб.: Питер, 2001. – 384 с: ил. – (Серия «Практикум по психотерапии»).

безоценочно, что бы ребенок ни делал с ним; помнить, что нет правильного или неправильного подхода к действиям с пластичным материалом. Варианты проведения игры с пластилином: 1) предложить ребенку слепить какие-то фигурки и поговорить с ними; 2) предложить ребенку слепить что-то конкретное и рассказать психологу об этом; 3) предложить ребенку «стать» пластилином; 4) и другое. Возможна и совместная со сверстниками деятельность с пластичным материалом в контексте создания той или иной картины по заданию или в свободной форме.

Также можно провести куклотерапию³⁹, предложив ребенку создать куклы из ниток, клубков, пуговиц и т. п.

Примерные этапы и процедура проведения куклотерапии: психолог предлагает ребенку познакомиться с куклами. Предлагает выбрать кукол, с помощью которых ребенок хотел бы рассказать какую-нибудь историю (или конкретно о тех людях, кого ребенок знает; или о ситуации насилия). Психолог отмечает, каких кукол ребенок выбирает, а каких отвергает. Психолог вступает в игру и просит ребенка познакомить его с куклами, помогая ему их описывать с помощью вопросов открытого типа. По мере проигрывания сюжета психолог вмешивается только по мере необходимости или по просьбе ребенка. По окончании игры психолог разговаривает с куклами, задавая снова вопросы открытого типа о мыслях, чувствах и действиях кукол, а затем постепенно и незаметно переносит свои вопросы и интерпретации непосредственно на ребенка.

Современная социальная ситуация развития детства такова, что существует тенденция угасания игровой культуры ребенка, происходит значительная деформация детской игровой среды, примитивизация игровых моделей. Многими педагогами и психологами, специалистами по игровой культуре отмечается тот факт, что дети перестают играть. По-

³⁹ По мнению Jenkins и Beckh (1993), эффективны игры с пальчиковыми куклами. Несмотря на то, что кукла находится на руке ребенка, дети рассматривают их отдельно от себя и способны таким образом посредством кукол выражать запрещенные чувства и говорить о своих внутренних конфликтах.

этому необходимо не только оторвать ребенка от уродливых и растлевающих его сознание, психику и личность игр и игрушек, в том числе и компьютерных, не только изготовить идеальные игрушки, из лучших материалов, но и вновь **научить детей играть** в них, т.е. воссоздать игровую среду с разнообразными и богатыми игровыми моделями. Разработка грамотных и доступных детям и взрослым **методических рекомендаций** с вариантами добрых игровых моделей, прежде всего отработанных тысячелетиями, традиционных российских моделей игр и игрушек, которые помогут восстановить детскую игровую традицию и насытить игровое пространство, обогатив процесс семейного воспитания и образования.

По мнению ученых и специалистов сферы образования, состояние игровой среды является одной из актуальных проблем современного детства. Ее безопасность, качество, интеллектуальная и эмоциональная насыщенность напрямую отражаются на благополучии и здоровье детей, их интеллектуальном, психическом и нравственном развитии, общей психологической безопасности.

В настоящее время изобилие игрушек у детей порождает серьезную социально-психологическую и педагогическую проблему, связанную с правильным отбором игровых материалов, технологий, самих игрушек, их использованием и размещением. В связи с этим, а также активно развивающимся рынком игровой продукции в России, оказывается настоятельно необходимым повышение профессиональной компетентности специалистов образования в области формирования детской игровой культуры, оценки игрового набора, внимание к правильной организации предметно-развивающей игровой среды детей в образовательных учреждениях, активное просвещение родителей в области игры и игрушки, ограничения на государственном законодательном уровне появления игровой продукции, способной оказать негативное воздействие на ребенка. Современные игровые модели, задающие определенное игровое пространство, формирующее ценности, установки и

способы поведения ребенка и детского сообщества, зачастую оказываются далекими от адекватных требований воспитания гражданина, личности.

Отсутствие научно-методического сопровождения отрасли игровой продукции, а также системы экспертизы игр и игрушек, их соответствие возрастным, психолого-педагогическим и социальным требованиям приводит к серьезным, а иногда необратимым последствиям в развитии детей. Работу педагогов, особенно в учреждениях компенсирующего вида, затрудняет отсутствие спецификации игрового и дидактического оборудования, а также специальных исследований по подбору игровой продукции не только в данной области, но в общеобразовательных учреждениях.

В силу своей специфики и как информационного орудия, силы воздействия на ребенка игрушка должна рассматриваться как *особый предмет правового регулирования*.

Задача взрослых – обеспечить безопасность взаимодействия ребенка с современной игровой средой, для чего возникает настоятельная необходимость четкого прогноза неблагоприятных последствий воздействия детской игровой продукции, формирующей негативные игровые модели. Необходимо решать эти насущные задачи в правовом поле, это значит, **нужен закон об игровой продукции**.

ГЛАВА 6

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕТСКОЙ ИГРУШКИ И ДЕТСКОЙ ИГРОВОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИИ

Детская игровая продукция, в том числе игрушка, является важнейшим средством организации детской игровой среды, а также воспитания и развития детей. В связи с этим постулатом необходимо установить порядок разработки, апробации и внедрения комплекса требований к выбору игр, игрушек, игровых развивающих ресурсов для детей всех возрастов в дошкольных образовательных и иных учреждениях.

Настоящий комплекс требований регулирует отношения, связанные с использованием и распространением на территории Российской Федерации детской игровой продукции, включая:

- детские игры и игрушки;
- информационные ресурсы;
- видеоигры, игры на электронных носителях.

Отсюда охрана и обеспечение безопасности и снижения рисков нарушения психологического здоровья детей – важнейшая задача взрослых.

Детская игровая продукция – совокупность произведенных промышленным или кустарным способом изделий, задуманных или заведомо предназначенных для детских физических, подвижных, в том числе развлекательных игр на открытом воздухе, либо интеллектуальных, дидактических и иных игр в закрытом помещении;

Виды детской игровой продукции:

- детские игры
- детские игрушки;
- детское игровое оборудование;
- детские игровые сооружения, детские игровые комплексы,
- детские игровые площадки,
- детские игровые центры,
- детские игровые парки (городки)

Детская игрушка – одна из фундаментальных универсалий человеческого бытия, служащая для передачи ценностей культуры и опыта поколений. Игрушка является орудием социализации, своеобразным звеном между ребенком и предметным миром, а также частью детской игровой реальности. Как единица игровой продукции детская игрушка – произведенное промышленным или кустарным способом изделие, конструктивно предназначенное для использования, либо традиционно используемое детьми для своих игр.

Риски игровой продукции – мера ожидаемого неблагоприятного результата воздействия определенных факторов и степени неблагоприятных,

травмирующих последствий. В данном случае в качестве факторов воздействия выступает игровая продукция – игры, игрушки, игровые информационные ресурсы, взаимодействие ребенка с которыми грозит ребенку ущербом, травмой для физического, психического и духовно-нравственного развития.

В Российской Федерации до сих пор не уделяется должного внимания созданию необходимых, в том числе правовых, условий для формирования, развития и защиты сферы производства и использования в образовательных учреждениях детской игровой продукции – важнейшей единицы детской игровой среды как пространства жизнедеятельности и развития детей, и прежде всего, дошкольников. И эта сфера заполняется некачественной продукцией компаний, которые в погоне за прибылью игнорируют, не принимают во внимание безнравственный и вредоносный для детей характер своей продукции. В результате на рынке игрушек в России (а это свыше 100 тысяч наименований игровой продукции в год!), появляются игры и игрушки, оказывающие крайне разрушительное воздействие на физическое, психическое здоровье и духовно-нравственное развитие детей. В образовательных учреждениях дошкольного и дополнительного образования, в лечебных учреждениях временного содержания детей, в учреждениях социальной защиты и медико-психолого-педагогических центрах и пр., порой, оказываются такие игры, игрушки и другая игровая продукция, воздействие которой оказывает травматический эффект на здорового ребенка, не говоря уже о больном. Контроль за состоянием игрового фонда в этих учреждениях, как правило, не ведется. Его пополнение часто осуществляется бессистемно и хаотично, часто за счет «спонсоров» или родителей, знакомство с критериями оценки игровой продукции которых оставляет желать лучшего. В итоге даже в дошкольных образовательных учреждениях нередко игровая продукция низкого качества, несущая прежде всего вред душевному здоровью и личностному развитию детей. Вместо игрушек в детских руках оказываются подлинные антиигрушки. Основными **средствами** воспитания, способствующего полноценному

развитию ребенка, в том числе духовно-нравственному, является создание формирующей личность *образовательной среды*, в которой закладывается адекватная иерархия целей и ценностей жизни человека и необходимые компоненты его полноценной жизнедеятельности. Важнейшей составной частью образовательной среды для ребенка является игра и игрушка.

Подчеркнем еще раз важное значение детской игрушки. Она – одна из фундаментальных универсалий человеческого бытия, представляющая собой передачу ценностей культуры и опыта поколений. Игрушка является орудием социализации, своеобразным звеном между ребенком и предметным миром, а также частью детской игровой реальности.

Игрушки в русской традиции воплощали в себе образ идеального мира, выстраивали целостную картину мира как Божьего творения: мяч – подобие солнца, пирамидка – иерархическое устройство семьи и общества, домашние животные и птицы небесные – окружение человека, подобно рождественскому вертепу. Для русской традиции никогда не приветствовалось изображение диких животных как игрушек, особенно хищников: медведя, волка, кабана, а также образов потустороннего мира, нечистой силы. Это свидетельствует о том, видимо, что устная традиция – былички, сказки, фольклор, в которых изобиливали подобные персонажи, не имели аналогов в детской игрушечной традиции, и в «потешном промысле» не использовались и не изготавливались.

Обоснование нормативных требований игровой продукции для ребенка, с точки зрения различных подходов к ее оценке, имеет следующие направления в контексте обеспечения безопасности:

Физической;

Психологической;

Духовно-нравственной.

Физическая безопасность это первое, что должно быть обеспечено в детской игровой продукции с точки зрения ее безопасности.

Игровая продукция – игры, игрушки, создающие вследствие своих конструктивных особенностей непосредственную угрозу жизни или физическо-

му здоровью ребенка или третьих лиц, когда они используются в соответствии с их назначением.

Количественные и качественные характеристики игровой продукции.

К количественным характеристикам игровой продукции могут быть отнесены: санитарно-химические, токсикологические показатели и показатели превышения уровня звука (См. нормы СанПин).

Для определения качественных характеристик игровой продукции необходимы соответствующие критерии, которые мы указали выше.

Физическая безопасность игровой продукции предполагает в *первую очередь* анализ следующих ее видов:

– игрушки и игровые материалы (а равно их упаковки), представляющие опасность удушения;

– игрушки и игровые материалы, статическое или динамическое состояние конструктивных элементов которых (выступы, струны, острые части и др.) не исключает причинения ребенку опасных ран;

– игрушки, мелкие конструктивные элементы которых не исключают их отделения и проглатывания ребенком, либо материал изготовления (мех, ткань) или покрытия (лак, краска) способны вызвать аллергические реакции и приступ удушья;

– игрушки, предусматривающие выстреливание каких-либо предметов, форма, состав и развиваемая кинетическая энергия которых могут причинить телесное повреждение использующему их ребенку или третьим лицам;

– игрушки и игровые материалы, элементы и конструктивные особенности которых не исключают причинения ребенку термических или химических ожогов;

– электрические, электротехнические или электронные игрушки, конструктивные элементы которых не исключают поражения ребенка электрическим током.

Игровая продукция должна соответствовать и **психофизиологическим критериям**: половозрастным характеристикам ребенка, росту, массе тела, размеру руки, дающей возможность захвата предмета и пр.

Психологическая безопасность игровой продукции предполагает наличие следующих *критериев*:

Педагогический – чему научит игрушка. Какие разовьет умения, творческие, способности?

Психоэмоциональный – что несет в себе, игрушка, каково ее назначение? Какие *чувства* пробудит, даст ли она возможность совместной деятельности, *сотрудничества*, договориться в спорной ситуации, сопереживать и пр.

Эстетический – соответствует ли игрушка представлениям о красоте, развивает ли чувства прекрасного, гармоничного.

Духовно-нравственный смысл игрушки для ребенка

– Любая игрушка наделяется ребенком определенным смысловым содержанием, не всегда совпадающим с культурным назначением и с образами взрослого.

– Игрушка обладает знаковой функцией, символом отношений ребенка к миру и себе самому. Опасность может содержаться в самой игрушке как знаке.

– Игрушка, являясь знаком как информационным полем, способна особым образом программировать поведение ребенка / 9-месячн. / девочка.

– Личностно-смысловые отношения могут проявляться во взаимодействии ребенка с любой игрушкой.

– *Анти-игрушка* – это специфическое средство информации, пропагандирующее анти-ценности.

Критерии экспертизы игрушки

Требования

– *медицинские и экологические,*

– *эстетические,*

– *психоэмоциональные,*

– педагогические и пр.

Кроме того, **исключительно важный критерий:**

– *духовно-нравственного смысла* игрушки для ребенка, того, какие ценности она транслирует, способствует ли она формированию совести, различению добра и зла, стремлению следовать нравственным нормам. Отсутствие этого превращает игрушку в анти-игрушку.

Анти-игрушка является транслятором духовного разрушения: одержания (психических заболеваний), неврозов, агрессии, склонности к суицидам (самоубийствам) и пр. В Канаде около 10 случаев детских аффектов, некоторые закончились самоубийствами, когда электронный брелок Тамагочи «умер». У нас: 8-летний мальчик, которого мама оставила с годовалым братом на полчаса, из-за плача маленького не слышал, как «умер» виртуальный зверек и в отчаянии и гневе набросился на маленького брата и нанес ему телесные повреждения.

Анти-игрушка это не просто плохая игрушка: например, некачественно сделанная, грубо раскрашенная, с острыми краями или мелкими деталями. Часто анти-игрушками могут выступать внешне безупречно изготовленные из экологически чистых материалов «фирменные» изделия зарубежного производства: *эти игрушки не отвечают критерию духовно-нравственного развития.*

Антиигрушка – это специфическое средство информации, пропагандирующее антиценности, и которая представляет опасность для жизни и здоровья детей, либо может причинить вред их нормальному физическому, психическому и нравственно-духовному развитию. Антиигрушка это не просто плохая игрушка: например, некачественно сделанная, грубо раскрашенная, с острыми краями или мелкими деталями. Часто антиигрушками могут выступать внешне безупречно изготовленные из экологически чистых материалов «фирменные» изделия зарубежного производства. Какие психические процессы и личностно-смысловые отношения проявляются во взаимодействии ребенка с антиигрушкой?

Американские солдатики и оружие, конструкторы «Лего» с игровыми картами, изображающими интерьеры и ландшафты любой страны мира, кроме отечественных, облик человека-куклы, печати настольных игр, цветоформы конструктора и пр. (я уже не говорю о графике и цветовых решениях компьютерных игрушек) – все они не дают позитивного опыта познания собственной культуры, традиций, понятийного языка.

Как мы видим, современные игрушки, как правило, не соответствуют этим моделям, а иногда прямо противоречат им. Занимаясь, порой, с игрушками иностранного происхождения, малыш как бы получает первый опыт культурной колонизации, встав перед необходимостью отвержения, отчуждения своих традиций и подчинения чужеземному игрушечному пантеону.

Таким образом, современные антиигрушки, чаще всего изготовленные по западным образцам, не оставляют места для «домысливания сюжета». Ребенок, окруженный пластмассовыми Барби, киборгами, трансформерами представляет собой человека, заряженного энергиями западного общества (происходит процесс вестернизации).

Игрушка с половыми органами, якобы для адекватной половой социализации, способна вызвать преждевременный сексуальный интерес, а в сочетании с усилиями СМИ и главное – родительскими осознанными и неосознанными «внушениями» способствует процессу сексуализации.

Антиигрушка-2007

– Детская разборная стойка для стриптиза. Включает подробную инструкцию по эротическому танцу и игрушечные аксессуары для стриптизерш. *(Эта игрушка была со скандалом изъята из детских магазинов Великобритании).*

– Кукла-девочка с косичками, но с половыми органами мальчика. *(Была выкуплена и сожжена на Урале).*

– Робот-Иисус с крестом-мечом. (надпись: «Воскресные школы не нужны, когда в доме есть робот-бог века высоких технологий»).

Детские страхи, неврозы, психические нарушения, немотивированная агрессия, ночные кошмары, «голоса», одержимость – вот следствия взаимодействия ребенка с такими игрушками. С этим сталкиваются психологи и психотерапевты на приемах.

Мы отмечали выше, что по мнению швейцарского психолога Р. Мейли, способность ребенка к идентификации распространяется и на неодушевленные, с точки зрения взрослого, объекты в силу детского анимизма и мифологичности сознания.

Здесь реализуется модель идеальных человеческих отношений взрослого к ребенку: лечить, учить, кормить и пр., где ребенок в позиции идеального ухаживающего взрослого. Идеальное Я девочки в будущем – это мама с младенцем, здесь происходит воплощение архетипа материнства.

Современные куклы, особенно бэби-бон, другие говорящие куклы как бы «сами играют с ребенком», манипулируют им, ставя его в позицию снизу, когда несовершенное реальное Я заглушает идеальное.

Ребенок идентифицирует себя с игрушкой, не только с ее «повадками», внешностью, но и с ее скрытой сутью, вступая с ней в личностно-смысловые отношения, в диалог.

Диалог ребенка с игрушкой, которую он наделяет качеством субъектности, осуществляется как с идеальным Я. Традиционная кукла-младенец или мягкая игрушка задает модель человеческих отношений в наклонной иерархической плоскости (кормить, одевать, лечить, учить и пр.), где ребенок оказывается в позиции идеального взрослого. Если антропоморфизированный предмет изображает сверстника или взрослого, то качество идеального Я сохраняется и в горизонтальной плоскости. Кукла Барби, «говорящая» кукла, робот-трансформер и пр. задают наклонную плоскость отношений с ребенком, где он оказывается в позиции «реального Я», которая продуцирует чувство собственной неполноценности, зависимости. Вертикаль отношений с Божиим миром отсутствует. Отсюда трагические случаи детских само-

убийств и анорексии⁴⁰ девочек как реакция несоответствия «Я» внешнему образу (например, Барби) как образцу.

Понятие психологического здоровья дошкольников

Здоровье это сложный, многомерный феномен, отражающий модусы человеческой реальности: телесное существование, душевную жизнь и духовное бытие. Это культурно-историческое, а не узко-медицинское понятие. Здоровье является одной из базовых ценностей в жизни людей.

Психологическое здоровье детей рассматривается сегодня как смыслообразующая и системообразующая категория в контексте профессионализма педагогов и практических психологов образования; психологические факультеты готовят специалистов соответствующего профиля (специализация 03.03.21 «психология здоровья» утверждена приказом Министерства образования Российской Федерации от 10.03.2000 г.). Однако отечественная наука предложила основания и принципы рассмотрения проблемы психологического здоровья, сообразные нашей культурной традиции и особенностей ментальности (Слободчиков В.И., Шувалов А.В., Флоренская Т.А. и др.). Они последовательно реализованы в русле гуманитарно-антропологического подхода.

В отношении детей критерии психологического здоровья корректнее соотносить с системой связей и отношений ребенка с его естественным человеческим окружением, прежде всего – со значимыми взрослыми. *Значимый взрослый* – это родной и/или близкий человек (родитель, педагог), оказывающий существенное, определяющее влияние на условия развития и образ жизни ребенка на началах любви и уважения. Любовь – высшая духовная ценность, она предполагает участие в чужом бытии, как в своем собственном.

В психолого-педагогических позициях любовь получает особые преломления: родители, педагог как значимые другие прививают ребенку *жизнелюбие*, формируют в нем *трудолюбие*, культивируют у него *любопытность*

⁴⁰ Анорексия – заболевание, при котором вследствие строгой диеты или голодания в целях похудения, организм отказывается принимать пищу, что влечет необратимые последствия.

ность, воспитывают в ребенке *человеколюбие*. Причем жизнелюбие, трудолюбие, любознательность и человеколюбие являются очень точными (по сути – универсальными) индикаторами психологического здоровья, как среди детей, так и среди взрослых людей. Воспитание в любви и достоинстве – вот условия психологического благополучия современных детей (Шувалов А.В., 2008). Орудийную функцию такого воспитания в дошкольном возрасте имеют *игра и игрушка*.

Критерий Духовно-нравственного развития (смысла) игрушки в развитии ребенка, объективные показатели негативного влияния:

1. Сенсорная агрессия (цвет, свет, мерцание, звук, тактильные ощущения и др.)
2. Провокация к совершению саморазрушительных аморальных и безнравственных поступков и помыслов (превосходства над другими, зависть, жадность и пр.)
3. Несамостоятельность ребенка: Барби – заданность, программа на потребление, скверноприбытчество, снижение активности ребенка
4. Чрезмерное развитие определенных сторон личности и чувств за счет общего развития (силы, агрессии, сексуальности)
5. Формирование преждевременных потребностей (в 3 года конкурентность, гипертрофированная сексуальность)
6. Тщеславие от «имения» игрушки вместо гордости от умения сделать своими руками.
7. Универсальность свойств – созидание, заданность свойств – манипулирование
8. Натурализация телесности – одушевленность и индивидуация «повадок», психологии игрушки.

Итак, основными **средствами** духовно-нравственного развития как воспитания является создание духовно обновляющей и формирующей личность *образовательной среды*, в которой закладывается адекватная иерархия целей и ценностей жизни человека и необходимые компоненты его

полноценной жизнедеятельности. Важнейшей составной частью образовательной среды для ребенка является игра и игрушка. *Для ребенка игрушка важнейший предмет, включенный в его жизнедеятельность и оказывающий на него исключительное воздействие.*

В том случае, когда игрушка выступает лишь компенсацией любви взрослого к ребенку и заменой, замещением близким/родным человеком себя, пусть – на самую лучшую и дорогую игрушку происходит разрыв сущностных связей системы «Ребенок – Взрослый» как со-бытийной общности и снижение показателей здоровья ребенка – необходимого ресурса в том или ином модусе человеческого существования: телесного, душевного или духовного бытия.

ГЛАВА 7

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

В КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННОГО РЕБЕНКА

В России сегодня дети от 0 до 18 лет составляют 23,3 % населения страны. По мнению ученых и экономистов-аналитиков, дети – будущий «человеческий капитал», который является одним из ключевых слагаемых не только индивидуального благосостояния страны, но и ее общего социально-экономического роста и развития. Дети в любой стране мира представляют собой наиболее ценный ресурс страны, залог ее будущего развития. Каково состояние этого «ресурса» в России? Анализ социальной ситуации развития детства в современной России открывает негативные изменения по всем трем направлениям трисоставной структуры личности ребенка: ее телесности, душевных проявлений и духовного бытия. Общее состояние физического здоровья детей (от года до 14 лет) в последние годы вызывает растущую озабоченность специалистов, родителей, властные структуры⁴¹. Показатели психи-

⁴¹ГОСКОМСТАТ свидетельствует: в «лихие 90-е» с 1990-98 годы численность детей-инвалидов выросла в 3,1 раза, заболевания детским туберкулезом выросли 1,5 раза, чесоткой в 14 раз; инфекционные болезни в 1,2 раза и пр. В стране сохраняется достаточно высокий уровень детской смертности и заболеваемости.

ческого, душевного здоровья так же неутешительны: растет общая невротизация, психосоматические и психические заболевания. За печальной статистикой усматриваются, как правило и по преимуществу, социально-экономические причины, как то: степень материальной обеспеченности детей, состояние детского здравоохранения и развитие сети оздоровительных учреждений, материальные возможности семьи и пр. Однако при всей важности социально-экономических мер, они оказываются явно не достаточны и не способны решить кардинально проблему детского развития, поскольку не учитывают важнейшие психологические его параметры – ментального и *нравственно-духовного*⁴² свойства. Объективными показателями *духовного неблагополучия* в сфере детства являются: проявления алкогольной и наркотической зависимости, детское бродяжничество, тревожащий рост подростковой преступности и детской жестокости⁴³, криминализация детского сознания, языка и быта, а также ужасающий беспрецедентный рост детских самоубийств, начиная с 6-летнего возраста, в том числе, и групповых. Дети наши не хотят взрослеть, не хотят жить. Корень этого – в *духовно-нравственных* показателях здоровья и развития ребенка – в гармонии или нарушении его отношений с миром: окружающей средой, взрослыми/сверстниками и самим собой. Из этого следует, что необходимо целенаправленное духовно-нравственное воспитание и образование, восстанавливающее целостность человека, предполагающее развитие всех его сил, сторон, соблюдающее иерархический принцип устройства человека, при котором

⁴² С психологической точки зрения, духовное понимается (условно) как такая деятельность сознания, которая направлена на определение личностью критериев добра и зла, на формирование мотивов поведения в согласии (или противоречии) с *совестью*, а также на поиск смысла жизни и своего места в ней. Совесть – духовная инстанция, выражение нравственного самосознания личности, позволяющего осуществлять контроль и оценку ребенком собственных поступков. В такой постановке духовное сочетается с нравственным.

⁴³ По данным МВД, за последние годы наблюдается рост насильственных преступлений против личности, сексуальных преступлений, фактов вандализма и жестокого обращения с животными не только в возрасте 14-15 лет, но и 12-13 лет и ниже. Обращает на себя внимание рост факт увеличения доли правонарушений, совершаемых девочками и их групповой характер. Только за один 2000 год, по данным МВД, несовершеннолетними (до 18 лет) было совершено ок.300 тыс. преступлений, из них 22 тыс. – тяжкие. Это значит, на 1000 наших детей – 7 правонарушений!

идеальный совершенный человек в нем мог бы раскрыться во всей полноте. Начало этому пути – в развитии представлений ребенка о добре и зле.

Известное изречение «Устами младенца глаголет истина» в наши дни перестает звучать чисто метафорически. Растерянное взрослое человечество, приведшее мир на грань вселенской катастрофы и не знающее, куда идти дальше, все чаще обращает свой взор к чистой культуре детства, к «вечно детскому» (Л.С. Выготский).

Наука и общество к концу XX в. столкнулись с реальностью смены парадигмы в исследовательской практике человекознания – со «взрослоцентризма» на «детоцентризм». Ребенок – еще не родившийся и совсем маленький, ребенок, творящий и обучаемый, ребенок, живущий в каждом взрослом человеке – оказался предметом пристального внимания. «Чего бы могло достичь взрослое человечество, если бы обладало терпением ребенка и его сосредоточенностью на важных целях!» – так в конце своей жизни воскликнул известный социальный психолог и философ Эрих Фромм.

Возникновение в последние десятилетия парадоксальных явлений в жизни общества, а значит и в жизни ребенка свидетельствует о смене парадигмы в науке. Да, с одной стороны это, – явная *демократизация детской жизни*, расширение свободы ребенка, но, с другой стороны, – ярко выраженное *ограничение* (особенно в больших городах) пространства детской жизнедеятельности. По мысли известного психолога, «у детей отняли дворы и они заняли подвалы и чердаки». Все возрастающая для многих *ценность детей* и брака, о чем свидетельствуют социологические опросы, особенно молодежи, но и резкое *снижение рождаемости*, осознанное безбрачие, движение «Чайльд фри» – свобода от детей. Повышение в последнее время *уровня жизни* (товары, услуги, инфраструктура жизни) детей, семьи, но снижение их *качества жизни* (уровнем удовлетворенности, эмоционально-позитивного отношения к жизни, особенно в России). *Инфантицид* как детоотвержение, детоубийство в формах абортов, отказа от здоровых детей в роддомах и растущая *адопция* (усыновление/удочерение) чужих детей, включая детей-

инвалидов, и суррогатное материнство или обращение в процедуре ЭКО даже при возможности женщины родить самой.

По тревожным свидетельствам специалистов, ситуация развития детства в России в последние десятилетия в силу ряда причин социально-психологического, экономического, культурного планов, отличается ярко выраженной дегуманизацией отношений в системе «Ребенок – Общество». Вот лишь несколько цифр: за последние десятилетия, по свидетельству съезда педиатров, детская смертность возросла, а детская жестокость и подростковая преступность, по данным МВД, – увеличилась почти в 5 раз. И самое страшное: зафиксированная психиатрами *эпидемия самоубийств детей* от 6 до 18 лет – в 80 раз (!) по сравнению с началом XX века.

Все увеличивающийся разрыв между богатством научных фактов о ребенке в рамках естественных и гуманитарных дисциплин и отсутствием общего методологического принципа требует нового интегрирующего подхода к анализу детства как развивающегося феномена в культуре и обществе. Один из возможных путей такого анализа – социальная психология детства, которая задает видение ребенка, предстоящего как бы в трехмерной системе координат возраста, истории, культуры.

Система многообразных отношений ребенка с миром порождает *детскую картину мира* как совокупность знаний, представлений, смыслов, реализуемых в образно-визуальных моделях, т.е. социально-психологических пространствах, представляющих систему графических и цветовых значений, семантика которых культурно обусловлена. Визуальная картина мира представляет собой совокупность различных взаимопересекающихся сфер, социально-психологических смысловых *пространств (плоскостей)*, раскрывающих отношения ребенка в системе «Я – МИР». Это:

Горизонтальная плоскость, в которой отношения осуществляются «на равных» и к относительно равным субъектам – это *сверстники* (дети, в пределах возрастной категории, определяемой ребенком; при этом паспортный возраст может не иметь значения). Наклонная плоскость отношений, которая

представлена *взрослыми*, теми, кого ребенок причисляет к таковым или взрослыми «вообще». Это могут быть и более старшие дети, либо даже ровесники ребенка, имеющие признанный в обществе более высокий статус, например, дети в традиционных культурах, прошедшие инициацию. Панорамная плоскость отношений представлена окружающей ребенка средой, меняющейся с возрастом (от размеров вытянутой руки в младенчестве – до космических расстояний в юности) и обусловленной историко-культурными представлениями (сформированной картиной мира), а также региональными особенностями местности, географическим ландшафтом и пр.

Кроме этих, сформированных исторически, открытых и достаточно хорошо исследованных, существует ограниченное пространство отношений с миром, которое имеет, например, тяжело больной ребенок или современный ребенок, отрезанный от всего мира виртуальной плоскостью Экрана – телевизионного, видео-, компьютерного – это экранная плоскость отношений с информационной средой.

И, наконец, вертикальная плоскость представляет собой наименее изученный и наиболее сокрытый для внешнего взора пласт духовно-нравственных отношений ребенка с Творцом как высшим существом. Именно вертикальная плоскость отношений определяет становление категории совести в детском сознании и задает систему представлений о добре и зле.

Что знает о добре и зле современное детство – ребенок 80-90-х годов XX века и самого начала XXI?

Посредством личностно-смыслового пространства вертикальной плоскости отношений происходит постижение ребенком духовно-нравственной сферы бытия, становление *совести*, этой внутренней инстанции различения добра и зла, существующей в качестве естественного нравственного закона, «написанного в сердце». Здесь совесть определяет представления о добре и зле как нравственного мерил в оценке собственных поступков и поступков других людей. Для ребенка это первоначально обнаруживается в понятиях

«хорошо-плохо, правильно-неправильно, должно-недолжно» и пр., применяемых, вернее примеряемых ребенком к миру и к себе. Это, во-первых.

И, во-вторых, совесть выступает как *со-весть* (этимологически – «совместное ведение, знание»), как сверхъестественное откровение ребенку о самой сути явлений в терминах добра и зла; и здесь она может проявляться не столько в форме разумного осознания нравственного смысла чего-то, но прежде всего и преимущественно в форме эмоционального переживания, ощущения, предчувствия. В самом понятии совести есть и элементы познания («совесть заговорила»), и чувства («совесть обличает»), и воли («совесть удерживает от...»), соединенные воедино в ее «голосе». Различение голоса совести в себе и следование ее произволению формирует личностное качество *совестливости* – четкого отделения добра от зла в собственном поведении

Добро и зло – важнейшие нравственные категории, обозначающие предельные свойства бытия: первое – как должное, положительное, гармоничное и второе – как предосудительное, отрицательное, дисгармоничное.

Уже в течение 1-го года жизни ребенка в детском сознании появляется функция оценки, выявляющая предпосылки становления нравственно-духовной жизни как различения добра и зла, должного, и недолжного. Содержание этой жизни, пусть самое обобщенное, обусловлено внутренними интуициями ребенка, с одной стороны, и заданными социальными требованиями и ожиданиями – с другой.

Вместе с тем, в самом ребенке, в самом его существе есть изначальное раздвоение на доброе и злое (как антиномия добра и зла), и при самых благоприятных условиях и того обаяния детства, чистоты и сияния, которые так притягивают нас, взрослых, все же наличествует в нём порой определенное уклонение ко злу, как бы игра света и тени. Внешне обнаруживаемое настойчивое стремление маленького ребенка ко злу зачастую проявляется как потребность в экспериментировании, в определении границ своих возможностей и однозначности требований взрослых. Однако все существо ребенка желает добра и не желает зла, стремится к добру, поэтому детскую картину

мира пронизывают энергии добра. Вертикальное пространство детской картины мира, подобно лучам, пронизывает окружающий ребенка мир, все другие пространства его отношений к природе, другим людям, себе самому.

В русле социальной психологии детства предлагается метод *визуальной социопсихологии*, суть которого в использовании выделенных культурных символов, знаков, схем как своеобразного графического алфавита. Метод визуальной социопсихологии в изучении детской субкультуры предоставляет возможность спросить детей о великих тайнах бытия и получить ответ на их языке. Особенности мирозерцания ребенка таковы, что при всей, казалось бы, раздробленности, мозаичности мира в детском сознании существует «интуиция целого», восприятие мира в целом – как гештальт, стремящийся к упорядочности и гармонии.

Визуализация картины мира через детский рисунок – это освоение ребенком первичных символов, универсальных форм бытия, раскрывающих через призму представлений о добре и зле его отношения к различным сторонам жизни: окружающей среде, взрослым и сверстникам, представлениям о себе, своем будущем и перспективам мира.

О доброте бессмысленны слова

Слова действительно бессмысленны. Особенно когда эти слова обращены к детям, но естественное для ребенка рисование открывает возможность проникновения в скрытые смыслы сложных понятий. Детский рисунок способен передавать тонкие нюансы миропонимания и мироощущения ребенка: от непосредственного отображения видимого и известного в этом мире, что позволяет рисунку стать правдивым «документом эпохи», до глубинного смыслового выражения себя, своего отношения к миру и тому, каким его хочет видеть ребенок. Именно детский рисунок является не только способом отражения ребенком общественно-исторического опыта и форм человеческих взаимоотношений, не только фактом самовыражения, показателем актуального состояния психики в данный момент, но и средством диагностики его развития.

Анализ процесса выбора и построения графических образов, использование пространства, цвета, символики, а также манера рисования дает важную информацию об особенностях социальной ситуации развития ребенка, его самочувствии, его отношениях с миром, другими людьми и самим собой.

В середине 80-х годов представления детей дошкольного – младшего школьного возраста об основных нравственных категориях добра и зла в рисунках на тему («доброго/хорошего и злого/плохого») имели выраженные графические характеристики. Для «плохого – злого» это, прежде всего: дисгармоничная композиция, заполненность пространства штриховкой, темные тона, каракули, присутствие социокультурной символики опасности, таких, как молния, взрывы, черные тучи, мертвые деревья и пр.. Что касается рисунков дошкольников и младших школьников, изображающих «самое хорошее, доброе», то здесь – напротив, можно отметить, прежде всего, теплую, мягкую цветовую гамму, открытость пространства, гармоничность композиции и его частей.

В возрасте 7-9 лет понятие «хорошего, доброго» оказывается более размыто, оно еще окончательно не сформировалось в соответствии с культурными нормами и отражает скорее личные симпатии, чем позитивные эталоны, тогда, как «плохое, злое» четко определено, в нем более представлены характеристики, выработанные в общественном сознании – графическая символика дисгамонии, опасности, агрессии.

Кроме того, детям от 6-7 до 12-13 лет был предоставлен выбор позитивных/негативных изобразительных символов, знаков, моделей как привлекательных для себя, т.е. по инструкции сначала дети выбирали из матрицы социокультурных символов те, которые нормативно определяются как «добро», а затем как «зло». После чего, во второй серии ребенку предлагается из той же, но видоизмененной матрицы символов выбрать те, которые ему нравятся. То есть каждому ребенку предоставлялась возможность выбора между добром и злом в символическом плане. Сравнивая эти три ряда символов, можно отчетливо увидеть, что предпочитает каждый ребенок, что он выбирает.

ет для себя: преимущественно добро, позитив или преимущественно зло, негатив, либо выбор этих противоположных нравственных категорий для него равновероятен. Сам выбор связан с общей ориентацией детей на или позитивный, или негативный, или смешанный нравственные эталоны.

На основании сравнительного анализа выборов детей были также выявлены основные графические компоненты позитивного / негативного / смешанного (амбивалентного) нравственных эталонов. Достаточно четко определились группы детей, выбирающих в качестве привлекательных для себя:

- преимущественно позитивные картинки-символы, обозначающие жизнь, свет, мир, радость и пр.;
- преимущественно негативные картинки-символы, обозначающие смерть, тьму, агрессию, печаль и пр.
- позитивные и негативные картинки-символы как равно привлекательные (амбивалентные) для ребенка.

Поскольку дети, выбирающие в качестве привлекательных преимущественно позитивные или негативные картинки, делают это, ориентируясь на самый общий позитивный или негативный нравственные эталоны «добра или зла», то должна существовать четкая связь между выбором картинок «хороших» и привлекательных для ребенка, а также «плохих» и привлекательных.

Полученные данные свидетельствуют о том, что существуют графические эквиваленты позитивного или негативного нравственного выбора в символическом плане у детей, представленные в 80-х годах в детской картине мира: для большинства детей символика доброго была однозначно предпочтительна. В те годы с возрастом процент детей, ориентированных на графические показатели «плохого, злого», уменьшается, но причины его привлекательности оставались неясными. С возрастом у детей обоего пола снижался интерес к «плохим, злым» картинкам, символика позитивного оказывалась преобладающей как в изображении, так и в выборе картинок. При этом у девочек в целом была ярче и определенной выражена ориентация на позитивный моральный эталон хорошего, доброго, чем у мальчиков.

Для некоторых детей (прежде всего мальчиков 7-8 лет) зло представлялось *весьма привлекательным*: символика смерти, опасности, неблагополучия, асимметрического дискомфорта рисовалась и выбиралась ими значительно чаще, чем девочками. С возрастом число детей, ориентированных на графические показатели «плохого, злого», уменьшается, но причины его привлекательности для детей остаются неясными. Поскольку такие дети характеризуются высокими показателями тревоги, можно предположить, что они наделяют враждебный в их представлении окружающий мир негативными чертами опасности, неблагополучия, дискомфорта. При этом у *девочек* в целом более выражена ориентация на позитивный эталон хорошего, доброго, чем у мальчиков. С возрастом у детей обоего пола снижается интерес к «плохим, злым» картинкам, символика позитивного оказывается преобладающей как в изображении, так и в выборе картинок.

Исходя из полученных данных мы можем сказать, что в целом отношение девочек к основным составляющим детской картины мира в любом возрасте является более позитивным, чем у мальчиков. Наиболее эмоционально негативным является представление о мире и о себе лишь у детей 7-8 лет. С возрастом отношение к различным составляющим картины мира ребенка становится более позитивным, причем у мальчиков эти изменения происходят более резко, у девочек – более ровно.

Спустя всего несколько лет, с середины до конца 90-х годов, эта картина приобрела другие очертания. Предпочтения детей ко злу в его графическом воплощении растут, при этом они распространяются уже и на возрастные группы более старших детей.

Кроме того, интерес девочек к символике смерти, неблагополучия не только стремительно возрос, но по некоторым параметрам «перегнал» соответствующие показатели у мальчиков. Вероятнее всего, традиционный «Консерватизм женского пола» в ориентациях на бытие, благополучие, комфорт, спокойствие как удерживающий фактор для выживания в любых биосистемах

дает трещину к концу 90-х годов⁴⁴. Оказались достаточно выражены некоторые типологические особенности детей, с ориентацией на позитивный, негативный или смешанный нравственный выбор. Дети с позитивной ориентацией характеризуются высокой резистентностью (устойчивостью к искушениям) и стабильностью, низкими значениями тревожности и невротизма, а также экстравертированностью (направленностью к внешнему миру). Дети с негативной ориентацией характеризуются низкой психической резистентностью (неспособностью противостоять «дурному влиянию»), высокими показателями тревожности и интровертированности (отстраненности от мира). Дети со смешанной ориентацией характеризуются низкой психической резистентностью и стабильностью, а также несколько завышенными оценками тревожности и невротизма. Это значит, чем в большей степени у ребенка сформированы добрые чувства и позитивные нравственные оценки (ориентация на добро как абсолют), тем больше он открыт миру и мир открыт ему самыми светлыми своими сторонами и тем более ребенок психологически и нравственно благополучен. Такие дети характеризуются высокими характеристиками психоэмоционального благополучия, интегрированностью в школьную жизнь, хорошими взаимоотношениями с взрослыми и сверстниками и пр. И напротив: если ребенок сориентирован на темные стороны бытия, в сознании его преобладают негативные образы, тем в большей степени у него выражена готовность к нарушению социальных норм, тем более он незащищен от деструктивных воздействий мира, одинок и тревожен. Дети оказываются, подобно магнитам, притягивающим подобное: личный положительный заряд притягивает доброе, позитивное, а личный отрицательный – негативное.

И все-таки – что такое добро? В самом конце 90-х годов был проведен всероссийский конкурс детского рисунка на тему «Что такое добро и кто

⁴⁴ Косвенно это подтверждает растущая подростковая преступность среди девочек. По данным МВД, за последние годы наблюдается рост в несколько раз насильственных преступлений против личности, сексуальных преступлений, фактов вандализма и жестокого обращения с животными не только в возрасте 14-15 лет, но и 12-13 лет и ниже. Обращает на себя внимание рост увеличения доли правонарушений, совершаемых девочками и их групповой характер.

такие добрые люди», было получено свыше 3 тысяч рисунков детей от 5 до 16 лет из различных регионов России. Часть рисунков и подписей к ним было проанализировано нами с применением метода контент-анализа – социологической техники выведения заключения по характеристикам текста, направленных на выявление сути анализируемого материала, его основных мыслей, идеи, а также содержания самих графических образов, за которым стоит вне-текстовая реальность – установки, интересы, скрытые позиции ребенка.

Смысловые единицы контент-анализа это – социально заданные и лично значимые «высказывания» (на словесном и визуальном языках) по поводу основной темы в детских рисунках «Что такое добро?». На их основе выделены основные категории контент-анализа – *объективные характеристики добра и зла* (онтологические, общественно-политические, экологические, нравственно-духовные):

1. бытие, жизнь, свет / небытие, смерть, тьма;
2. доброта, милосердие / злоба, жестокость;
3. мир, созидание, благополучие / война, разрушение, нищета;
4. упорядоченность, гармония / хаос, дисгармония;
5. среда как чистая, здоровая / загрязненная, чахлая, замусоренная;
6. исполнение нравственных законов, моральных правил / нарушение (невыполнение) их;
7. природа как естественная, безопасная / технократия как урбанизированная, опасная;
8. солнечное, теплое / мрачное, холодное;
9. трезвость, отсутствие преступности, наркомании / пьянство, преступность, наркомания;
10. совестливость, целомудрие / бесстыдство, разврат;
11. духовное, божественное / бездуховное, демоническое;
12. красивое, прекрасное / некрасивое, безобразное.

Если учесть позитивные установки темы рисунков, то естественно ожидать, что и вербальные (словесные) и графические (изобразительные)

смыслы должны лежать в левой части континуума (добра), однако большая часть рисунков либо вообще располагается в поле негатива – «зла», либо «добро» оказывается со значительным присутствием «зла».

Вопреки заданной теме, происходит неразличение или смешение детьми положительных и отрицательных характеристик бытия, добро в рисунках детей часто неотделимо от зла – чистого добра почти нет, даже если название рисунка «Добро ликует», ребенком изображается справа символика добра: солнце, березы, луг, а слева символика зла: вырванное с корнем дерево, молния, тучи. Другой рисунок с надписью «Не бойся! Я тебя никогда не обижу!»: нарисована девочка-школьница и мальчик с рогаткой. Один подросток высказал в своем абстрактном рисунке убеждение: «Где добро, там и зло».

Безусловное добро в детских представлениях – это любовь близких: «Мамины глаза», «Люблю бабушку за доброту» (портреты), или единение человека с природой «Этот большой добрый мир» (девочка лежит на поляне под ярким солнцем). Абсолютное добро для детей – это человек с Богом («Папа, мама, дочка и храм», «Храм души»), это святые («Ворота в мир добра» – апостол Петр с ключами от рая).

Появление темы безусловного добра представляется в нравственно-духовной плоскости отношений: это Христос – как абсолютное Добро и святые (Георгий Победоносец, Царевич Димитрий и др.), это рисунки храмов и христианской символики: «После всех живых создал Бог доброту. И были на земле птицы, звери и доброта. И все люди были добрыми» (девочка 9 лет). Православная традиция для некоторых детей выступает естественным атрибутом добра (прощать, подавать милостыню, спасать, уважать старших и т.п.), которое необходимо «узаконить»: «Президенту нужно издать закон, чтобы все исповедовались» (мальчик 10 лет, рисунок людей, идущих к храму) или: «Хорошо бы издали указ о том, чтобы люди были добрыми, не злыми, не сердились, считали других людей своими братьями и сестрами» (девочка 9 лет нарисовала человека с кошкой и собакой). Дети обозначают нравственный императив: «Я хочу, чтобы не было ни наркоманов, ни маньяков.

Чтобы все люди стали добрыми. Тогда бы жизнь стала как в раю» (в рисунке девочки 10 лет девочка кормит котят).

Надо заметить, что постепенное исчезновение людей из детских рисунков в последние десятилетия является своеобразным графическим признаком ребенка нашей эпохи. Из всего массива рисунков детей самого конца XX века на тему «Что такое добро» более 2/3 посвящено животным и растениям и лишь 1/3 – человеку, следовательно, добро, с точки зрения детей, оказывается в значительно меньшей степени присуще человеческому естеству. Изображение животных, домашних и диких (кошки, собаки, львы, ослики, бегемоты, крокодилы и пр.), птиц и даже насекомых (бабочки, мотыльки, пчелы) сопровождается подписями, приличествующими людям: «Добрый» – розовый олень, «Выразительная душа» – собака, «Любовь-доброта» – два попугая, «Формула добра» – бабочка, цветок, дерево и пр.. Домашние животные – кошки, собаки, птицы чаще всего рисуются подростками 11-12 лет, чистые пейзажи или люди на природе чаще изображают восьмилетки, а храмы и христианскую символику – преимущественно пятнадцатилетние.

Современный урбанизированный город представляется детьми всех возрастов как воплощенное зло, где происходит нарушение нравственных законов, где гнездятся пороки и грязь: страх, убийство, опасность, корысть, несчастье, обман, злоба и зависть, наркомания, мусор⁴⁵ и пр.

Группе беспризорных детей (свыше 150 человек) из детского приемника-распределителя г. Москвы тема о добре была конкретизирована в «Добрые профессии». Детские рисунки и подписи к ним показали, что к добрым профессиям относятся: врачи, пожарные, учителя, артисты, священнослужители и пр., при этом на последнем месте стоят такие профессии как пекарь, художник, ученый, а на одном из первых – клоун в цирке. Наиболее активными оказались дети 11-12 лет, именно этот возраст, вероятно, и наиболее «беспризорный». Интересно, что самые старшие из этих детей – подростки 14-16

⁴⁵ Все слова – из комментариев детей к рисункам.

лет – в качестве доброй называют профессию... милиционера, степень искренности ответов остается на совести отвечающих.

Подводя итоги этому исследованию, благодаря которому была сформулирована задача выделения признаков (показателей) темы Добра в детских представлениях, определим ее основные содержательные характеристики. **Добро** детьми разных возрастов представляется как:

– ценное, полезное, практически целесообразное, связанное с человеческими потребностями, интересами (видимо, отсюда – «нажить добро»): «Добро – это когда людям дают зарплату» (на рисунке мальчика 10 лет птицы клюют зерно), «Мой папа и дедушка построили дачу. Они сделали сарай, дом, посадили овощи и цветы, яблони и другие деревья. Они – добрые люди» (мальчик 11 лет), «Добро это все положительное, хорошее, полезное для природы и хорошее для человечества».

– нужное, обязательное для исполнения (поведенческий императив), следование моральным нормам и этикету: «Мать должна всегда защищать своих детей, вне зависимости от того, животное это или человек» (девочка 15 лет), «Берегите людей и животных, берегите детей и взрослых, берегите все живое на земле!» (мальчик 8 лет), «Добро это: 1) Делиться со всеми хлебом и давать милостыню. 2) Перестать быть злым. 3) Быть справедливым к людям. 4) Не обижать их» (мальчик 10 лет).

– гармония, красота, порядок: «Должна я над цветами наклониться. Чтобы увидеть добрые их лица и доброе лицо им показать» (девочка 13 лет), «Доброта – это полная гармония с природой» (мальчик 12 лет), «Не нужно разбрасывать мусор где попало, а класть его в мусорку – тогда наша планета будет чистой и красивой» (девочка 11 лет).

– благое, нечто идеальное, независимое от полезности, не носящее утилитарный характер, божественное, связанное с христианскими заповедями: «Человек не всегда платит добром за добро. Но добрый человек чаще всего прощает это и опять готов помочь», «Надо помогать другим, любить других,

на зло не отвечать злом, не быть злопамятным, стремиться к хорошему, уважать людей» (мальчик 9 лет).

– отсутствие зла: «Доброта – это когда один человек делает другому подарок. Добрый помогает. Не сердится, может пожалеть, не смеется над чужими бедами, не ударит, не обманет» (мальчик 10 лет).

Зло соответственно понимается как противоположность добру, как препятствие жизни, негативное, безнравственное, дисгармоничное.

В завершение – о самих детских рисунках, позволяющих подойти к уяснению общих установок детей по поводу категорий добра и зла. Специфика содержания изобразительного материала рисунков на эти темы у детей конца 90-х годов в сравнении с 80-ми годами отличалась большей бедностью, неразвитостью воображения и графических умений, порой «штампованностью» элементов рисунка, их частым заимствованием из диснеевских мультфильмов и других телеобразов. Это вообще характерно для детских рисунков последних лет.

Чему нас учит семья и школа?

Центральной составляющей детской картины мира является социальное пространство взрослых и сверстников – наклонная и горизонтальная плоскости отношений, наиболее рельефно представленные в рисунках о семье и школе. Сравнительный анализ их места и психологического содержания в картине мира современного ребенка показывает, что **семья и школьный класс** как основные группы принадлежности для ребенка является центральными субъектами влияния на развитие его личности. Степень влияния семьи и школы различна в разные периоды школьного детства, однако наибольшую остроту этот процесс приобретает на переломных моментах онтогенеза – при вступлении в школу (первый класс) и при переходе от начального обучения к многопредметному (пятый класс). В эти моменты в жизнь ребенка и его социальное окружение активно вторгается «новая реальность» – учебная деятельность и общение с взрослыми и сверстниками.

Гармоничные отношения этих двух социальных общностей – семьи и школьного класса в сознании ребенка залог его психоэмоционального благополучия и шире – его психического и духовного здоровья.

Специфика социальной жизни ребенка, находящегося одновременно в двух мирах – мире взрослых и мире детей, требует учета этого обстоятельства и в плане значимости для ребенка каждого из этих миров на протяжении всего периода детства. В связи с этим особое значение для понимания сложного процесса социального развития личности приобретает вопрос об отношениях ребенка с группами взрослых и группами сверстников на разных этапах возрастного развития.

Существует мнение, по сути, восходящее своими истоками к ортодоксальному психоанализу, об определяющей роли взрослых в детском развитии; это мнение разделяют многие известные психологи, в том числе Дж. Боулби, А. Валлон и другие. Иная точка зрения предельно четко сформулирована американским социологом и психологом Т. Шибутани: «...многие дети научаются дисциплине и ответственности в группах равных, даже в шайках малолетних преступников, **значительно больше, чем дома**» [Шибутани Т., с.421 (выделено мной – В.А.)].

Разумеется, на протяжении онтогенеза не только социальные группы взрослых, но и детские группы (детские сообщества) выступают в качестве тех «совокупных субъектов», на которых ориентируется ребенок в процессе развития. Взрослые осуществляют общую социализацию ребенка, определяя зону его ближайшего развития, санкционируемую социальными нормами, ценностями и ожиданиями данной культуры, сверстники обеспечивают преимущественно индивидуализацию развития ребенка и задают *зону его вариативного развития (ЗВР)*, предоставляемую детской субкультурой, задавая одновременно существование и «перекличку» разных культур, иных логик и моральных представлений.

Смысл ЗВР состоит в открытости ребенка к восприятию других культурных традиций, в установлении им связи со всеобщностью культуры через

собственное творчество, фольклор, мифологию, традиционную игру. Если семья и вообще взрослый осуществляет зону ближайшего развития (ЗБР) как культурно предпочитаемую стратегию поведения, то детская группа через ЗБР обеспечивает, с одной стороны, ориентацию на утраченные, забытые формы культуры, а с другой, – прогнозирует новые пути ее развития. Проблематизируя и переосмысляя историческое наследие взрослых, детская субкультура высвечивает точки роста общечеловеческой культуры.

Что, какие нравственные смыслы несут в себе ребенку эти две важнейшие социальные общности? Как это отражается в детском рисунке? Какова динамика этих образов?

Семья – наиболее представленная социальная группа для дошкольников и младших школьников. В пять лет значимость ее наиболее велика по сравнению с группой сверстников. Однако от старшего дошкольного к младшему школьному возрасту разрыв в количественных показателях значимости семьи и детской группы уменьшается.

Графические презентации физического пространства, в котором обитает социальная группа, претерпевают существенные изменения. Если для рисунков 5-6-летних детей характерна замкнутость, закрытость, изолированность от мира (наличие черной рамки по периметру листа, штриховка и узоры в пространстве листа, преувеличенный пол, земля или тучи на небе и пр.); то у детей шести и особенно восьми лет пространство как бы очищается, становясь более свободным от ненужных линий, открытым.

Образ семьи – социальной группы как «Мира за изгородью» уступает место образу общности, «открытой миру». Однако в рисунке семьи по сравнению с рисунками детсадовской группы и школьного класса к восьми годам «человеческое пространство» теснит «пространство вещей»: мебели, подробностей интерьера и т.д. Характерный для дошкольников «вещизм» в изображении группы и класса распространяется в младшем школьном возрасте и на семью. Все чаще дети (и мальчики, и девочки) изображают «символы благополучия» семьи: телевизоры, мебельные стенки, ковры, посуду, книги в

шкафах, пианино и т.д., а для изображения людей, членов семьи – зачастую места уже не остается. Для мальчиков-дошкольников довольно часто рисование многоэтажного дома и рядом автомобиля, в котором располагаются члены семьи, а для девочек это рисование комнаты изнутри, ее убранства. С возрастом намечается тенденция перехода от изображения семьи в интерьере (дети рисовали дом снаружи без людей, объясняя, что «все – дома», либо изображали членов семьи на фоне внутреннего убранства комнат) – к изображению семьи на прогулке «на природе» (члены семьи рисовались на лугу, у реки, либо это был просто «фотографический портрет» семьи).

Важнейшим критерием личностной значимости группы в рисунке ребенка является изображение людей: их количество, соответствие реальному составу группы, пропорции фигур, детали, прорисовка и цветовая гамма.

Что же дети рисуют с середины до конца 80-х годов? В ряде случаев для ребенка «Мой класс» представляет собой образ многоэтажного здания, внутрь которого он не помещает ни себя, ни одноклассников, ни учительницу. Либо, рисуя интерьер классной комнаты, ребенок «забывает» нарисовать себя, или рисует себя на другой стороне листа, либо отгораживает себя от класса предметами и линиями. Примечателен здесь рисунок Тани Б., где изображается автопортрет с массой деталей одежды, портфелем, в ярком платье, а рядом черным карандашом высокая зарешеченная башня: «Здесь мой класс» – поясняет девочка. Подобные графические презентации свидетельствуют, как правило, о дезинтегрированности ребенка в данной социальной группе, неприятии, отвержении им классного коллектива как целого, а, следовательно, о неблагополучии в самом коллективе и о неспособности учителя обеспечить значимую совместную деятельность, способную сплотить детей, дать им чувство защищенности, снять тревогу. Такие и подобные им особенности рисунка характерны в той или иной степени для всех обследованных классов. Дети почти не рисуют людей – ни себя, ни учительницу, ни сверстников, а если человеческие фигуры все же появляются, то они предельно деиндивидуализированы: без признаков пола, возраста, часто без ча-

стей тела, лиц и пр. Почти у половины детей нарисованная фигура учительницы оказалась стертой, что является четким показателем символического устранения взрослого из его картины мира как очевидного для ребенка зла.

Каков основной лейтмотив рисунков? Это: черные квадраты и прямоугольники классной доски, порой ничего, кроме этого черного квадрата, что производит гнетущее впечатление. В то же время в рисунках есть очень тщательно вырисованные, скорее, аккуратно срисованные таблицы, буквы алфавита, переписанные страницы из учебников. Например, в рисунке Сергея А. большую часть листа занимает задача, над ней аккуратные столбики цифр таблицы умножения, а внизу начерченные по линейке прямоугольники, внутри которых фамилии одноклассников (как надгробия).

Если сравнить эти рисунки с рисунками «Моя семья» тех лет, то становится ясно, что дело тут не в неумении детей рисовать. Графические презентации второклассников свидетельствуют именно о явном неблагополучии ситуации в классе, повышенной тревожности, страхах детей перед школьной действительностью, конфликтностью взаимоотношений внутри группы, затруднениях в общении, невротических реакциях и пр. (это подтвердили наблюдения и опрос).

У старших дошкольников тех лет, готовящихся к школе и уже занимающихся по школьной программе, оказались сведены две деятельности – учебная и игровая, обладающие высокой степенью значимости для ребенка. Различия в рисунках «Моя группа» и «Мой класс» у этих детей, находящихся в одних и тех же физических условиях, обусловлены тем, что психологически для ребенка эти две одинаковые группы являются *различными*, поскольку различны те личностно-смысловые отношения, которые возникают в процессе его совместной деятельности в этих двух ситуациях.

Сравним два рисунка шестилетнего ребенка на тему «Мой класс» и «Моя группа», выполненных в один день, которые убедительно демонстрируют явные различия личностно-смысловое отношение мальчика к этим группам принадлежности. На одном рисунке нарисована детсадовская группа

– максимально значимые для мальчика сверстники с воспитательницей вместе – в праздничном хороводе с цветами в руках. Уравновешенная композиция, тщательность прорисовки деталей, хорошо отображенная индивидуализированность мальчиков и девочек, яркая и радостная желто-красно-зеленая гамма – всё свидетельствует о позитивном гармонизированном отношении ребенка и к группе в целом, и к воспитательнице, и к себе как члену данного сообщества (автопортрет мальчика – самая крупная фигура со всеми признаками индивидуальности). Тем более удивителен рисунок этого ребенка «Мой класс» – с диаметрально противоположными характеристиками: ведь это те же дети в том же помещении! Смещенная влево дисгармоничная композиция, невротическая заштриховка, черные круги вместо учительницы и учеников, при этом учительница от детей отделена жирной вертикальной линией, что говорит о символическом ее отчуждении от детей класса, желании отгородить и отгородиться от нее. В этом рисунке ярко выражен возрастной регресс ребенка, свидетельствующий о чувстве тревоги и психоэмоционального неблагополучия мальчика в данной социальной ситуации. Изображенный внизу архетипический крест с множественными перечеркиваниями символизирует неосознанное желание мальчика закрыть дверь в класс навсегда.

Таким образом, результаты, полученные на основании анализа изобразительного материала дошкольников и младших школьников 80-х годов XX века, позволяют увидеть, что социальное пространство в детской картине мира воспринимается детьми не как нечто целое, но как бы разделенное на две части – отношения с взрослыми и отношения со сверстниками. При этом отношения со сверстниками воспринимаются эмоционально более позитивно, а мир взрослых – родителей и учителей – представлен в картине мира ребенка как нечто отделенное от него, а иногда и угрожающее.

Особенно обращает на себя внимание эмоционально негативная ситуация в классе, где образ учителя либо вовсе отсутствует, либо обозначен с признаками агрессии, что характерно для детей всех возрастов, при этом

мальчики воспринимают свои отношения с взрослыми и сверстниками более эмоционально негативно, чем девочки.

Что изменилось к середине 90-х годов? Казалось бы, данные анализа рисунков говорят о том, что естественные традиционные ориентации детей 6-8 и 10-12 лет на семью как наиболее предпочтительную социальную группу принадлежности должны оставаться неизменными. Однако свойство личностной значимости семьи вступает в противоречие с наблюдаемыми в рисунках симптомами семейной неудовлетворенности, конфликтности, что выражается:

- в резком расхождении представлений о семье реальной и воображаемой (будущей);

- в наличии выраженных конфликтных отношений, неудовлетворенности потребности в общении и любви у детей в семейной ситуации, их отчуждения и одиночества, тревоги и других проявлений семейного психоэмоционального неблагополучия, что показал качественный анализ детских рисунков;

- у *трети* всех детей обнаружилось предпочтение класса перед семьей. Количество таких детей растет от шести к 12 годам, причем у мальчиков эта тенденция имеет место гораздо чаще, чем у девочек.

Каковы возможности причины предпочтений этими детьми социальной группы «школьный класс» перед семьей? Во-первых, одной из причин является сама современная «проблемная семья», в которой ребенок испытывает психоэмоциональное неблагополучие, нашедшее отражение в рисунке. Это, как правило, «неблагополучная семья». На фоне такой семьи школа, несмотря на ее традиционные сложности, оказывается предпочтительнее для детей (в соответствии с формулой: «в школе – плохо, а дома – еще хуже»)

Во-вторых, личность учителя, особенно в младших классах, оказывает порой столь мощное влияние на каждого ученика, что способна соперничать с родительской любовью, и тогда ребенок отдает предпочтение учителю, а не родителю.

Общая характеристика детей, у которых класс предпочтительнее семьи, такова: зачастую это – дети «группы риска» с трудностями в обучении, с заболеваниями (судорожный синдром, гипертензия, логоневроз и проч.), дети из проблемных семей (неполные, на грани развода родителей, многодетные и пр.). Почти все дети на вопрос, нравится ли им в школе, отвечали утвердительно, а подавляющее большинство детей (кроме шестилеток-первоклассников), поставленных перед выбором – учиться в школе или дома, ответили, что «в школе – лучше».

Разнообразны рисунки московских детей на тему «Моя семья». Это – и «фотография» семьи, и семья в интерьере квартиры, семья на отдыхе, семья в автомобиле, в поезде и пр. Наиболее часты сюжеты – семья на фоне «благополучия» квартиры. Тщательное вырисовывание мебели, ковров, аппаратуры при отсутствии некоторых членов семьи (даже мамы!), пространственная разобщенность фигур, рисование только себя (часто в сочетании с телевизором), изображение домашних животных (кошек, собак, птиц) вместо родных людей – вот основные изобразительные тенденции рисунка «Моя семья» и у первоклассников, и у пятиклассников в конце 90-х годов.

В сравнении с ним рисунок «Мой класс» отмечает меньшее разнообразие сюжетов: это, как правило, изображение помещения класса, доски, столов (часто с помощью линейки, использование которой указывает на неуверенность автора). Для пятиклассников характерны рисунки – групповое фото почти всех одноклассников, а для малышей одно-двухфигурные композиции, либо пустые классные комнаты («все на перемене»), а также частое изображение учительницы у доски – один из показателей личностной представленности учителя в сознании учеников.

В современной историко-культурной ситуации неопределенности, при которой расшатываются традиционные механизмы передачи знаний и нравственных ценностей, дети все в большей степени начинают ориентироваться на продвинутых сверстников.

Где истоки доброты?

От того, в какой точке на континууме «добро – зло» располагаются основные социальные общности семьи и школьного класса, во многом зависит не только формирование представлений ребенка о добре и зле, но и его реальное поведение.

В каких условиях рождается доброе, милосердное отношение к ближнему – действенное сострадание и активное сорадование в ответ на его горести и радости⁴⁶?

Долгое время считалось, что истоки сопереживания, доброты внутри ребенка: в особенностях его нервной системы и психического склада. Так ли это? А разве доброе воспитание, личный пример взрослых, построение ими образовательной и культурной среды как сотрудничества, совместной деятельности ребенка с другими не питает эти истоки? Именно такая совместная деятельность, в которой происходит смена позиций – помогающего и страдающего, награждающего и награждаемого, – помогает ребенку осваивать различные модели поведения, строить образ собственного «я» и собственную картину мира на началах добра.

Истоки отзывчивости и в самых первых ответных движениях младенца на прикосновение матери, в этой первой совместной деятельности двух, в которой устанавливается самая первая общность переживаний, и дальше, во взаимодействии и общении с взрослыми, когда преподаются первые уроки нравственности: «Поделись сладостями», «Не сделай больно бабушке», «Помоги маленькому». А затем в группе сверстников, когда малыш сталкивается с жизненной необходимостью сравнивать себя и другого, оценивать свои поступки.

С возрастом отзывчивость все меньше нуждается в опоре на внешние стимулы, и ребенок начинает сочувствовать дальним, тем, кто не стоит с ним лицом к лицу и не включен в непосредственное общение. Однако эти позд-

⁴⁶ Подробный анализ проблемы сострадания и сорадования ребенка в социогенезе (истории развития человеческого общества, культуры) и онтогенезе (индивидуальной истории жизни) изложен в книге: В. Абраменкова «Сорадование и сострадание в детской картине мира». – М., 1999.

ние образования своим появлением обязаны первоначальной ситуации непосредственного взаимодействия и сотрудничества.

В нашем экспериментальном исследовании развитие гуманного отношения к сверстнику у дошкольников определяется, по крайней мере, двумя факторами: во-первых, развитием умений ребенка сотрудничать с другими в различных ситуациях совместной деятельности; во-вторых, развитием нравственной сферы личности ребенка: различения им добра и зла во взаимоотношениях со сверстниками, умения поставить себя в позицию другого и т.д.

У старших дошкольников (от 5 до 7 лет) эти важнейшие способности особенно интенсивно развиваются, благодаря усложнению самой совместной деятельности детей и приобретению индивидуального нравственного опыта общения и взаимодействия ребенка со сверстниками.

Совместная деятельность детей, построенная на мушкетерском девизе «Один за всех и все за одного» стимулирует проявление гуманного, доброго отношения к сверстнику не только в форме действенного сострадания, но и активного сорадования – содействия получению награды за успех групповой деятельности одним из участников игры. У более старших детей этого уже не происходит, совместная деятельность как средство проявления анти-зависти оказывается бессильной.

Какова же психологическая, а точнее – личностно-смысловая природа сорадования? Ответ на этот вопрос лежит, может быть, не столько в сфере эмпирических построений, сколько в сфере поэтических интуиций и духовных прозрений.

Психологически точную характеристику сорадования дал поэт Николай Заболоцкий, рассказав простую историю о детях, катающихся с упоением на своих велосипедах, не замечая, что за ними с восторгом бегают некрасивая девочка:

*«... Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,*

*Охваченная счастьем бытия.
Ни зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо...».*

И завершает поэт свое стихотворение глубоким философским размышлением о смысле красоты, а по сути, противопоставлением, с одной стороны, доброты как внутренней способности к сорадованию (внутренней духовной красоты), с другой – красоты чисто внешней.

*«... Что есть красота,
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором - пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?»*

[Заболоцкий, 1980, с.24-26].

«Чужая радость так же, как своя» вот формула сорадования, раскрывающая его центральный механизм – идентификацию с другим как анти-зависть к успешному, удачливому, счастливому. Однако одного этого механизма оказывается недостаточно, человеку необходимо в высшей степени развитое нравственное чувство, отвергающее собственный эгоизм и прагматику. Психологическая природа подлинного сорадования иная, чем сострадания, главное в сорадовании – отсутствие «духа эквивалентности» по типу «ты мне, я – тебе».

Безусловно, трудно радоваться удаче, успеху ближнего и, хотя, по словам А.С. Пушкина, «зависть – сестра соревнования и, следовательно, хорошего роду», именно с проявлениями зависти чаще всего человек сталкивается в подобных жизненных ситуациях. Сорадование – удел великодушных и сильных, тех, кто способен восхищенно склонить голову перед гением ученика, подобно В.А. Жуковскому с его знаменитым обращением к молодому Пушкину: «Победителю – ученику от побежденного учителя». Зло-радство и зло-действие Сальери – яркая противоположность такому сорадованию. По мнению А. Шопенгауэра, зависть, возбуждаемая чужим счастьем, состояни-

ем или преимуществами другого, присуща человеческой природе; главная и основная пружина в человеке, как и в животном, есть эгоизм.

Данная точка зрения оказывается неприемлемой для авторов огромного пласта философско-этической литературы, именуемой святоотеческой, яркими представителями которой являются великие писатели и христианские святые, оставившие богатое духовное наследие и психологически глубокое учение о человеке, о смысле его бытия и его самосовершенствовании. Иоанн Златоуст определил зависть как тяжкий порок и корень всякого убийства, поскольку именно с завистью в мир вошла смерть: библейский Каин – первый убийца на Земле. В поучениях Аввы Дорофея – христианского мистика VII века – сказано, что зависть иссушивает душу, ослепляет разум, затворяет Небо, рождает болезни (сравни у Владимира Даля: «завидовать – болеть чужим здоровьем»). В то же время «...ничто так тесно не соединяет людей между собой, как-то, когда они сорадуются друг другу». Христианская аскетика, отразившая и сформулировавшая многовековой опыт психокоррекции для борьбы человека с завистью, предлагает сорадование как «духовный щит».

Но вернемся к детям. В онтогенезе, по наблюдениям педагогов, зависть как ситуативная реакция на какие-либо преимущества другого (имущественные, интеллектуальные, и пр.) появляется достаточно поздно, причины ее усматриваются прежде всего в личностном эгоцентризме ребенка, его неспособности учитывать желания сверстника и другие факторы.

По мнению психологов и педагогов, положительные эмоции раньше, чем отрицательные становятся поводом для коммуникации младенца с взрослым, хотя, с точки зрения биологической целесообразности, должно быть наоборот – угроза должна призывать к контакту для защиты. Однако до 6 мес. малыш, испытывая, например, боль, не адресуется к взрослому, не «ищет» его, в то же время при положительных эмоциях уже с двухмесячного возраста младенец «подключает» взрослого к радости, получая удовольствие от совместности [Авдеева, Мещерякова, 1996].

Сорадование как форма включения другого ребенка в собственное удо-

вольствие, наблюдается у детей достаточно рано, уже на втором году жизни, когда ребенок, испытывающий удовольствие от общения с взрослым, пытается приобщить к нему других детей вопросами, обращенными к взрослому: «А Вове? А Тане?». Ребенок более старшего возраста иногда привлекает сверстника к участию в каком-либо удовольствии, которым пользуется сам (сладости, игрушки), причем эта ситуация не предполагает утешения вследствие неблагополучия.

Такие формы сопереживания имеют место в жизни ребенка и являются генетически более ранними по сравнению с сострадательными, поскольку маленький ребенок склонен, скорее, избегать ситуацию неблагополучия сверстника и при этом способен активно подключаться к ситуации его веселия, радости. Недаром говорят: «горе – разделяется, а радость – умножается».

А как связано интеллектуальное развитие и сорадование? Ответу на этот вопрос было посвящено исследование, проведенное с дошкольниками с помощью известных задач Ж. Пиаже на понимание социальных взаимоотношений, на умение видеть вещи с позиции другого человека. В результате выяснилось: чем выше у ребенка это умение, тем ниже способность к сорадованию. Это значит, сорадуются добрые, но «глупенькие» дети, причем доброта убывает по мере «прибавления ума»(!). Может быть, прав немецкий писатель, современник А.С. Пушкина Жан-Поль Рихтер: «*Сострадают люди, сорадуются ангелы*»? И только бесхитростные дети как «блаженные нищие духом» оказались способными проявить такое отношение к другому, при котором его ценность воспринимается, как своя собственная и потребности чужие и свои не различаются.

Высокий интеллект ребенка и его разнообразные знания, умения, навыки, о которых мы так заботимся, оказываются часто питательной почвой для взращивания детского тщеславия, индивидуализма и эгоизма. Как правило, это очень скоро оборачивается против нас – но это уже другой сюжет.

В экспериментальные группы входили дети одного возраста и одного пола. Кто же оказался отзывчивее – мальчики или девочки? Насколько по-

доброму способны относиться мальчики к сверстникам-мальчикам и девочки к сверстницам-девочкам?

Оказалось, во всех экспериментальных ситуациях девочки – дошкольницы меньше сострадали и радовались за подруг, чем мальчики. При этом представление о своем поведении у девочек было самым радужным. Почему? Ответ, очевидно, опять за пределами психологии, возможно, в сфере истории культуры. В самом деле, мужчины всегда действовали преимущественно в группах, совместно друг с другом: охота, война, спорт, общественные организации типа клубов и так далее. Возможность реализовать собственные цели через такие группы увеличивала потребность мужчин в объединении с другими, повышала необходимость в соучастниках, а значит, и готовность им содействовать. Деятельность женщин была более индивидуализирована, общение и взаимодействие со сверстницами, – по крайней мере, по сравнению с мужчинами – были ограниченными. Собственные цели, как правило, не выходящие за пределы семьи и родственных связей, женщина реализовала через близких – родителей, мужа, детей. Можно предположить, что история культуры не подготавливала женщин к коалиционной деятельности друг с другом. Может быть, дошкольницы и демонстрируют нам эти архаичные формы поведения?

Но, поскольку социальная роль женщины в последнее время сильно изменилась и изменила всю систему воспитания, систему социальных и культурных воздействий на девочку, мы вправе ожидать, что эти различия между мальчиками и девочками будут колебаться в зависимости от возраста. Действительно, у девяти-десятилеток соотношение изменяется, как бы «переворачивается» – теперь мальчики в экспериментальных ситуациях меньше заботятся о сверстниках, меньше им сострадают и сорадуются. Важна тут не биология пола сама по себе, а те различия в социальной позиции, которые заданы исторически сложившимися в культуре формами взаимодействия у мужчин и женщин.

Таким образом, на проявление межличностных гуманных отношений в группах в различные периоды детства половая дифференциация влияет неоднозначно. Каждый возрастной период, связанный с этапом становления психологического пола личности ребенка, имеет свою особую сензитивность, чувствительность к определенным воздействиям извне. Вместе с тем, формирующийся на основе полоролевых стереотипов психологический пол личности ребенка на разных этапах онтогенеза не может не испытывать влияния историко-культурных напластований, зафиксированных в таких формах, как, например, обычаи, ритуалы поведения, фольклор и др. Это значит, каждый возрастной этап может актуализировать тот или иной пласт социогенеза межличностных отношений.

В социальной ситуации сегодняшнего дня, с его конкуренцией и индивидуализмом, цинизмом и жестокостью, когда милосердие к слабым, сострадание к обездоленным перестает быть нормой поведения даже в детской среде, воспитание способности к сопереживанию оказывается, необходимым психокоррекционным средством преодоления личностного эгоцентризма и противоядием против разрушительной зависти.

Опасность как зло в мире

В контексте пространства окружающей среды как одной из составляющих детской картины мира была выделена символика опасности, которая связана с различными явлениями, как природными (стихийные бедствия), социальными (войны, вооруженные конфликты), так и техногенными (взрывы, пожары и другие экологические катастрофы). В социальной ситуации развития 80-х – начала 90-х годов наибольшую экологическую остроту приобрели такие рукотворные технические объекты, как *атомные электростанции*.

Архетип опасности – одна из таких универсальных структур сознания человека, обеспечивающая его жизнедеятельность на протяжении как всей истории человеческой культуры, так и индивидуальной истории каждого че-

ловека. У ребенка архетипы опасности гнездятся в глубинах бессознательно-го и «выползают» наружу в детских снах, играх, в детских рисунках.

Исследование представлений детей об атомных электростанциях показало эмоционально негативное к АЭС отношение детей разных возрастов, выраженное в визуальной форме рисунка и в вербальных высказываниях; последние, однако, оказались много беднее первых.

С возрастом усиливается негативное эмоциональное отношение к атомной электростанции как объекту энергетики, несущему в себе опасность. Это проявляется в отрицательных установках, получающих свое выражение в объективных показателях тревоги в детских рисунках. Что это за графические показатели? Во-первых, из рисунков постепенно исчезают люди как основные пользователи АЭС, почти исчезает также все живое: растения, птицы, животные. Во-вторых, появляется и нарастает так называемая *невротическая заштриховка*, характерная для эмоционально негативных ситуаций, отражающихся в детских рисунках. В-третьих, с возрастом растет пристрастие к темным тонам, основным карандаш у детей – черный, именно его на занятиях приходилось затачивать несколько раз. В-четвертых, в манере рисования все чаще происходят сбои: дети много стирают ластиком, зачеркивают уже нарисованное и переделывают, используя обратную сторону листа, что само по себе также свидетельствует о высоком уровне тревоги. В-пятых, композиции многих рисунков детей отличаются несбалансированностью, т.е. неуравновешенностью верха и низа и случайностью выбора центра, что может быть вызвано неприятным чувством дисгармонии и дисбаланса собственного тела.

В то же время изобразительные средства в детских рисунках имеют не только изменяющиеся характеристики, но и графические константы – инвариантные для всех возрастов и присущие образам АЭС. К ним относятся: 1) разнообразие обилия перекрещивающихся линий, всевозможные кресты, решетки, лестницы, вышки, столбы с колючей проволокой; все это, как правило, изображалось черным карандашом (архетип креста); 2) ломанные замкнутые линии, отдаленно напоминающие многоугольные звезды, – красные с

желтым и черным вокруг (архетип звезды); 3) черные каракули в облике туч, дым из труб, атомного взрыва, путаницы проводов (архетип спирали); 4) социокультурная символика опасности: ломаная стрела – молния, череп с костями, восклицательные знаки, символы пожара (01) и скорой помощи (красный крест); 5) надписи: «Ток!», «Атом!», «Опасно!», «Газ!» и др.

Если сравнивать рисунки атомной электростанции, которую дети, кстати, никогда не видели, и рисунки детей, реально переживших землетрясения, то в ряде случаев обнаруживается определенное сходство. Пятилетняя девочка из Подмосковья нарисовала атомную электростанцию как черно-коричневый пейзаж с совершенно черным небом и бесплотными серыми фигурками людей, прокомментировав это фразой: «Все умерли». За тысячи километров от нее несколько раньше другая пятилетняя девочка из Ленинакана⁴⁷ долго рисовала многоэтажные дома, лежащие на земле, и красные кровавые цветы, растущие из развалин. «Все умерли», – сказала она по-армянски, когда закончила.

Тема смерти в образе мира современного ребенка помимо традиционной, хорошо освоенной игры «в войну» принимает обличье грозных сил природы, с одной стороны, и рукотворных сооружений, потенциально несущих в себе разрушение и гибель, – с другой.

Если проводить социогенетические историко-культурные аналогии, то в рисунках детей прослеживаются, если угодно, *апокалиптические образы*, сходные с представленными в разных культурах, мифах и сказаниях картинами землетрясений, пожаров, извержений вулканов и других вселенских катастроф. Архетип конца света с тысячелетней традицией описания в мифологии и религии разных народов и получивший предельное выражение в Апокалипсисе – Откровении Иоанна Богослова, находит свое графическое воплощение в детских рисунках атомной электростанции. Вот некоторые из этих образов: «...и произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь...» (Гл.6, 12-13); «И небо скрылось,

⁴⁷ В 1989 было разрушительное землетрясение в Армении, особо пострадали города Спитак и Ленинакан

свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих...» (Гл.6, 14); «и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела»; «...и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь...»⁴⁸ (Гл.8, 7-11). Многие из детских рисунков оказывались как бы иллюстрациями к этим строкам, визуализируя архетип Апокалипсиса.

В образе атомных электростанций и других технических объектов человечество столкнулось с глобальной проблемой экологического и нравственного порядка – добра/зла в окружающей среде, для решения которой необходимо обращение ко всему предшествующему опыту цивилизации и создания метода, позволяющего диагностировать представления, мнения, отношения людей по поводу тех или иных событий и явлений жизни независимо от их возраста и культурного уровня.

В качестве возможного направления разработки такого универсального метода нами предлагается **метод визуальной социопсихологии** – *методика «Руны»*, которая представляет собой стандартизированный стимульный материал – матрицу из 60 картинок: знаков, символов и других социокультурных изображений, содержащих различные архетипические, социотипические и стереотипические образы, сгруппированных в 12 рядов. Каждый ряд представляет собой пять вариаций на ту или иную графическую тему. Это своего рода опрос общественного мнения, построенный не на традиционных анкетах, а на социокультурных символах, знаках различной семантики.

С незапамятных времен геометрические и числовые символы описывали структуру бытия человека во вселенной, нравственные категории добра, веры, любви, надежды, преданности, справедливости, истины. Психофизическое воздействие очертаний круга и плавных линий на человека известно с древнейших времен и в отличие от таких геометрических символов как квад-

⁴⁸ Поразительно, но факт: название Чернобыльская АЭС получила от слова «чернобыльник», т.е. вид полыни.

рат, треугольник и особенно крест, содержащих в себе идею амбивалентности сфер бытия (жизни-смерти, страданий-радости и пр.), круг (мандала) исполнен позитивного смысла – добра, совершенства, завершенности. Этим воздействием и смыслом круга, кстати, можно объяснить предпочтение маленькими детьми округлых, плавных линий перед острыми, ломанными.

Задача испытуемых (детей и взрослых) – выбрать в каждом из 12 рядов те картинки, которые, по их мнению, имеют отношение к тем или иным реалиям жизни, в частности, к атомным электростанциям. Методика позволила зафиксировать значимые различия в графических презентациях в социальных группах: мужских, женских, детских.

Обращают на себя внимание существенные различия в графических представлениях о сущности и назначении атомной электростанции у детей в сравнении с *взрослыми*, особенно, с мужчинами: если для последних она – это преимущественно технический объект, необходимый для жизни и безопасный (символ – лампочка), то для детей-подростков – это, прежде всего, объект опасности, обозначенный символикой смерти (символ – череп). Это значит, что для детей тех лет в различных регионах страны атомные электростанции представляли собой в значительной степени как явное ЗЛО, как угрозу для человека, для Земли, и это – еще до чернобыльской трагедии.

Детское общественное мнение – это в определенной мере общественное мнение завтрашнего дня. Как отмечают социологи, дети являются социально-возрастной группой, для которой характерно стремление к переменам, способность идти «необщими путями», острота восприятия недостатков общественного устройства и высокая степень экологического сознания.

Таким образом, в контексте пространства *окружающей среды* в детской картине мира центральное место занимает символика опасности/безопасности, которая связана с различными природными (стихийные бедствия), социальными (вооруженные конфликты), техногенными (взрывы, пожары и пр.). Современный мир полон для ребенка опасностей. В нашем исследовании окружающей среды в середины 80-х – начала 90-х годов пока-

зано отношение детей различных возрастов и обширных регионов к этим современным техногенным явлениям. Начатое еще до Чернобыльской аварии исследование «Детского общественного мнения» по поводу АЭС выражено в онтогенезе преимущественно архетипической символикой опасности, сходной с обозначенными в разных культурах картинами природных катастроф – извержениями вулканов, пожарами.

Образ ядерной энергетики, как часть картины мира современного ребенка, вероятно, имеет свои глубинные историко-культурные прототипы вселенских катастроф. Существующие в пространстве неосознаваемых или не вполне осознанных социокультурных представлений, эти образы индивидуализируются и могут быть психологически «схвачены». Подобное исследование демонстрирует необходимость обращения к анализу картины изменяющегося мира в детском сознании для понимания нашего настоящего и прогнозирования будущего.

Дети рисуют завтра (образ будущего в детской картине мира)

В детской картине мира ребенком осваивается представление о себе в будущем (как личностная перспектива) и о будущих судьбах мира. В конце 80-х – начале 90-х годов среди многих тем в детских рисунках субъективная модель будущего – это наиболее позитивный образ для всех детей всех возрастов. Это было обусловлено, как ни парадоксально, общим оптимистичным настроем в детской культуре тех лет, вопреки экономическим трудностям (карточная система прод- и промтоваров) и политическим нестроениям (распад СССР).

Однако к середине 90-х годов и далее происходит снижение «показателей оптимизма» в рисунках «Наше будущее». С помощью графического контент-анализа были определены показатели позитивного/негативного отношения к будущему у детей из благополучных семей, проживающих в небольшом закрытом городе Подмосковья. Позитивное отношение к будущему оказалось у 38% детей, негативное отношение выказали 60%, а остальные – нейтральное, не столько модель будущего, сколько пути его спасения.

Художественный язык этих рисунков заметно отличаются от языка рисунков тех же детей на другие темы: значительно больше открытых композиций, чем замкнутых, гораздо сдержаннее колорит, мало ярких и звонких тонов, в теплой гамме работ – меньшинство. В представлении детей имеет место столкновение естественнонаучных знаний о мире с мифологическими.

Работы мальчиков и девочек отличаются и тематически и художественно: у мальчиков ярко выраженный технократический аспект изображения, к тому же в значительной степени мрачно-пессимистический взгляд на будущее, у девочек – более оптимистический с акцентом в житейскую или символическую стороны.

Особенности детского рисунка на тему «Наше будущее» последних лет XX века заставляют усомниться в том, что (в отличие от других эпох) ребенок нашего времени – «неисправимый оптимист».

Субъективный образ будущего предстал в рисунках детей «Я через 10 лет», полученных в 1992 и в 1999 годах, были обнаружены очевидные сдвиги в графических презентациях отношений к себе у мальчиков и девочек в будущем в сторону уменьшения представлений о себе в семейной сфере и увеличения доли индивидуализации собственного Я, особенно у мальчиков – в культивировании физической силы с, порой, достаточно выраженным криминальным оттенком. Для девочек различия за столь короткий период еще более существенные. Во-первых, активная «профессионализация» девочек самого раннего младшего школьного возраста (22% против 0 % семь лет назад!) и, во-вторых, резкое снижение представлений о себе в будущей семейной сфере : у 10-11-леток 7% против 47 % в 1992 году (!?) и у 12-14-леток 18% против 29%. Если отсутствие установок на семью и дом у мальчиков традиционны, то для девочек, особенно самых старших, подобная «бесемейная» картина мира, на наш взгляд, тревожный факт, требующий серьезного внимания.

Переломным моментом на данном этапе является возраст десяти лет, когда начинается дифференциация образа Я в различных сферах жизни, в ри-

сунках появляется фон, что дает основание утверждать, что ребенок представлениях о себе в будущем символически начинает отделять мир от себя и себя от мира. Ребенок в возрасте 7-9 лет в основном делает акцент на будущие внешние качества (у мальчиков – это физическая сила, у девочек – внешняя привлекательность). С возрастом представленность будущего в картине мира ребенка становится все более дифференцированной и включает различные сферы личного и общественного бытия.

Экран в детской картине мира

Детская картина мира как особая система значений, представлений, отношений ребенка к окружающей среде, другим людям и себе самому в современной социальной ситуации развития ребенка конца XX – начала XXI в отличие от прежних эпох формируется в уникальных условиях «информационного бума», в большей степени под мощным влиянием средств массовой информации со значительным преобладанием визуальных образов теле-, видео- и компьютерного экрана.

Современная цивилизация по сути своей навязала ребенку Экран в качестве и средства развлечения и обучения, но более всего – как средство его отвлечения от взрослых. Восприятие ребенка (как и любого нормального человека) тяготеет к созданию целостного образа (цело-мудрию), к формированию единой смысловой единицы мира. Экран с его оптическими эффектами (оп-артом) все более противится этому оцельнению, предлагая алогичное, парадоксальное, противоестественное представление о мире, например, сочетание невозможного – тягучести и жесткости (как в картинах С. Дали – мягкий часовой циферблат). Предельно явно обнаруживается подобное при воздействии *клипа*, мгновенные образы которого способны как бы просачиваться сквозь барьер осознанного восприятия, минуя сознание, воздействуя на бессознательные структуры. Оптические приемы, воздействие цвета в рекламе и фильмах, компьютерная графика с ее возможностями невозможного легко впечатываются в бессознательное ребенка, снимая противоречия меж-

ду реальностью и иллюзией, явью и сном, объектом и субъектом, жизнью и смертью, добром и злом.

Экран как абстрактный взрослый (*совокупный субъект*) активно осуществляет «телеэкранную социализацию», трансформирует детскую картину мира, постепенно вытесняя традиционные формы и институты социализации современного ребенка, прежде всего семью, порождая в ней, зачастую, квази-отношения.

Детские психиатры и психологи убеждены в следующем:

- дети часто в игре или жизненных ситуациях подражают насилию, увиденному на экране,
- дети склонны отождествлять себя с отдельными жертвами или агрессорами и переносить эти роли в реальные ситуации,
- дети могут в результате увиденного счесть насилие приемлемой моделью поведения и способом решения своих проблем.

Ужасающая статистика детской и подростковой жестокости в России свидетельствует о правомерности выводов ученых: подавляющее большинство несовершеннолетних преступников при выяснении мотивов истязаний, убийств, изнасилований и других преступлений против личности указывали прямо или косвенно на «экранные аналогии». Современная информационная среда, построенная на антигуманных принципах воплощенного ЗЛА, в последние годы становится все более и более мощным фактором агрессивного поведения детей.

Именно сегодня предельно остро встают вопросы о последствиях влияния Экрана – его физических, эстетических, психологических и др. параметров на, во-первых, соматическое развитие ребенка, во-вторых, на его ментальное развитие и, в-третьих, на его нравственное (духовное) становление. Основные *тенденции* этого влияния представляются в следующем:

1. Преобладание визуальной информации, идущей от плоского теле-, видео- и компьютерного экрана не может не вызывать определенные дефор-

мации в складывающейся сенсорной системе ребенка, в процессах его восприятия и понятийного мышления.

2. Формирующаяся у ребенка психологическая зависимость от Экрана отчуждает его от живого общения с взрослыми, сужает сферу совместной деятельности ребенка и взрослого в семье.

3. Экран вытесняет традиционную игру, в том числе коллективную игру со сверстниками, столь необходимую для его психического развития и личностного становления.

4. Экранные образы, запечатлеваясь в сознании, из источника информации превратились в источник т р а н с ф о р м а ц и и картины мира современного ребенка, знаменуя собой переоценку традиционной системы ценностей и образа жизни. Это следующие духовные подмены:

а) мозаичность, «распадаемость» образов как агрессия по отношению к живым существам и материальным предметам – вместо ценности живого и целостного мира;

б) конвейер шаблонных приемов и образов порождает к и т ч вместо высокой эстетической потребности ребенка в прекрасном;

в) облегченное отношение к жизни и смерти вместо благоговения перед их тайной; размывание границ дозволенного в представлениях о моральном поведении вместо четкой системы заповедей («если Бога нет, то все дозволено»);

г) ранняя сексуализация и эротизация детского сознания вместо целомудренного отношения к интимной сфере жизни;

д) инокультурные нормы и образцы вместо национальных традиций и ритуалов (например, предприимчивые герои мультфильмов Диснея вместо образов русских сказок или чудовищные Барби и Синди, воплощающие архетип блуда, вместо кукол-голышей, воплощающих исконный архетип материнства);

5. Экран для современного ребенка является не столько информатором и источником построения картины мира, сколько ее к о н с т р у к т о р о м ,

агрессивно программирующим образ жизни, «новую мораль» и систему ценностей.

Проведем эксперимент с помощью методики «Робинзон». Она представляет собой ситуацию, в результате которой ребенок, воображая себя на необитаемом острове с замечательными фруктовыми деревьями и добрыми зверями, может заказать по рации, которая работает в определенное время, что-либо себе из следующего списка:

- сладости, мороженое,
- книги, журналы, газеты,
- игры, игрушки,
- радиоприемник,
- телевизор,
- компьютер,
- «видак» с кассетами,
- сверстник (друг, подруга),
- мама,
- папа.

Инструкция заканчивается обращением: «По рации, которая заработает *через час* после твоего приезда на остров, затем на следующий *день*, потом *через неделю*, потом только *через месяц* и в последний раз – *через год*, ты сможешь заказать из списка все, что ты хочешь, но только что-то *о д н о*. Что ты хочешь, чтобы тебе доставили на необитаемый остров *через час*, *через день*, *через неделю*, *через месяц*, *через год*?»

За приведенными 10-ю названиями стоят определенные ценности: *традиционные* для любой социальной ситуации развития в детской субкультуре, реализующие *потребность в общении* с родителями и сверстниками (мама, папа, сверстник); *потребность в игре* (игры, игрушки) и *лакомстве* (сладости, мороженое), т.е. *потребность в удовольствии*. Кроме этого, представлены ценности и культурные атрибуты прошлого поколения (родителей) – книги, журналы, радио, отчасти телевизор, за которыми стоит *потребность в позна-*

нии, и наконец, ценности сегодняшнего дня – это, прежде всего, компьютер, «видак» и отчасти телевизор, т.е. Экран. Что выберут дети от 7 до 15 лет для жизни, и не только на необитаемом острове? Какие ценности предпочтут?

Анализ данных свидетельствует о том, что потребность в человеческом общении в целом оказывается *преобладающей ценностью* для детей, в особенности *для подростков* – семиклассников – с акцентом на потребности в общении со сверстниками, в то время как для младших школьников – с акцентом на общении с взрослыми – родителями. Самыми низкими показателями являются показатели девятиклассников (для них оказывается более высокой ценность познания), причем менее всего на необитаемом острове пятнадцатилетние хотят видеть своих отцов.

Ценность лакомства и беззаботных игр оказывается *наименее выражена* для всех возрастов и равномерно снижается от семилеток к пятнадцатилетним, в то время как ценность печатного слова и радио повышается с возрастом. Технократическая ценность Экрана приобретает максимальное значение в самом нежном возрасте – у второклассников и *преобладает над всеми другими ценностями* в этом возрасте (!?).

Если говорить обобщенно о половой дифференциации в данном исследовании, то оказывается, что женский пол (девочки/девушки) в целом более активно, чем мужской, выражает свои потребности (в удовольствии, познании, общении) и более четко обозначает ценность общения и взаимодействия, в особенности с мамой, в то время мужской пол (мальчики/юноши) обнаруживает большую приверженность к технократическим ценностям Экрана, вместе с тем, половина *самых маленьких девочек-семилеток* высказывают потребность прежде всего в компьютере, и лишь затем – в общении с мамой (!?). Ребенок, оказавшись (пусть в воображаемой ситуации) один на необитаемом острове (даже при отсутствии всяких опасностей), выбирает прежде всего для себя то, что более всего ему необходимо – оказывается, это компьютер как максимально отвечающий его потребности. Почему? Остает-

ся загадкой. Эти данные свидетельствуют о существенных трансформациях в детской картине мира в последние годы.

Ценность Экрана, содержание которой остается неясной, приобретает максимальное значение у самых маленьких – у семилетних школьников, хотя, казалось бы, она должна быть более выражена у 12-тилетних или 15-тилетних. Это означает, что подростки не просто значительно отличаются от младших школьников в приверженности к Экрану, но представляют как бы «другое поколение», следовательно, за короткий срок (6-8 лет) у нас что-то случилось, что-то произошло в городе, в стране и повлекло за собой существенные изменения в детской картине мира и сдвиги в ценностных ориентациях: от традиционных ценностей – к технократическим.

Детская картина мира в последние десятилетия формируется под мощным влиянием информационной среды и прежде всего Экрана – телевизионного, видео- и компьютерного. Влияние Экрана на трансформации детской картины мира особенно рельефно проявляется в детских рисунках, в которых часто независимо от заданной темы выступают запечатленные в сознании ребенка телеэкранные образы. Представленность Экрана в детской картине мира и его влияние обратно пропорциональны возрасту детей, т.е. чем младше ребенок, тем выше его «захваченность» Экраном, и с каждым детским поколением эта «захваченность» усиливается.

Информационная среда в детской картине мира, представленная ограниченной плоскостью Экрана, активно влияет на всю систему пространств отношений ребенка, постепенно подменяя их *«телеэкранной социализацией»*. Внедряясь в детское сознание посредством оптических эффектов, клиповости и самих телеобразов, экран конструирует «новую мораль», трансформируя ценностные ориентации и базовые потребности ребенка, такие, как потребность в игре и общении со взрослым и сверстником. Телеинформационная среда как «совокупный взрослый», агрессивно навязывающий новую систему ценностей, когда живое, человеческое, непосредственное общение и

обучение уступает место технократическому, виртуальному, «экранному» (появилась новая поговорка – «*Пришла вирта - отворяй ворота*»).

В начале нового тысячелетия мы действительно стоим на пороге глобальных изменений системы социальных связей, установок, ценностей, важнейшим фактором этих изменений оказывается информационная среда.

Итак, детская картина мира представляет собой совокупность различных взаимопересекающихся сфер, социально-психологических смысловых пространств, раскрывающих отношения ребенка в системе «Я – МИР»: это пространство окружающей среды, информационное пространство, социальное пространство взрослых и сверстников, пространство представлений о себе и мире в будущем и нравственное пространство (категории добра и зла).

В силу ряда факторов: деструктивного воздействия агрессивной информационной среды, кризиса семьи, ориентации воспитания на индивидуалистскую модель, ослабления игровых форм совместной деятельности и др. причин социально-психологического, экономического, культурного планов нельзя не констатировать выраженную **дегуманизацию** отношений ребенка в обществе.

Следствия этого – серьезные трансформации в детской субкультуре: дети перестают полноценно играть, детский фольклор деградирует, детские сообщества все чаще формируются для антигуманных целей. Намечается обратная пропорциональная возрасту детей тенденция к размыванию границ представлений о «дobre и зле» и к сдвигу, особенно у мальчиков, графических пристрастий в негативную сторону, в то время как у девочек растет отчуждение от семейных ценностей.

Повышение в последнее десятилетие *уровня жизни* ребенка и семьи, особенно в больших городах России (это: рост потребления товаров и услуг, в том числе и детских, повышение жизненного комфорта, механизация быта, детская индустрия развлечений – книги, фильмы, телепередачи, игрушки и пр.) находится в противоречивом несоответствии со снижением *качества* его жизни (субъективной удовлетворенностью самого ребенка условиями жизни).

Об этом свидетельствуют детские рисунки последних лет, в которых очевидны проекции апатии, пессимизма, чувства опасности, исходящей от традиционно безопасных объектов (например, парадоксальные показатели тревоги наблюдаются в рисунках детей на тему «Моя семья» – даже если речь идет о так называемой «полной благополучной семье» или появляющиеся все чаще мотивы смерти всего живого, разрушений и гибели человечества в рисунках и сочинениях «Наше будущее», «Я – через 10 лет» и пр.) это – субъективные показатели психоэмоционального и духовно-нравственного неблагополучия ребенка.

Детский рисунок в начале XXI века, в переломный момент истории страны, в котором живет российский ребенок, является своеобразным «документом эпохи», свидетельствующим о нравственно-духовном кризисе общества, приведшем к экономическому, экологическому, энергетическому и другим кризисам. Необходимо обрести четкие ориентиры добра и гармонии. Дети это интуитивно чувствуют и показывают в своих рисунках. Показателями качества жизни современного детства в сфере психического и нравственно-духовного здоровья являются гуманные, добрые отношения ребенка к предметному и социальному миру, субъективное благополучие, оптимистичная картина мира.

Художественное творчество детей явилось одним из открытий, которые принес XX век в сферу искусства. Детские рисунки начала прошлого века, сохранившиеся в Историческом музее, в которых отражены события первой мировой войны и Русской революции, дают нам представление об изменившемся мире через детское восприятие. В конце XX – начале XXI века мир вновь потрясают тревожные события, и дети являются не только их очевидцами, но оценщиками и провозвестниками.

Психологические особенности современного ребенка проявляются в детском рисунке и начала XX века и нынешнего времени (это экспрессивность, динамизм, напряженный внутренний ритм, выделение главного, акцентировка деталей, обостренная декоративность и линейная выразитель-

ность), однако сегодня в работах детей наблюдается несвойственная ранее художественно-психологическая специфика: яркая символика добра и зла, тревога за будущее, знаки опасности и конца мира, но и: проникновение в глубины сознания и духа, активное утверждение добра, обращение к Божественному. Вот рисунок 11-летней девочки Жени К. из Подмосковья (2000 год) со стихами на обороте:

*Пусть ангел мира и покоя
К нам спустится на Землю.
И пусть трубит он в горн.
И пусть трава растет кругом.
У бедных будут деньги,
У взрослых будут дети.
Пусть реки будут чище,
А у детей – друзья.
И мамы, папы наши не умирают никогда!*

Что делать или Оправдание добра

Человеку свыше дано желать добра и не желать зла. Однако этот непреложный закон нарушается, шум мира заглушает совесть, она болеет и умирает. Утрачивается способность различения добра и зла, о которой прекрасно сказал А.С. Пушкин: «Добро и зло – все стало тенью» – это о нас. И человек все более и более саморазрушительно стремится ко злу и творит его с наслаждением, не оглядываясь на малых мира сего – детей.

Естественная способность различения добра от зла сохраняется в ребенке, и чем в большей степени у ребенка сформированы позитивные нравственные ориентации на добро, тем больше мир поворачивается к нему самыми светлыми своими сторонами. И такой ребенок более психологически благополучен и духовно защищен от грязи и заразы.

Сегодня «в наш жестокий век» настоятельно возникает необходимость обретения добрых гуманных отношений ребенка к миру и своего места в нем как проблемы формирования гармоничной картины мира – целостной упоря-

доченной системы представлений, знаний, отношений ребенка к окружающей его среде – к миру вещей и миру людей. Детская картина мира и есть в эмоциональной визуальной форме зафиксированное отношение ребенка к окружающей действительности – природной и социальной.

И задача взрослых помочь ребенку *гармонизировать его картину мира*, чтобы противостоять злу в сердце своем и выстраивать основания добра.

В понимании маленького ребенка категории добра и зла обязаны иметь четкие очертания и границы. Обращаясь к взрослому с явным или скрытым вопросом на тему «что такое хорошо и что такое плохо?», ребенок всякий раз хочет подтвердить для себя нравственное содержание и смысл того или иного явления, действия, поступка. Переворачивание требований в утверждении добра или смешение представлений о милосердии, гуманности, которые предоставляют современные «средства воспитания» – даже новые *сказки* (где зло творится традиционно «добрыми» персонажами и наоборот) и *игрушки* (которые воплощают не «образ идеальной жизни», а выходцев из преисподней) пагубны для становления не только представлений о добре и зле в детском сознании, но и для личностного и нравственно-духовного развития ребенка.

Очевидно, что гуманизация отношений ребенка к миру как конструирование гармоничной светлой детской картины мира с верой в будущее является определенным условием полноценного взросления самого ребенка и его нравственно-психологического здоровья. Без этой внутренней гармонии – при всем внешнем несовершенстве мира, нормально развиваться и жить невозможно, можно только «выживать».

В социальной ситуации сегодняшнего дня, с его конкуренцией и индивидуализмом, цинизмом и жестокостью, когда милосердие к слабым, сострадание к обездоленным перестает быть нормой поведения даже в детской среде, воспитание способности к сораданию оказывается, необходимым психокоррекционным средством преодоления личностного эгоцентризма и противоядием против разрушительной зависти.

Проявления сорадования и сострадания – есть «идеальная норма» нашего времени, без установления и исполнения которой мир погибнет, ибо сейчас он стоит у последней черты. Ребенок *изначально* обладает способностью, вернее искусством быть добрым, и те условия, которые создает ему Взрослый, проявляют или приглушают этот дар. Взрослый – это не только мама, папа, бабушка, учитель или экспериментатор, это книги и игрушки, телеэкран и вывески на улице, одежда и лакомства. Культура это «совокупный Взрослый», до которого ребенку еще надо дотянуться, карабкаясь по «наклонной плоскости» отношений. И лишь сверстники ребенку – *ровня*.

Именно в детской группе, детской субкультуре, в «горизонтальной плоскости» отношений на равных, являющейся более органичной для постановки себя на месте другого, открываются начальные пути освоения отношений к другому человеку как к ценности и к окружающему миру как безусловно ценному «для – меня». И без этих отношений не может быть счастлив и духовно здоров ребенок, да и любой человек. И такие отношения рождаются в добром взаимодействии, в сопереживании, в совместной деятельности.

Совместная деятельность является условием возникновения и проявления одной из важнейших способностей ребенка – его доброго, гуманного отношения к сверстнику как к себе самому. И от того, какого характера взаимодействие и общение складывается между детьми, во многом зависит тот индивидуальный стиль отношений с людьми, который будет проявляться много позднее. *Смена позиций* в процессе совместной деятельности предоставляет ребенку возможность освоения различных моделей поведения в зависимости от актуальной ситуации и «упражняет» его в таком поведении по отношению к другому, как будто этим другим является он сам.

Такая деятельность детей, построенная на мушкетерском девизе «*Один за всех и все за одного*» стимулирует проявление отношения к сверстнику не только в форме действенного сострадания, но и активного сорадования. Однако у более старших детей этого уже не происходит, совместная деятель-

ность как средство проявления анти-зависти оказывается зачастую бессильной, сорадование блокируется.

Гармонизация детской картины мира лежит на путях *создания образовательного и игрового пространств* как совместной деятельности, способствующей утверждению добрых отношений, а также в организации деятельности детских творческих сообществ, дающих ребенку защиту от негативного влияния агрессивной среды.

Приобретению индивидуального нравственного опыта общения и взаимодействия ребенка способствует игра. Общеизвестны взгляды на игру как на своеобразную «тренировочную площадку» для формирования добрых взаимоотношений, сотрудничества и дружбы между детьми, как «школу произвольного поведения», «школу морали в действии» и недопустимость игр, которые провоцируют детей на тщеславие, зависть, жестокость. При организации групповых игр особое внимание при этом следует уделять смене ролей в процессе выполнения игровых правил или разыгрывания сюжета, которые развивают способность у детей согласовывать свои действия с другими, ставить себя на место другого.

Гармонизация связей личности с миром на основаниях добра выступает, с одной стороны, как **идеальная норма** и поэтому оказывается *условием* полноценного взросления ребенка, а с другой стороны, *критерием* его личностного развития.

Без утверждения добра в отношениях ребенка к миру, другим людям и себе самому невозможно увидеть жизненные перспективы развития детства, а значит, нашего будущего.

ГЛАВА 8

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕБЕНКА КАК СТРАТЕГИЯ ВОСПИТАНИЯ

*Человек ищет иного, вертикального измерения
жизни, чтобы жить не только личной,
но личностной (духовной) жизнью.
А.А. Ухтомский «Интуиция совести»*

Современная социальная ситуация развития детства в России требует глубокого и всестороннего анализа. На государственном уровне по данным аналитического комитета при Госдуме РФ, анализ духовно-нравственного состояния несовершеннолетних в Российской Федерации и ситуация в сфере их нравственного здоровья характеризуется наличием следующих проблем в различных сферах, это: кризис семейных ценностей в российском обществе, в том числе системы нравственных представлений о браке и семье; падение социального престижа материнства и отцовства; замена духовного общения с детьми «информационными технологиями», игрушками, компьютерными играми, интернетом, сотовым телефоном и т.п.; кризис полоролевых отношений в семье, отсюда утрата традиционных нравственных и эстетических образцов мужественности/женственности; отсутствие установки на семью как социально-психологическую общность многодетную и многопоколенную структуру и другие проблемы, имеющие свой исток в семейной сфере приводят к росту детской безнадзорности, массовым неисполнением родителями обязанностей по должному воспитанию детей, нравственной деградации общественных отношений взрослых и поведенческой вседозволенности подрастающего поколения. Рост распространенности среди детей и молодежи пошлости, эгоизма, сквернословия, культа потребления и вседозволенности, иных негативных установок и явлений свидетельствует о нравственной выхолащиваемости государственно-общественной системы воспитания и образо-

вания и отсутствии стратегии подлинной и эффективной государственной поддержки ценностной направленности воспитания детей и молодежи в соответствии с культурными традициями. Все эти проблемы нуждаются в незамедлительном решении на государственном и региональном уровнях и научном осмыслении их. Центральной составляющей кризисного состояния в этом направлении является именно духовно-нравственная сфера.

Исследование духовно-нравственного развития ребенка в общностях и социальных группах осуществляется в различных направлениях. Во-первых, в контексте фундаментальных задач определяется центральная доминанта следующего психо-социо-культурного характера. Становление структур внутреннего мира ребенка имеет социально-психологическую природу и обусловлено включением ребенка в различные общности: от диады с матерью до больших социальных групп – национальных, региональных, этнокультурных и религиозных. Во-вторых, собственно психологического, структурного смысла. Внутренний мир развивается в трех ипостасях: телесности как освоения пространства и образа собственного тела ребенком, душевности как его психических функций и духовности как духовно-нравственного потенциала – различения им добра и зла и активность в соответствии с совестью. В-третьих, возрастно-психологического аспекта. Построение ДНР происходит в соответствии с динамикой онтогенетического развития, исходной точкой которого гипотетически определен момент слияния двух клеток и дальнейшего внутриутробного становления ребенка. Исследования дошкольного детства показали, что традиционная игровая культура способна опосредствовать процесс духовно-нравственного развития ребенка в детской общности при определенном воздействии взрослого. Одним из средств духовно-нравственного развития является педагогическая поддержка, в овладении которой принципиальным является различение проблемы школьника и проблемы педагога.

Основной единицей анализа ДНР является *социально-психологическая общность* (семья, дошкольная группа, школьный класс и пр.) как целостный

организм, предоставляющий для ребенка специфическую образовательную среду для духовно-нравственного развития.

В контексте междисциплинарного направления «Социальная психологии детства» (В.В. Абраменкова, 2000,2008) предложен социогенетический подход, задающий исторический вектор развития ребенка в сочетании с этнологической линией влияющих на ребенка культур и с онтогенетической осью его индивидуальной жизни.

Основными **средствами** воспитания, способствующего полноценному развитию ребенка, в том числе духовно-нравственному, является создание формирующей личность *образовательной среды*, в которой закладывается адекватная иерархия целей и ценностей жизни человека и необходимые компоненты его полноценной жизнедеятельности.

Разрушительное и бесконтрольное воздействие телевидения, средств массовой информации, сети «Интернет» на сознание несовершеннолетних, направленное на пропаганду безнравственности, насилия, разврата, половой распущенности, извращений, бегства от реальной жизни в мир иллюзий, подрывающее семейные ценности и государственные устои. Важнейшим фактором, определяющим трансформацию ДНР в современных условиях, является информационная среда – прежде всего Экран – телевизионный, компьютерный, сотового телефона. Определить систему ценностей современного ребенка и характер влияния современных информационных технологий и компьютерных игр на духовно-нравственное развитие ребёнка, определить эффективность применяемых способов и средств нейтрализации виртуальной зависимости и тяги к компьютерным играм (виртаманией, по сути) – эти задачи стоят перед учеными. Да уж: «Пришла вирта – отворяй ворота!» Возникло такое четверостишие:

*«Не пугайте нас наркоманией,
Что нам опиум, героин!
Ведь у нас болезнь – виртамания,
С ней не справится ни один!»*

По мнению психиатров и наркологов, игровая и IT – зависимость не поддается лечению, по сравнению с алкогольной, пивной и даже наркотической». Где же выход?

В последние годы определяется тенденция восстановления традиций нравственно-духовного воспитания в России посредством введения в систему образования основ духовно-нравственной культуры и светской этики (ОРКСЭ). Методы и формы преподавания данных курсов остаются недостаточно проработаны в научном и методическом планах, отсюда настоятельная необходимость определения общей методологии духовно-нравственного воспитания (ДНВ), и связанного с ним антропологического содержания духовно-нравственного развития (ДНР) современного ребенка, а так же социально-психологической специфики, механизмов обеспечения и организации работы по созданию образовательных программ духовно-нравственного развития в различных образовательных учреждениях России. Целью таких программ является – актуализация ценностного потенциала и психологической компетентности педагога в области духовно-нравственного развития современного ребенка.

В образовательных учреждениях, где осваивается новое историко-культурологическое содержание курса «Основы православной культуры» постепенно изменяется контекст формулируемых проблем школьника: в него входят понятия сакральной сферы, характеризующей процесс духовно-нравственного развития. Это неизбежно влечет новые затруднения педагогов, которым предстоит осваивать технологию педагогической поддержки субъектности ребенка и его личностного развития в новом образовательном контексте.

Движению в позитивном ключе могут способствовать ценностные основания духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся, направленного на организацию нравственного уклада школьной жизни, включающего воспитательную, учебную, внеучебную, социально значимую деятельность детей и взрослых, основанного на системе духовных идеалов,

ценностей, моральных приоритетов, реализуемого в совместной деятельности школы, семьи и других субъектов общественной жизни. Работа должна быть направлена на формирование основ *морали* – осознанной обучающимся необходимости определённого поведения, обусловленного принятыми в обществе представлениями о добре и зле, должном и недопустимом, укрепление у них позитивной нравственной самооценки, самоуважения и жизненного оптимизма; принятие детьми базовых национальных ценностей, национальных и этнических духовных традиций; формирование эстетических потребностей, ценностей и чувств, а также формирование осознанного и уважительного отношения к традиционным российским религиям и религиозным организациям, к вере и религиозным убеждениям.

В контексте ДНР сформулированы важнейшие принципы, в частности, Принцип ориентации на идеал как высшую ценность (*идеальная норма развития*): не как среднего арифметического, а как высшего достижения человека. Это совершенное состояние человека, семьи, школьного коллектива, социальной группы, общества, высшая норма нравственных отношений, превосходящая степень нравственного представления о должном. Идеалы определяют смыслы воспитания, то, ради чего оно организуется. Идеалы сохраняются в традициях и служат основными ориентирами человеческой жизни, духовно-нравственного и социального развития личности. Это, по сути, показатель духовно-нравственной зрелости личности ребенка, который сам по себе выступает как необходимое условие детского развития.

Духовно-нравственное развитие – осуществляемое в процессе социализации последовательное расширение и укрепление *ценностно-смысловой сферы личности*, формирование способности человека оценивать и сознательно выстраивать на основе традиционных моральных норм и нравственных идеалов *отношения* к себе, другим людям, обществу, государству, Отечеству, миру в целом. Нравственное развитие не может не быть подчинено духовному в соответствии с принципом иерархического устройства личности (дух – душа – тело). Духовно-нравственное развитие и воспитание ребенка в

социо- и онтогенезе определяется двумя важнейшими социальными общностями – *семьей (мир взрослых)* и *детским сообществом (мир детства)*, активно дополняющими друг друга. Духовно-нравственное развитие и воспитание ребенка — это воспитание его отношений с миром, с другими людьми, с самим собой посредством *одухотворения* и *гармонизации* этих отношений. Суть ДНР – в духовно-нравственных показателях здоровья и развития ребенка – в гармонии или нарушении его отношений с миром: окружающей средой, взрослыми/сверстниками и самим собой. Из этого следует, что необходимо целенаправленное духовно-нравственное воспитание и образование, восстанавливающее целостность человека, предполагающее развитие всех его сил и сторон, исходящее из иерархического принципа устройства человека, при котором идеальный совершенный человек мог бы раскрыться во всей полноте.

Ценности образования определяют основное содержание духовно-нравственного развития и воспитания личности. Любое содержание обучения, общения, деятельности может стать содержанием воспитания, если оно отнесено к определённой ценности. Педагогическая организация нравственного уклада школьной жизни начинается с определения той системы ценностей, которая лежит в основе воспитательного процесса, раскрывается в его содержании и сознательное усвоение которой обучающимися осуществляется в процессе их духовно-нравственного развития.

Следование примеру – ведущий метод нравственного воспитания. Пример – это возможная модель выстраивания отношений ребёнка с другими людьми и с самим собой, образец ценностного выбора, совершённого значимым другим. Содержание учебного процесса, внеучебной и внешкольной деятельности должно быть наполнено примерами нравственного поведения. Пример как метод воспитания позволяет расширить нравственный опыт ребёнка, побудить его к внутреннему диалогу, пробудить в нём нравственную рефлексивность, обеспечить возможность выбора при построении собственной системы ценностных отношений, продемонстрировать ребёнку реальную

возможность следования идеалу в жизни. В примерах демонстрируется устремлённость людей к вершинам духа, персонифицируются, наполняются конкретным жизненным содержанием идеалы и ценности. Особое значение для духовно-нравственного развития обучающегося имеет пример учителя. Это образы героев Отечества, книг, фильмов.

Одним из важнейших является принцип идентификации как – устойчивого отождествления себя со значимым другим, стремление быть похожим на него. Очень важно, чтобы этот «значимый другой» был достойным образцом, позитивным личностным ориентиром.

В старшем дошкольном и младшем школьном возрастах преобладает образно-эмоциональное восприятие действительности, развиты механизмы подражания, эмпатии, способность к идентификации. Здесь выражена ориентация на персонифицированные идеалы – яркие, эмоционально привлекательные образы людей (а также природных явлений, живых и неживых существ в образе человека), неразрывно связанные с той ситуацией, в которой они себя проявили. Персонифицированные идеалы являются действенными средствами нравственного воспитания ребёнка.

В контексте «Социальной психологии детства» (В.В. Абраменкова, 2000, 2017) предложен социогенетический подход, задающий исторический вектор развития ребенка в сочетании с этнологической линией влияющих на ребенка культур и с онтогенетической осью его индивидуальной жизни.

Дети – экономический и политический ресурс, залог успешного развития и национальной безопасности государства в любой стране. Каково же состояние этого ресурса?

В разделе Доклада «Духовно-нравственное состояние несовершеннолетних в Российской Федерации и ситуация в сфере их нравственного здоровья» содержатся следующие положения, подчеркивающие:

Резкое снижение воспитательного воздействия семьи, ее роли в социализации детей, деформация сферы семейного воспитания: кризис семейных

ценностей, утрата представлений о необходимости верности супругов, падение социального престижа материнства и отцовства;

Разрушение традиционных духовно-нравственных основ и уклада семейной жизни, иерархии семейных взаимоотношений, усиление взаимной отчужденности супругов, родителей и детей, представителей старших и младших поколений.

1) рост распространенности среди детей и молодежи пошлости, эгоизма, культа потребления и вседозволенности, иных негативных установок и явлений;

2) рост детской жестокости и подростковой преступности, алкоголизма, табакокурения, наркомании и пр.и пр.

3) Сегодня, кроме того, учеными и педагогами отмечается : нежелание и отсутствие потребности самого ребенка переходить на следующую ступень возрастного и личностного развития, которое требует ответственного и осмысленного отношения к окружающему миру и к себе самому, своим поступкам и убеждениям.

4) В горизонтальном онтологическом измерении: наблюдается возрастная регресс в нравственной сфере – социальный инфантилизм. Отсутствие у растущего человека личностной перспективы, нежелание взрослеть. Нежелание порой жить.

5) В вертикальном, аксиологическом измерении – отсутствие нравственных ориентиров, образцов поведения, нежелание следовать нормам и требованиям общественной морали. Нарушения (аномалии ДНР) – это отсутствие или искажение отношений растущего человека с людьми, самим собой и окружающим миром (конфликтные или индифферентные отношения). Это неадекватное правилам духовной, нравственной жизни и совести (соотносимой с ними) поведение. Нарушения ДНР влияют на развитие (состояние) всех душевных сил человека, его психических процессов и функций.

6) Гармонизация духовно-нравственной сферы ребенка лежит на путях создания образовательного и игрового пространств как «тренировоч-

ную площадку» для формирования добрых взаимоотношений, сотрудничества и дружбы между детьми, как «школу произвольного поведения», «школу морали в действии».

Приобретению индивидуального нравственного опыта общения и взаимодействия ребенка способствует, в частности, традиционная игра. Общеизвестны взгляды на игру как на своеобразную творческую лабораторию, и недопустимость игр, которые провоцируют детей на тщеславие, зависть, жестокость. При организации групповых игр особое внимание при этом следует уделять смене ролей в процессе выполнения игровых правил или разыгрывания сюжета, которые развивают способность у детей согласовывать свои действия с другими, ставить себя на место другого.

Гармонизация связей личности с миром на основаниях добра выступает, с одной стороны, как *идеальная норма* и поэтому оказывается условием полноценного взросления ребенка, а с другой стороны, критерием его личностного развития.

Комплексная разработка принципиальных положений духовно-нравственного развития детей, подростков и молодежи осуществляется в различных социальных группах и общностях: семье, в государственных, муниципальных образовательных учреждениях (детсадах, школах, летних лагерях и пр.) а также в конфессиональном образовательном учреждении (приюте, воскресной школе, гимназии и др.), на церковном приходе и в государстве в целом. Отсюда основной единицей ДНВ и ДНР является не столько индивидуум, сколько *социально-психологическая общность* как целостный организм, предоставляющий для каждого члена сообщества специфическую образовательную среду для полноценного личностного развития.

Одним из важнейших квалификационных требований к педагогу является умение анализировать ход и результат своей работы. Оно связано с необходимостью повышения эффективности своей деятельности, которое возможно только на основе понимания того, что происходит с учащимися, каков характер их развития – не только возрастных изменений и знаний

предмета, но и духовно-нравственной развитости ребенка. Следовательно, необходима выработка методологии определения ДНР: формулирование принципов, критериев развития, разработка и использование методов диагностики.

Принципы обеспечения духовно-нравственного развития ребенка

– Ребенок есть активный и свободный субъект духовно-нравственного воспитания, а не объект формирования как манипулирования. Ребенок выступает как развивающийся субъект нравственности.

– Ребенок осуществляет свой духовно-нравственный потенциал в контексте системы его отношений с миром, окружающей средой, другими людьми (взрослыми и сверстниками), самим собой.

– На духовно-нравственное развитие ребенка оказывает влияние исторический и культурный контекст жизнедеятельности – историко-культурный аспект. «В устроении сердца каждого человека участвует род» (Феофан Затворник, об этом говорил и Л.С. Выготский).

– Духовно-нравственное развитие и воспитание ребенка в социо- и онтогенезе определяется двумя важнейшими социальными общностями – семьей (мир взрослых) и детским сообществом (мир детства), активно дополняющими друг друга. Важно качество и направленность данных социальных общностей.

– Духовно – нравственное воспитание ребенка осуществляется в соответствии с психологическим полом мальчика \ девочки и традиционными полоролевыми образцами поведения и эстетическими представлениями о мужественности \ женственности, зафиксированными в культуре.

Структура ДНР ребенка – единство взаимообуславливающих друг друга процессов: становления (как естественного созревания, возрастания), формирования (как обретения формы, образца под воздействием социально-культурных условий) и преобразования (как «саморазвития, превращения собственной жизнедеятельности в предмет практического преобразования») внутреннего мира ребенка, его самосовершенствования.

Посредством личностно-смыслового пространства вертикальной плоскости отношений происходит постижение ребенком духовно-нравственной сферы бытия, становление *совести*, этой внутренней инстанции различения добра и зла, существующей в качестве естественного нравственного закона, «написанного в сердце». Здесь совесть определяет представления о добре и зле как нравственного мерил в оценке собственных поступков и поступков других людей. Для ребенка это первоначально обнаруживается в понятиях «хорошо/плохо, правильно/неправильно, должно/недолжно» и пр., применяемых, вернее примеряемых ребенком к миру и к себе. Совесть выступает как *со-весть* (этимологически – «совместное ведение, знание»), как сверхъестественное откровение ребенку о самой сути явлений в терминах добра и зла; и здесь она может проявляться не столько в форме разумного осознания нравственного смысла чего-то, но прежде всего и преимущественно в форме эмоционального переживания, ощущения, предчувствия. В самом понятии совести есть и элементы познания («совесть заговорила»), и чувства («совесть обличает»), и воли («совесть удерживает от...»), соединенные воедино в ее «голосе». Различение голоса совести в себе и следование ее произволению формирует личностное качество *совестливости* – четкого отделения добра от зла в собственном поведении.

Детская духовная жизнь протекает сокровенным способом для внешнего взора, обнаруживая пласт духовно-нравственных отношений ребенка с Творцом как высшим существом. Именно вертикальная плоскость отношений определяет становление категории совести в детском сознании и задает систему представлений о добре и зле. Это непосредственно связано с формированием религиозного сознания ребенка, этапы которого были прослежены В.В. Зеньковским и сформулированы Жаном Пиаже.

Жан Пиаже об этапах развития религиозного сознания ребенка

1. Дооперациональный (2-5 лет), когда ребенок обожает / обожествляет своих родителей – мать и отца, чтобы после крушения иллюзий, позже

сделать родителем (Отцом) – Бога. Источник – детский анимизм, стремление приписать природным явлениям и событиям разум и намерения.

2. Конкретно-операциональный этап (5-10 лет) – пра-религиозное, символическое понимание Бога в форме сверхчеловека, который магической силой охватывает собой все самое возвышенное, могущественное и благородное.

3. Формально-операциональный этап (10-14 лет) когда возможно понимание Бога как невидимого существа, которое управляет миром и людьми. Личные отношения с Богом.

По свидетельству христианских мыслителей, «естественные силы духа» [Зеньковский, 1996. с.137], соотносимые с пониманием Образа Божия в человеке, проявляются в собственно религиозной, моральной (нравственной), умственной и эстетической сферах в качестве способности к творчеству, свободному выбору и саморегуляции, разума и совести [Архимандрит Киприан, 1996, с.158-159, 197, 241].

Можно заключить, что некоторые составляющие духовности, стоит исследовать и развивать. Это осуществляется в психологии под видом креативности, одаренности, произвольного поведения, умственных (интеллектуальных) способностей.

По В.В. Зеньковскому, смена периодов ДНР у ребенка определяется изменением в соотношении зреющего духа и психофизического развития, поочередного преобладания одного над другим. При этом «реальная и идеальная сфера входят в духовном созревании ребенка в глубокую связь между собой», где духовное начало выражается в психике, поведении.

Анализируя особенности ДНР ребенка в раннем, дошкольном и младшем школьном возрасте, Зеньковский показывает его гетерономный характер, содержательно обусловливаемый социальной традицией, нравами, авторитетом взрослых. Пути действия подсказываются ребенку указаниями старших, но он при этом усваивает эти предписания, выявляя с их помощью свои нравственные силы и представления на основе непосредственных «оце-

нок чувства». В дальнейшем собственный опыт ребенка вытесняет опыт взрослых, традицию и к началу отрочества (подросткового возраста) начинается аномная стадия, когда подросток следует порывам чувств и желаний, доверяя себе и отвергая попытки взрослых воздействовать на него. Постепенно эта стадия сменяется автономной, в которой подросток, овладев готовыми традиционными формами и собственной свободой, переходит к самостоятельным нравственным размышлениям и действиям. При этом «автономия не состоит в изобретении каждым человеком своей собственной религии, но требует только свободного усвоения» нравственных правил.

В приобретении добродетелей, как и вообще в духовной жизни человека, важен принцип постепенности и постоянства, а также учет индивидуальных особенностей ребенка, условий его развития.

В ДНР имеются сензитивные периоды, т.е. время наибольшего благоприятствования тем или иным воздействиям, например, в раннем младенческом возрасте – это преимущественно звуковые и тактильные воздействия, а в старшем дошкольном – вербальные и пр.

Необходимо определить те свойства ребенка, которые должны присутствовать и по которым мы можем судить о его духовно-нравственном развитии, т.е. *критерии* ДНР.

Критериями духовно-нравственного развития (ДНР), вернее – духовно-нравственной **развитости личности** являются:

- 1) наличие гармоничных одухотворенных отношений ребенка с окружающим миром, с другими людьми и самим собой; иерархичность этих отношений с взрослыми и сверстниками (пирамида с вершиной: Христос – родители – взрослые – старшие дети – сверстники – я),
- 2) развитое состояние в сознании и мировоззрении категории совести (представлений о добре и зле), готовность к покаянию – исправлению жизни,
- 3) стремление к самовоспитанию, самообразованию – соответствию себя, своего поведения и помыслов образу как образцу (образу Божию),

4) потребность и готовность проявления действенного сострадания неблагополучию и активного сорадования успехам другого человека (ближнего),

5) субъективное психоэмоциональное благополучие (мирное устроение, радость, бодрость), светлая оптимистическая детская картина мира (вера в будущее), радость перехода от одного этапа развития к другому, со ступеньки на ступеньку, «от силы в силу».

Основным **средствами** обеспечения полноценного духовно-нравственного развития как воспитания является создание духовно обновляющей и формирующей личность *образовательной среды*, в которой закладывается адекватная иерархия целей и ценностей жизни человека и необходимые компоненты его полноценной жизнедеятельности.

Кроме того, для ребенка также важно воссоздание детской игровой традиции и разработка современных методов, способствующих созданию одухотворенного детского игрового пространства для нравственного становления личности ребенка, формирования чувства общности, способности к сопереживанию как действенному состраданию неблагополучию и активному сорадованию успехам другого человека.

Одним из важнейших квалификационных требований к педагогу является умение анализировать ход и результат своей работы. Оно связано с необходимостью повышения эффективности своей деятельности, которое возможно только на основе понимания того, что происходит с учащимися, каков характер их развития – не только возрастных изменений и знаний предмета, но и духовно-нравственной развитости ребенка. Следовательно, необходима выработка **методологии определения ДНР**: формулирование принципов, критериев развития, разработка и использование методов диагностики.

Ценный опыт накопленный, школами, целыми регионами должен быть подкреплен уверенностью педагогов в верности не только выбранного стратегического курса, но и тактических подходов и решений. Поэтому предель-

но остро стоит вопрос о **диагностике** результатов усилий педагогов и самих изменений в структуре личности детей.

Усилия педагогов, родителей и воспитателей по реализации программ по духовно-нравственному воспитанию должны иметь **обратную связь**, иметь четкие критерии для определения движения – т.е. методический арсенал, позволяющий проследить траекторию этого движения.

Духовно-нравственное развитие ребенка определяет эффективность его воспитания. Диагностика духовно-нравственной развитости является одним из наиболее сложных и спорных вопросов современной науки. Есть определенный резон, чтобы в индивидуальной диагностике отказаться от сопоставления одного ребенка с другим, в силу признания нелинейного характера ДНР и нарушения права личности на свободный выбор жизненного пути.

Каковы требования к диагностике ДНР? Каковы основные параметры измерения духовно-нравственной развитости личности?

1. Это могут быть **Социально-значимые параметры**. Физические, рациональные видимые и возможно фиксируемые и измеряемые. Параметры, поддающиеся анализу и прогнозируемые.

2. Это должны быть и **Ценностно-смысловые параметры**. Мистические, иррациональные, сакральные, сокрытые в глубине сердца, трудно поддающиеся или невозможные для адекватного анализа, оценки.

Каковы показатели достижения цели ДНВ, сформированности этих сторон личности. Вероятно, здесь мы можем говорить об отсроченной во времени оценке, которая может выступать, Когда прямое воздействие школы и взрослых завершается или уже закончено. Человек стал взрослым, и можно отследить и определить его *нравственный статус* (что, кстати, и делают наши коллеги в других странах мира, например, в христианских школах США).

Социально-значимые показатели достижений ДНР – это, прежде всего, отсутствие негативных и присутствие позитивных проявлений в жизнедеятельности личности:

1. Отсутствие зафиксированных правонарушений и участия в криминальных группировках.

2. Отсутствие алкоголизма, наркомании, других аддикций.

3. Отсутствие ранних беременностей, аборт и венерических заболеваний⁴⁹.

Сюда необходимо добавить и **позитив, типа:**

4. Успешная служба в армии или учеба в учебных заведениях.

5. Позитивные отношения в семье (родительской или собственной).

6. Связь с жизнью церкви, общественными организациями. Активное участие в них.

Требования, критерии как инструменты определения результативности образовательных усилий в духовно-нравственной сфере могут быть использованы в смысле: **интеллектуально-когнитивном** (например, как знание основ православия, знания о нормах и принципах нравственно-духовной жизни), **мотивационно-потребностном** (как желание жить в соответствии с ними) и **поведенческом** (как совершение реальных поступков):

Методы диагностики и определения степени ДНР: от традиционного педагогического опроса, специального анализа творческих продуктов (сочинений, рисунков и пр.) до психологических тестов, других методик типа анкет и методов проективного характера.

Однако некоторыми педагогами и психологами предлагается отказаться от «уровней духовно-нравственной воспитанности», от «меры воспитанности», а основным объектом анализа и оценки воспитательного процесса считать, например, индивидуальность воспитанника, его личностную зрелость и рост «от силы в силу», т.е. *субъектный фактор*. А также соответствие ДНР ребенка характеристикам возраста и пр.

⁴⁹ В 80-х годах в штате Каролина (США) при объединении властных структур, СМИ и христианских церквей был получен позитивный результат в контексте ориентации полового воспитания на воздержании и религиозных ценностях. Директор христианской школы сообщил: «Мы гордимся, что наши учащиеся и выпускники уже много лет в показателях штата имеют хорошие результаты».

Есть определенный резон, чтобы *в индивидуальной диагностике отказаться от сопоставления одного ребенка с другим, в силу признания нелинейного характера ДНР и нарушения права личности на свободный выбор жизненного пути.*

ДНР как скрытые даже от самого человека таинственные процессы изменения смысловых структур его личности, **приобретение им некоего спасительного опыта**, реализация потребности не только в исполнении норм, но в совершенствовании себя, приближении и уподоблении себя нравственному идеалу. Каким же образом и каким методом можно проследить эти самые важные духовно-нравственные изменения?

Попыткой создания такого метода является разработка нами диагностики отношений ребенка в группе сверстников. Евангельская заповедь «возлюби ближнего своего как самого себя» воплощена во вполне конкретных формах: не делай другому того, чего не хочешь себе, т.е. отношение к другому человеку понимается через отношение к себе. Это положение может быть воплощено не только в конкретных жизненных ситуациях, но и операционализировано (смоделировано) в методической/эмпирической схеме исследования взаимоотношений человека с другими людьми в условиях угрозы наказания или награды.

Основными подходами (принципами) к исследованию отношений ребенка в социальной психологии детства выступают: *принцип и метод смены социальной позиции* ребенка, проявляющийся, в частности, в приеме постановки себя на место другого в ситуации личностного выбора.

Смена позиции в процессе совместной деятельности в ситуации морального выбора предоставляет ребенку возможность освоения различных моделей нравственного поведения, в зависимости от ситуации, и «упражняет» его в таком поведении к значимому другому, как будто этим другим является он сам. Конкретным воплощением общего метода смены социальной позиции ребенка являются различные методические варианты изучения гуманных отношений к сверстнику в группах детей и подростков.

Есть ли феномен, способный в какой-то мере выразить определенную сформированность уровня духовно-нравственного развития ребенка? Это прежде всего при наличии сострадания другому в неблагополучии, *сорадование* его успеху. Воспитание способности к сорадованию оказывается, необходимым психокоррекционным средством преодоления личностного эгоцентризма и противоядием против разрушительной зависти.

Проявления ребенком сорадования и сострадания – есть «идеальная норма» ДНР нашего времени. Ребенок *изначально* обладает способностью, вернее искусством быть добрым, и те условия, которые создает ему Взрослый, проявляют или приглушают этот дар. А в детской группе, детской субкультуре, в «горизонтальной плоскости» отношений на равных, являющейся более органичной для постановки себя на место другого, открываются начальные пути освоения отношений к другому человеку как к ценности и к окружающему миру, как безусловно ценному «для – меня». И без этих отношений не может быть счастлив и духовно здоров ребенок, да и любой человек. И такие отношения рождаются в добром взаимодействии, в сопереживании, в совместной деятельности.

Совместная деятельность является условием возникновения и проявления одной из важнейших способностей ребенка – его доброго, гуманного отношения к сверстнику как к себе самому. И от того, какого характера взаимодействие и общение складывается между детьми, во многом зависит тот индивидуальный стиль отношений с людьми, который будет проявляться много позднее. *Смена позиций* в процессе совместной деятельности предоставляет ребенку возможность освоения различных моделей поведения в зависимости от актуальной ситуации и «упражняет» его в таком поведении по отношению к другому, как будто этим другим является он сам.

Такая деятельность детей, построенная на девизе «*Один за всех и все за одного*» стимулирует проявление отношения к сверстнику не только в форме действенного сострадания, но и активного сорадования. Однако у более старших детей этого уже не происходит, совместная деятельность как сред-

ство проявления анти-зависти оказывается зачастую бессильной, сорадование блокируется.

Каковы методические средства диагностики ДНР как сорадования и сострадания сверстнику? Нами разработано методическое устройство «Дорога», которое моделирует ситуацию совместной деятельности группы детей, в процессе которой достижение общей цели сталкивается с неблагоприятием (угрозой наказания) каждого из участников, а затем лишь кого-то одного. Этот принцип положен в создание методики-устройства, адекватно моделирующей данную ситуацию⁵⁰. Разница данных «работы на себя и на другого» является показателем мотива действовать «ради другого» в ситуации наказания и награды.

Исследования убеждают, что именно *социальная общность* детей – и есть **субъект** духовно-нравственного воспитания (ДНВ), от которого зависит успех духовно-нравственного развития (ДНР) каждого ребенка. Важно качество и направленность данных социальных общностей, наличие значимых целей в совместной деятельности и позитивных межличностных взаимоотношений ибо, как сказал св. псалмопевец Давид: *«С преподобным преподобен будешь, и с мужем неповинным неповинен будешь: И со избранным избран будешь, и со строптивым развратишься»* (Пс. 17; 26-28).

Возникает вопрос: всё ли зависит в ДНР от воспитания, активного воздействия взрослых на ребенка? Может быть, есть определенные задатки ДНР в самой природе ребенка? Да. Необходима готовность самого ребенка к этому избранничеству, его особая *духовная одаренность*. Духовная одаренность человека – особая чувствительность, отзывчивость на переживания всего живого, деятельная любовь и доверие. Это – «осознание себя не только разумным, свободным существом, но лицом, вступившим в обязательство, ответственным перед Господом, с которым соединен неразрывно...способность и стремление действовать по этому обязательству» (Феофан Затворник), а так-

⁵⁰ Этот метод апробирован, более 1000 детей разных возрастов участвовало в экспериментах. Он позволяет диагностировать не только каждого ребенка, но и детские группы в проявлении гуманных отношений как ДНР.

же способность к самоизменению (покаянию) в соответствии с духовно-нравственными законами, по нравственному свободному выбору; возвращение в себе добродетелей как нравственных представлений, чувств, желаний и т.д., воплощаемых в поступки.

Практический выход. Обучающие и просветительские программы для педагогов и родителей, в ходе которых слушатели получают представление о специфике ДНР современного ребенка и о специфике реализации программ воспитания в детских учреждениях и семье с учетом лучших отечественных традиций. Определение подходов психокоррекции негативных проявлений ребенка и искажений его ДНР – задача будущих исследований.

Драматизм состояния современного детства и запросы образовательной практики требуют включения задачи стратегии воспитания как духовно-нравственного **возвращения**, а, следовательно, изучения духовно-нравственного **развития** ребенка в круг важнейших научных, образовательных и государственных проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время анализ детства в системе его многообразных связей с миром характеризуется, во-первых, изменением социального статуса ребенка в обществе, во-вторых, все увеличивающимся разрывом между богатством эмпирических фактов о ребенке в рамках естественно-научных и гуманитарных дисциплин, а также отсутствием общего методологического подхода к анализу детства как развивающегося феномена в культуре и обществе.

Необходимость междисциплинарного изучения детства как особой психо-социо-культурной реальности, создание целостной панорамы представлений о закономерностях становления личности ребенка в обществе, подчеркивалась многими видными учеными, как Р. Заззо, С. Московичи, Р. Харре, Д.Б. Элькониным, Э. Эриксоном и другими. Такое понимание детства, не вмещающегося в узкие рамки лабораторной экспериментатики, приводит к увеличению потока исследований: по антропологии детства [Слободчиков В.И., 1995, 2000], по экологической психологии развития ребенка [Bronfenbrenner U., 1974; Бронфенбреннер У., 1976; Бурменская Г.В. и др., 1986; Обухова Л.Ф., 1995], по этнографии детства [Мид М., 1988, Этнография детства..., 1983, 1998], по социологии детства [Собкин В.С., 1997], экологии детства [Панов В.И., 1996] и другие.

Одной из таких попыток междисциплинарного синтеза, дающей возможность увидеть панорамную картину современного детства как результата генезиса детско-взрослых отношений, является предлагаемый *социогенетический подход* – социальная психология детства: «Ребенок на пересечении возраста, истории, культуры».

Социальная психология детства представляет собой предметную область – междисциплинарное направление исследований детства как развивающегося психо-социо-культурного феномена. Ее предметом являются отношения ребенка, опосредствованные совместной деятельностью с другими (взрослыми и сверстниками), и закономерности их проявления в конкретно-исторической социальной ситуации развития.

Новые технологии исследования и методический инструментарий, адекватный задачам социальной психологии детства, позволяет преодолеть традиционную «робинзонаду» изучения отношений ребенка с миром.

Генезис отношений ребенка в культуре и обществе определяется двумя основными социокультурными институтами, за которыми стоят две значимые для ребенка социальные группы – семья и детское сообщество. Генезис имеет свой первоначальный исток в социогенезе – историко-культурном пространстве детской субкультуры, поэтому онтогенез отношений ребенка может быть представлен в историческом ряду онтогенезов (Д.Б. Эльконин). В социогенетической системе отсчета выделяются три координаты изучения детства. Первая координата позволяет раскрыть *диахронический* аспект изучения, т.е. построить «историческую вертикаль» феномена детства, становления ребенка как личности в аспекте исторической психологии – «раскрыть закономерности персоногенеза человека» [Ариес Ф., 1977; Петровский В.А., 1997 и др.]. Вторая координата позволяет дать анализ *синхронического* изучения детства в этнографическом пространстве, этнологической горизонтали, т.е. увидеть личность ребенка через призму существующих в наше время культур, способов его социализации, влияющих на его развитие [Мид, М., 1988, Этнография детства..., 1983]. Третья координата – изучение закономерностей жизненного пути личности в онтогенезе – это собственно психологическое «третье» измерение личности ребенка, доступное экспериментальному анализу [Божович Л.И., 1995; Обухова Л.Ф., 2006 и др.]

При анализе социогенеза отношений ребенка в социальной психологии детства мы исходим из принципа исторической реконструкции, позволяющего воссоздать феноменологию отношений ребенка в различные периоды человеческой истории, воссоздание форм функционирования социальных систем и институтов (семьи и детского сообщества) на основе их позднейший образований и с учетом возможных путей и закономерностей их развития. Поиск адекватных инструментов изучения социогенеза детства приводит к выделению особых «сквозных» явлений психической жизни ребенка –

социогенетических инвариантов, сохраняющих свою относительную неизменность на протяжении длительного исторического периода и передающихся из поколения в поколение детей.

В центре внимания социальной психологии детства находятся *социальные группы*, в которые включен ребенок или с которыми он себя отождествляет. Это семья и школьный класс, детские игровые сообщества и проксимические группы, желаемые ребенком, макросоциальные группы (региона, населенного пункта, страны), к которым ребенок считает себя принадлежащим и пр. Некоторые из них могут приобретать качество референтности, личностной значимости для ребенка.

Социально-психологическая специфика личности ребенка состоит в том, что он изначально выступает как представитель одновременно двух больших социальных общностей – *мира взрослых* и *мира детей*, каждый из которых оказывает влияние на его личность, а сочетание их воздействий создает уникальную социальную ситуацию развития детства на каждом этапе его исторического и индивидуального бытия.

Детское сообщество, еще раз подчеркнем, является носителем *детской субкультуры* – смыслового пространства ценностей, способов деятельности, форм общения и пр., осуществляемых в детских группах относительно независимо от взрослых на протяжении всего социогенеза и проявляемых в социокультурных инвариантах, таких, как детский фольклор, традиционная игра, табуирование личных имен (прозвища) и др., а также в визуальных архетипических формах, сохраняющих свою стабильность на протяжении длительного исторического периода и передающихся из поколения в поколение детей.

Творческая, пристрастная переработка совокупного опыта предшествующих поколений в игре обусловлена сохранением и воспроизводством в детских сообществах различные жанров *детского фольклора*. К ним, в частности, относятся: *дразнилки* (именные – для мальчиков и девочек, а также дразнилки, высмеивающие детские недостатки и проступки: ябедничество,

хвастовство, глупость, плаксивость, жадность), благодаря которым детское сообщество осуществляет функцию воспитания. Дразнилки являются малой речевой формой, служащей для социокультурной регуляции отношений при вхождении ребенка в группу и в ситуациях нарушения ребенком групповых норм, высмеивая детские недостатки и проступки: ябедничество, хвастовство, плаксивость, жадность, и др.

Дразнилки тренируют эмоциональную устойчивость и самообладание, умение отстаивать себя при нападках сверстников в адекватной форме словесной самозащиты [Виноградов Г.С., 1930; Осорина М.В., 1983; 1999]. Жанр *считалки* является уникальным, не имеющим аналогов во взрослом фольклоре и представляет собой культурно отточенную прелюдию к игре. Вместе с традиционной, прежде всего коллективной игрой, считалки и другие формы жеребьевки являются социокультурным оформлением и реализацией игровых и параигровых отношений в детском сообществе. *Страшилка* – речевая драматизация отношений в детской группе, культурная форма катарсиса, выступающая как средство овладения ребенком собственным поведением; это своего рода групповой психотренинг детских страхов, боязни темноты и пр. [Мир детства и традиционная культура, 1990, 1996; Плеханова И.И., 1995; Чередникова М.П., 1995].

В детской субкультуре *наделение прозвищами и кличками* – есть средство табуирования личных имен. Как и детские «тайные языки», прозвища служат обособлению и автономизации детского сообщества, его четкому внутреннему структурированию и особой формой его индивидуализации. Некоторые прозвища, представляя собой кросскультурное явление, моделируют ролевую программу отношений в группе и регламентируют поведение отдельного ребенка в социальной организации детского сообщества [Harre R. 1993; Крайг Г., 2000]. *Детское словотворчество*, особенно перевертыши – особые словесные микроформы, в которых наизнанку выворачивается норма или очевидное явление становится невероятным, проблематизируются общепринятые представления (например, «ехала деревня мимо мужика». Своими

корнями эти «лепые нелепицы» (К. Чуковский) уходят в народную смеховую культуру как средство *расширения сознания, творческого переосмысления мира* [Чуковский К.И., 1985; Якобсон Р., 1985]. *Смеховой мир* детства также встроен в детскую субкультуру наряду с миром страшного, опасного, а также с миром божественного, мистического – в социокультурной регуляции жизни детского сообщества. Особая роль здесь принадлежит детям-шалунам как шутам и дуракам в русской сказке [Амонашвили Ш.А., 1983; Лихачев Д.С., Панченко А.М. и др., 1984].

В силу особой мифологичности детского сознания с верой в сверхъестественное, потребностью в обретении высшего средоточия целостного мира, его Творца и Вседержителя, каждый ребенок *естественно религиозен*. Детская духовность есть составная часть детской субкультуры, ее вертикальное «шестое» измерение отношений ребенка; это такая деятельность его сознания которая направлена на определение критериев добра и зла, сообразно Творцу как высшей инстанции [Зеньковский В.В., 1993; Нечипоров Б.В., 1994; Флоренский П.А., 1990; Церковь, дети и современный мир, 1997].

Ценность детской субкультуры в том, что она выполняет важнейшие функции:

1. Социализирующую (основным агентом социализации выступает группа сверстников);
2. Психотерапевтическую, (здесь важное значение принадлежит детскому фольклору);
3. Культуроохранительную (в недрах детской субкультуры сохраняются жанры, устные тексты, обряды и ритуалы пр., утраченные современной цивилизацией) и
4. Прогностическую, ориентированную на будущее.

Детская группа через Зону Вариативного Развития обеспечивает, с одной стороны, ориентацию на утраченные, забытые формы культуры, а с другой, – прогнозирует новые пути ее развития. Проблематизируя и переосмыс-

ляя историческое наследие взрослых, детская субкультура *высвечивает точки роста общечеловеческой культуры*.

В результате сравнительного исследования уровня интеллектуального развития (по Ж. Пиаже) и способности ребенка-дошкольника сорадоваться успехам сверстника была зафиксирована обратная зависимость «ума и доброты»: чаще всего сорадуются добрые, но «глупенькие» дети, причем доброта убывает по мере «прибавления ума».

В социогенезе аналоги проявления сорадования прослеживаются на примере развития обычая гостеприимства, имевшего место уже в эпоху первобытности [Антипов Г.А., 1987; Першиц А.И., 1985]. Однако эта норма гуманных отношений была пронизана *духом эквивалентности* (по принципу: ты – мне, я – тебе) и только с возникновением и распространением идей христианства, когда объявилась признание ценности конкретной личности как божественного воплощения (особенно в соответствии с последней из Десяти заповедей – «не пожелай жены ближнего твоего, ни дома его, ни раба его, ни вола его, ни всего достояния его...»), появилась возможность развития нормы справедливости на основах милосердия, любви, а не эквивалентности [Топоров В.Н., 1995; Милосердие, 1998; Психология и этика, 1999]. Проявлением такой нормы и является сорадование как *анти-зависть*.

Система многообразных отношений ребенка порождает *детскую картину мира* как совокупность знаний, представлений, смыслов, реализуемых в образно-визуальных моделях, т.е. социально-психологических пространствах, раскрывающихся через горизонтальную плоскость – отношений со сверстником; наклонную плоскость – с взрослым; панорамную плоскость – отношений с окружающей средой; вертикальную плоскость – отношений с Творцом, задающую нравственные представления о добре и зле; «экранную» плоскость – отношений с информационной средой.

В русле социальной психологии детства предлагается подход и методология преимущественно невербального характера, позволяющая осуществить диагностику отношений ребенка к миру, к другим людям и себе само-

му с помощью метода визуальной социопсихологии, суть которого в использовании выделенных культурных символов, знаков, схем как показателей смысловых отношений человека к тем или иным сторонам бытия. Автором используется здесь понятие графический архетип, которое выступает в контексте инвариантной культурной формы визуального плана и закономерно оказывается в ряду с понятиями графический социотип и стереотип.

Центральной составляющей детской картины мира является социальное пространство взрослых/сверстников, вопрос об отношениях ребенка с каждым из них связан с понятием локуса ориентации – динамического свойства группы (или лиц) выступать субъектом влияния на развитие личности ребенка в разные периоды детства. Перемещаясь в ходе онтогенеза, локус ориентации, начиная со старшего дошкольного возраста, способен фиксироваться в горизонтальной плоскости отношений со сверстниками (при условии изменения социальной позиции ребенка с зависимой на активно помогающую, при символическом конструировании им «идеальной» социальной группы). В современной историко-культурной ситуации неопределенности, при которой расшатываются традиционные механизмы передачи знаний и нравственных ценностей, дети все в большей степени начинают ориентироваться на продвинутых сверстников.

В контексте пространства *окружающей среды* центральное место занимает символика опасности/безопасности, сходной с обозначенными в разных культурах картинами природных катастроф.

Вертикальная плоскость в детской картине мира – отношение детей различных возрастов к первичным *нравственным категориям добра и зла* – имеет выраженные графические компоненты и индивидуальные различия в выборе детьми позитивного/негативного/смешанного моральных эталонов. В последнее десятилетие намечается обратно пропорциональная возрасту детей тенденция к размыванию границ представлений о «добре и зле» и к сдвигу, особенно у мальчиков, графических пристрастий в негативную сторону.

Информационная среда в детской картине мира, представленная ограниченной плоскостью теле-, видео- и компьютерного экрана, активно влияет на всю систему пространств отношений ребенка, постепенно подменяя их «телеэкранной социализацией». Внедряясь в детское сознание посредством оптических эффектов, клиповости и самих теле-образов, экран конструирует «новую мораль», трансформируя ценностные ориентации и базовые потребности ребенка, такие, как потребность в игре и общении со взрослым и сверстником. Представленность Экрана в детской картине мира и его влияние обратно пропорциональны возрасту детей.

За последние тридцать-сорок лет произошло снижение многих показателей качества жизни современного детства в сфере психического и нравственно-духовного здоровья, *критериями* которого являются: гуманные отношения ребенка к предметному и социальному миру, субъективное психоэмоциональное благополучие, оптимистичная картина мира. Важнейшими *факторами* негативной динамики выступают: разрушение естественных институтов социализации – семьи и детского сообщества, изменение общей ориентации воспитания с коллективистской на индивидуалистскую модель, ослабление игровых интерактивных форм совместной деятельности ребенка, влияние агрессивной информационной среды и др..

Прискорбно для развития культуры в целом и каждого ребенка в отдельности, в детской субкультуре утрачиваются или деградируют многие культурные формы и тексты детского фольклора, а возникновение новых форм, например, жестоких розыгрышей или, так называемых «садистских стишков», свидетельствует об изменениях детского сознания в сторону его *танатизации* (поэтизации смерти, разрушения, деструкции).

Наметился *кризис игровой культуры*: примитивизация, особенно ролевой игры, из которой уходит ее правилосообразность и соотносимость с образом идеального взрослого, а также вестернизация содержания и меркантилизация мотивов. На примере игры как атрибутивной характеристики ребенка очевидны нивелировка, *размывание понятия взрослости*, а значит, и дет-

ства. Устранение негативных факторов современной социальной ситуации развития детства представляется в направлениях гуманизации отношений ребенка с миром посредством создания игровых и образовательных пространств на основе таких форм совместной деятельности, которые способствуют проявлениям сострадания и сорадования ребенка, а также в организации деятельности детских общественных и творческих организаций – по сути в воссоздании различных форм детской субкультуры, которая дает ребенку защиту от негативного влияния агрессивной среды, повышает уровень его психоэмоционального и нравственно-духовного благополучия.

Как отмечают социологи, для детей характерно стремление к переменам, способность идти «необщими путями», острое восприятие недостатков общественного устройства и высокая степень экологического мироощущения. М. Мид в 60-70-е гг. XX в. писала: *«Теперь мы вступаем в период, новый для истории, когда молодежь с ее префигуративным схватыванием еще неизвестного будущего наделяется новыми правами... Дети сегодня стоят перед лицом будущего, которое настолько неизвестно, что им нельзя управлять так, как мы это пытаемся делать сегодня...»* [8; с.322]. Детям доступны сокровенные тайны будущего века, поскольку они рассматривают его, находясь как бы *вне* событий, *над* настоящим. Может быть, они даже способны передать нам в своей картине мира отстранённый взгляд на грядущее – некое особое *знание до знания*.

Литература

1. Абраменкова, В.В. Социальная психология детства / В.В. Абраменкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 511 с.
2. Артемьева, Е.Ю. Изображение как инструмент измерения межличностных взаимоотношений. // Вопросы психологии. –1988. – № 6.
3. Божович, Л.И. Избранные психологические труды. – М.,1995.
4. Бьюкенен, П.Дж. Смерть Запада / Пер.с англ.А.Башкирова. – М.: «Издательство АСТ», 2003.
5. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6-ти т., Т.6. Научное наследство / Под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1984. – 400 с., с. 69.
6. Зеньковский Василий, протопресвитер. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.,1996.
7. Лотман Ю. Феномен субкультуры // Труды по знаковым системам,10. Семиотика культуры / Уч. зап. ТГУ, Вып. 463. –Тарту,1978.
8. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Пер с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. Сост. и послесловие И.С. Кона. – М., Главная редак. восточн. литературы издательства «Наука», 1988.
9. *Мир детства и традиционная культура: сб. науч. тр. и материалов* / сост. Е.И. Герасимова. – М.: Изд-во ГРЦРФ, 1996.
10. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. – М., Школьная пресса 2000.
11. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. – т.2. – М.,1988.
12. Ухтомский А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. – Рыбинск, 1997.
13. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.
14. Фельдштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве-времени Детства. – М., 1997.
15. *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М., Педагогика, 1978.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ЦЕННОСТЬ ДЕТСТВА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ОБРАЗОВАНИИ**

Монография

Автор:

Абраменкова Вера Васильевна

– доктор психологических наук, главный научный сотрудник
ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания
Российской академии образования»

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт изучения детства, семьи и воспитания
Российской академии образования»
10,8 п.л.

МОСКВА 2019

Абраменкова Вера Васильевна

**– доктор психологических наук,
главный научный сотрудник
ФГБНУ «Институт
изучения детства, семьи и
воспитания Российской
академии образования»**

В монографии представлена часть проведенных автором многочисленных исследований феномена детства конца XX – начала XXI вв. Детство как ценность открывается через все богатство традиции: детский фольклор и быт, детская игра и игрушка, детские представления о будущем, о добре и зле и др. Детская субкультура вносит неоценимый вклад в нашу культуру сегодня, задавая зону ближайшего развития (по Л.С.Выготскому): новых направлений, форм и стратегий воспитания. Проблематизируя и переосмысливая историческое наследие взрослых, детская субкультура высвечивает точки роста общечеловеческой культуры. Книга адресована психологам, педагогам, специалистам в гуманитарной сфере, родителям и всем, кому интересно современное детство